

С Е Т Е В О Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

S C I E N T I F I C J O U R N A L

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2024. Том 49, №1

НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право 2024. Том 49, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Нифонтова О.И., кандидат философских наук, старший преподаватель (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философских наук, профессор (Белградский университет, Сербия)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор Московского государственного института культуры (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции, профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Шнопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Высшая школа экономики)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; rosheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 20,8. Дата выхода 30.03.2024. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 5 Драч Г.В. Об античном полисе и проблемах происхождения науки и философии: перечитывая Петрова

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 17 Борисов С.Н., Дроботова Н.А., Дмитраков Р.А. Культурно-историческая практика: к истории одного понятия. Часть 2

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 26 Звонок А.А. Байесовская экспериментальная оценка социальных технологий: методологические и методические аспекты
39 Володенков С.В., Зотов В.В., Консон Г.Р., Гуров О.Н. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 52 Абдуллаев М.Н., Сафронова Е.В. Методологический конструкт исследования феномена государственности
63 Волков Д.А. Концепция простого юридического языка – основной вектор развития юридической техники англосаксонских стран
71 Евтушенко В.И. Становление механизма правового регулирования взаимодействия русского государства и православной церкви
79 Пенская Т.М. Московская «конституция»: княжеские духовные грамоты и докончания как основа политического устройства Руси
90 Туранин В.Ю., Яковлев Д.В., Посохова Я.В. Медиация в России: перспективы и альтернативы

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 98 Фомин А.А., Захарихина А.А. Допустимость ограничения конституционных прав и свобод в условиях кризисных ситуаций: понятие и основания
107 Ромашов Р.А., Кириловская Н.Н. Системы коллективной безопасности: исторический и сравнительно-правовой аспекты
120 Чапчиков С.Ю. Право национальной безопасности как комплексная отрасль российского законодательства: проблемы формирования и содержательного наполнения

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 129 Ковалев А.А. Роль информационной политики в управлении государством и формировании национальной безопасности

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 139 Резник С.В., Жилина М.А., Резник Н.С. Идеино-теоретические предпосылки антропологии ненасилия в раннем исламе

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 151 Анисимов Н.О. Понятия «инновация» и «творчество» в философском дискурсе

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 159 Волкова В.А. Бюрократия: к истории философского концепта
165 Селюков С.А. Мифологический хронотоп и архетипы повседневности
173 Чернышова Е.В. Н.Ф. Федоров и традиция отечественной нравственной философии

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 181 Егоров Н.С. Античное авторство в лабиринтах культурного самосознания: заметки на полях книги Г.В. Драча «История античной философии и культуры»
187 Липич Т.И., Липич В.В. Религиозная традиция в дискурсе модерна и постмодерна (рецензия на книгу: Традиции и новации в религии и религиозной культуре : монография / А.М. Прилуцкий, Д.А. Головушкин, В.Ю. Лебедев [и др.] ; ред. А.М. Прилуцкий. СПб. : Медиакросс, 2023. 264 с.)
194 Римский В.П., Римская О.Н. Вечная греческая античность (рецензия на книгу: Г.В. Драч. История античной философии и культуры : избранные труды в 2 т. г. Ростов-на-Дону, Издательство Южного федерального университета. 2023)

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law 2024. Volume 49, No. 1

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod National Research University)

Nifontova O.I., Candidate of Philosophical Sciences, Senior lecturer (NRU "BelSU")

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Savchuk V.V., Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg State University)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpopier, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (Higher School of Economics)

Yarychev N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia (Kadyrov Chechen State University)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 20,8. Date of publishing 30.03.2024. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 5 Drach G.V. On the Ancient Polis and the Problem of the Origin of Science and Philosophy: Rereading Petrov

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 17 Borisov S.N., Drobotova N.A., Dmitrakov R.A. Cultural-Historical Practice: To the History of One Concept. Part 2

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 26 Zvonok A.A. Bayesian Experimental Assessment of Social Technologies: Methodological and Methodical Aspects
39 Volodenkov S.V., Zotov V.V., Konson G.R., Gurov O.N. The Prospects of Creating a Prosocial Image of the Russia's Digital Future (Expert Assessment)

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 52 Abdullaev M.N., Safronova E.V. Methodological Construct for Studying the Phenomenon of Statehood
63 Volkov D.A. The Concept of Simple Legal Language as the Main Vector in the Development of Legal Technology in Anglo-Saxon Countries
71 Evtushenko V.I. Formation Legal Regulation Mechanism Interactions of the Russian State and the Orthodox Church
79 Penskaya T.M. Moscow "Constitution": Princely Testaments and Agreements as the Basis of the Political Structure of Rus'
90 Turanin V.Yu., Yakovlev D.V., Posokhova Ya.V. Mediation in Russia: Prospects and Alternatives

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 98 Fomin A.A., Zakharikhina A.A. Admissibility of Restrictions on Constitutional Rights and Freedoms in Crisis Situations: Concept and Grounds
107 Romashov R.A., Kirilovskaya N.N. Collective Security Systems: Historical and Comparative Legal Aspects
120 Chapchikov S.Yu. National Security Law as a Complex Branch of Russian Legislation: Problems of Formation and Content

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 129 Kovalev A.A. The Role of Information Policy in the State Management and National Security Formation

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 139 Reznik S.V., Zhilina M.A., Reznik N.S. Ideological and Theoretical Prerequisites for the Anthropology of Nonviolence in Early Islam

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 151 Anisimov N.O. The Concept of "Innovation" and "Creativity" in Philosophical Discourse

THESIS

- 159 Volkova V.A. Bureaucracy: Towards the History of the Philosophical Concept
165 Selyukov S.A. Mythological Chronotope and Archetypes of Everyday Life
173 Chernyshova E.V. N.F. Fedorov and the Tradition of Russian Moral Philosophy

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 181 Egorov N.S. Ancient Authorship in the Labyrinths of Cultural Identity: Notes in the Margins of the Book by G.V. Drach "History of Ancient Philosophy and Culture"
187 Lipich T.I., Lipich V.V. Religious Tradition in the Discourse of Modernity and Postmodernity (Book review: Traditions and innovations in religion and religious culture : monograph / A.M. Prilutsky, D.A. Golovushkin, V.Y. Lebedev [et al.]; ed. by A.M. Prilutsky. St. Petersburg, Mediacross, 2023. 264 p.)
194 Rimsky V.P., Rimskaya O.N. Eternal Greek Antiquity (Book review: G.V. Drach. History of Ancient Philosophy and Culture : Selected works in 2 vols. Rostov-on-Don, Southern Federal University Press. 2023)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 101.1; 130.2; 141

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16

Об античном полисе и проблемах происхождения науки и философии: перечитывая Петрова

Драч Г.В.

Южный федеральный университет,
Россия, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Большая Садовая, 105/42
gendrach@mail.ru

Аннотация. В данной работе продолжается обсуждение базовых идей М.К. Петрова о происхождении европейской философии и науки. Вслед за белгородскими авторами (В.П. Римским и О.Н. Римской) принимается в качестве дискурсообразующего положение Петрова о культурной модели «пиратского корабля». Однако открывающиеся перспективы исследования делают при такой теоретической диспозиции неизбежной дискуссию о мифологии как о неустранимом препятствии и (или?) несущей конструкции европейского мышления. Пиратская пентеконтера или священная триера символизируют греческий мир? И в какой мере палуба пиратского корабля открывала горизонты европейского мира? Каковы судьбы «олимпийских» цивилизаций Крита и Микен в условиях островной государственности и, что особенно важно, как происходит разрушение прежней мифоментальности и эмансипация правосознания и мышления, прорастание логоса, наблюдаемое в поэмах Гомера? По мнению автора, эти вопросы и позволяют реконструировать пространство античного полиса как творческую лабораторию философии и науки.

Ключевые слова: мифология, философия, наука, европейская культура, дворцовая цивилизация, островная цивилизация, античный полис

Для цитирования: Драч Г.В. 2024. Об античном полисе и проблемах происхождения науки и философии: перечитывая Петрова. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(1): 5–16. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16

On the Ancient Polis and the Problems of the Origin of Science and Philosophy: Rereading Petrov

Gennady V. Drach

Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344006, Russia
gendrach@mail.ru

Abstract. The article continues the discussion of the basic ideas of M.K. Petrov about the origin of European philosophy and science. Following the authors (V.P. Rimsky and O.N. Rimskaya) of the recently published article, Petrov's position on the cultural model of the "pirate ship" is accepted as a discourse-forming one. However, the opening prospects of research make it inevitable, with such a theoretical disposition, to discuss mythology as an insurmountable obstacle and (or?) the supporting

structure of European thinking. Does the pirate pentecontera or the sacred trier symbolize the Greek world? And to what extent did the deck of a pirate ship open up the horizons of the European world? What are the fates of the "Olympic" civilizations of Crete and Mycenae in the conditions of island statehood and, most importantly, how does the destruction of the former mythomentalities and the emancipation of legal consciousness and thinking, the germination of the logos observed in Homer's poems occur? According to the author, these questions make it possible to reconstruct the space of the ancient polis as a creative laboratory of philosophy and science.

Keywords: mythology, philosophy, science, European culture, palace civilization, island civilization, ancient polis

For citation: Drach G.V. 2024. On the Ancient Polis and the Problem of the Origin of Science and Philosophy: Rereading Petrov. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 5–16 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16

Сегодня личности и трудам Михаила Константиновича Петрова посвящено немало научных исследований. Так, В.Н. Дубровин и Ю.Р. Тищенко предварили своими статьями ряд базовых монографий, опубликованных вдовой ученого Г.Д. Петровой, в частности «Античная культура» [Петров, 1997], которую мы, тогдашние студенты, читали ещё в машинописном варианте в 1965–1966 гг. Результатом напряженной научно-организационной деятельности С.С. Неретиной стал выход в свет такого фундаментального труда М.К. Петрова, как «Язык, знак, культура» [Петров, 1991]. Издание ранее неопубликованных работ Михаила Константиновича было продолжено А.Н. Ерыгиным, В.П. Римским и М.А. Дидык в журналах, сборниках статей и материалах конференций, посвящённых памяти учёного [Наследие..., 2016]. Отметим также коллективную монографию под ред. В.П. Римского «Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллигент в интерьере культурного капитала» [2017].

Идеи Петрова продолжают вызывать обсуждения и дискуссии. В 2023 году успешно прошли уже XXXVI Петровские чтения, посвящённые столетию учёного. Недавно опубликованная статья В.П. Римского и О.Н. Римской [2023] возвращает нас к фундаментальным идеям его научного творчества. Авторы справедливо акцентируют внимание на теме античного полиса, открывающего новую страницу европейской культуры, науки и философии. Но главная особенность данной работы состоит в некотором развороте, смещении точек зрения и постановке целого ряда вопросов. Если ранее идеи М.К. Петрова принимались безоговорочно и без излишних комментариев, то исследование белгородских авторов предполагает некоторую отстранённость, дистанцированность. Задаётся она сопоставлением и даже противопоставлением позиций М.К. Петрова и другого известного (ростовского) учёного – А.В. Потёмкина. Сразу скажем, такой подход себя оправдал. Недаром писал поэт: «Лицом к лицу лица не увидать / Большое видится на расстоянии». Время-то сработало, многое сегодня видится гораздо глубже, чем при написании и выходе в свет работ Петрова. Ведь невозможно не попасть под обаяние Петрова, во всяком случае для его учеников, а из круга проблем, насыщенных дискуссиями 70-х, увидеть их современное значение без такого дистанцирования не получится. Воспользуемся этим теоретическим «разворотом» и выделим вслед за авторами стержневые проблемы научного творчества Петрова, в частности идею античного полиса как базового теоретического конструкта, вызвавшую острые дискуссии, как скрытые, так и явные, ещё при жизни философа.

Обращение в этой ситуации к полемике, пусть даже скрытой, М.К. Петрова и А.В. Потёмкина открывает широкое ментальное пространство, которое отнюдь не сводится к греческой рациональности. Уместен и поставленный авторами вопрос о том, почему Петров прошёл мимо новаторской работы Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории». Последующее же их замечание также заставляет задуматься: «При этом он чрезмерно рационализировал миф, а затем античную культуру и философию, отбросив все аргу-

менты мифогенной теории культурогенеза и рационализации философского знания» [Римский, Римская, 2023, с. 200]. Да, в каком-то смысле Петров не придавал греческому мифу специального значения. Но от ранних работ и до завершающей – «История европейской культурной традиции и её проблемы» [2004] – он опирался на тезаурусную теорию, что и позволяло ему реконструировать лингвистическое и культурное пространство развития европейской науки и образования в соответствии с тремя уровнями социального кодирования. Соответственно, второй тип социального кодирования (профессионально-именной) предполагал обращение к греческой мифологии и опирался на олимпийскую матрицу трансляции профессионального знания.

Полемика эволюционистов и креационистов, конечно, не возвращает Петрова к мифологии, что авторы статьи и замечают. Но обращение в этом контексте к Леви-Брюлю по вопросам перехода от «мистического», «пралогического» мышления к логическому и невозможности построения единого эволюционного ряда для всех мировых культур, обязательным институтом развития которых бы выступала наука, выводит его к базисным положениям – о мистической сопричастности, посвящениях (инициациях) и далее развиваемой им теории имени и типов социального кодирования [Петров, 2004, с. 110–112, 127]. С лингвистических позиций Петров рассматривает и греческий миф. Но таким ли видели его классики антиковедения – Эдуард Целлер, Вильгельм Нестле, Олоф Гигон, Бруно Снелль, Феохарий Кессиди, – для которых переход от мифа к логосу фундировал рождение греческой философии? К такого рода вопросам возвращает нас и следующее замечание авторов: «Вообще странно, как мог М.К. Петров так рационализировать проблему мифа и проскочить мимо мифологических оснований философии?» [Римский, Римская, 2023, с. 93]. Здесь же возникает и вопрос о понимании греческой «науки».

Заметим в этой связи, что Петров прежде всего был историком философии (кандидатская диссертация 1959 года и последующие работы) и историком науки (кандидатская диссертация 1967 года и последующие работы). И, конечно же, он различал греческое *episteme* и новоевропейское *science*, античную умозрительную теорию и европейскую экспериментальную науку. Собственно, вопрос о роли и значении языческой (античной) учёности в теологическом образовании и формировании предмета науки занимал немало места в работах М.К. Петрова, что и отмечалось нами в специально посвящённой этому статье [Драч, 2019]. Но вряд ли совместимо с его взглядами принадлежащее А.В. Потёмкину понимание философии как своего рода «мифа эпоптического», мифа созерцательного, рассчитанного на избранных: «То есть она была, по классификации Б.Ф. Поршнева, *контрсуггестией* и *аутосуггестией*» [Потемкин, 2003, с. 332]. Отстаивал ли Петров признание научного статуса за философией как таковой – это большой отдельный вопрос. Позиция же Потёмкина более понятна, он был последователем и единомышленником А.Ф. Лосева, подчёркивающего всеохватывающую роль мифа на этапе родовых отношений и в дальнейшей истории человечества. У греков, по мнению Лосева, нет личности, мышление же строится по мифологическому принципу *поиска начал*, чему соответствует и положение о теорийном видении мира.

Да, когда мы говорим о греках, мы выходим за узкие рамки интерналистски понимаемой истории науки: «Слово *theoria* у них присутствует в значениях “созерцание”, “умозрение”, “размышление”, “теория”, “учение”, имея за пределами философских текстов широчайший спектр значений: от “путешествия” и “театральных зрелищ” до “теории” – религиозного посольства из одного греческого государства в другое для участия в празднествах и играх» [Римский, Римская, 2023, с. 95]. Встреча с Божеством, *эпифания* – принятый в мистических практиках путь к сущности вещей (отсюда и «эпифеномен»). Это и есть путь теории. В то же время теорийное видение мира открывало путь науке, поскольку не исключало аподейтики. Первый европейский учёный Пифагор – маг и пророк, «поэт-пророк», как писал Корнфорд. М.К. Петров же, и авторы анализируемой нами статьи обращают на это внимание, философию считал «теоретической номотетикой» – первой

научной дисциплиной, которая и породила европейский способ мышления, а пирата и «интеллектуала» Одиссея – «первым европейцем». Можно сделать вывод, что вслед за Бернетом Петров отбрасывает всякую мистику и мифологию, рассматривая науку как «мышление по способу греков». Он принимает и положение, согласно которому греки отказались ото всех мифологических фантазий и с необычайной творческой смелостью приступили к созданию научных теорий.

Аподиктичность первых философских положений превращает их, как учил Аристотель, в научное (эпистемное) знание, а самих мудрецов-философов – в учителей человечества; создателей универсально-понятийного типа трансляции знания – это уже Петров. С Одиссеем же мы оказываемся в первом классе европейской школы мысли – на палубе пиратского корабля – пентеконтеры [Петров, 1987]. «Таким образом – констатируют авторы, – священная "триера" "Теорида", религиозно-мифологический исток философской "theogeo" в потёмкинской интерпретации, встретила с пиратским "пентеконтером" Одиссея, которого М.К. Петров сделал не только властелином корабля и царского "дома", но и мудрым управителем, рационально мыслящим в парадигме "слово – дело"» [Римский, Римская, 2023, с. 96]. Любопытно и замечание А.А. Кириллова, которое авторы приводят в этой связи. Кириллов, по сути, выделяет целый ряд фундаментальных направлений, на которые разделяется проблема генезиса европейской цивилизации. Одно из них: «...почему "эгейская катастрофа" и разрушение Крито-Микенской "олимпийской" цивилизации коренным образом не изменили религиозную мистериальную и психологическую установку духовного уклада древних греков?» [Кириллов, 2020, с. 46]. Но он сам далее не отвечает на поставленный вопрос.

О чём же может идти речь? О каких греках, какого исторического периода? Крит третьего и второго тысячелетий до н. э. – это одно, Микены середины второго тысячелетия до н. э. – это другое, гомеровская эпоха («тёмные века») с XI по IX в. до н. э. – это третье. И, наконец, архаический полис – VIII век до н.э. Что же касается преемственности, то напрашивается имя Густава Глотца, который показал влияние минойской культуры на греческую в эстетической, правовой и, разумеется, религиозной сферах. Но нельзя игнорировать и различия, прежде всего в государственном устройстве: разрушение дворцовой бюрократически-сакральной системы и рождение архаического полиса, что предполагает письменность как личный навык и писанные законы как норму справедливости, подлежащую публичному обсуждению. И, конечно, – городская жизнь, эпос, лирика, театр. Олимпийские игры, а затем – история, философия, наука. Словом, «греческое чудо». Конечно, авторы и здесь правы, – на исторической сцене появляется и начинает играть решающую роль гражданская община – «полития». И гражданскую жизнь, впрочем, и частную, тоже оберегают боги. Закон регламентирует и общественную, и частную сферы, но разумный человек никогда не откажется от помощи богов, а закон преследует святотатцев. Но и логос (эмансипированное слово, система доказательств) становится необходимым атрибутом общественной жизни.

Но где причины такого перехода? Каким был вектор исторического развития, который привёл от Микен к полису? Это был один и тот же народ, о чём говорит расшифровка Вентрисом линейного письма В. Это были греки – ахейцы. Авторы рецензируемой статьи правильно говорят и о роли дорийцев. Но поскольку соответствующих письменных источников нет, реконструкция оказывается невозможной, хотя их обращение к модели военной демократии, на наш взгляд, оправданно. Из письменных источников исключительное значение имеют поэмы Гомера. И хотя большинство сведений относится к гомеровскому времени, имеющиеся реминисценции позволяют реконструировать догомеровскую эпоху. Этот народ (внимание к этнической стороне здесь вполне оправданно) был активным участником эгейской катастрофы, начавшейся на Крите и постигшей затем и Микены. И до Петрова писали об историческом регрессе. Он же увидел в пространстве эгейского моря вектор исторического прогресса – формирование универсальной личности, разруше-

ние профессионально-именной матрицы. Вот здесь и появляется пентеконтера и апелляции к дому – *ойкосу*, традиционному основанию греческой жизни, поскольку каждый взрослый грек-мужчина мог сказать о себе – «в доме своём я хозяин».

Будет к месту остановиться здесь на следующем замечании авторов, которое и должно, по их замыслу, раскрыть тайну античного полиса: «Вот чтобы "олимпийский код" ойкоса взломать и обосновать переход к сугубо "античному", понятийно-теоретическому социокоду и полису, М.К. Петрову и понадобилась модель "пиратского корабля"» [Римский, Римская, 2023, с. 98]. С этим можно согласиться: тайну и ойкоса, и полиса (в его первоначальном значении – общинного поселения), и всей традиционной цивилизации, которой, слившись с минойской, стала ахейская цивилизация. Дорийцы – это уже *новый тип культуры*, претерпевшей своего рода «культурный переворот», начатый ахейцами. Конечно, возникает и ряд вопросов по описанию боевых кораблей эллинов у Гомера и Петрова, но не в этом суть. «И не это главное. Вопрос состоит в следующем: как и когда ахейцы и дорийцы (изначально кочевники) вообще овладели этим "пиратским искусством"?» [Римский, Римская, 2023, с. 97]. Собственно говоря, в этом положении и кроется новый поворот в осмыслении истоков и начал европейской культуры и цивилизации, предлагаемый авторами.

Но не слишком ли далеко мы уйдём в глубь истории? Петров, во всяком случае, не выходил за исторические горизонты поэм Гомера, чему и мы вынуждены следовать. В бассейне Эгейского моря разрушилась дворцовая система государств типа Пилоса и Кносса, «естественная государственность», говоря словами Петрова. Она покоилась на сакральных основаниях царской власти, обеспечивающей земледельческий цикл и предполагающей отчуждение части собранного урожая на содержание воинов, защитников от потенциальной военной угрозы, и громоздкого административного аппарата (писцы, жрецы, властная элита, прислуга). Проблема, на которой Петров концентрирует внимание, состояла в том, что в условиях островной цивилизации (эгейский котёл) невозможно было локализовать внешнюю угрозу и обеспечить безопасность земледельческих поселений. В островных условиях для небольших поселений сказывалась невозможность содержания надлежащей армии. Но тот же пиратский корабль, который разрушил первоначальную государственность, стал и первой «школой жизни», подготовившей греков к созданию государств нового типа. Опасность и горизонт открывали пространство уже не пророчеств и предсказаний, а прогнозирования и точного расчёта, из которых выросли рациональность и программы поведения, разрывающие устойчивую связку слов и дел, характерных для традиционного социального ритуала.

М.К. Петров в своих работах постоянно подчёркивал, сколь значимым был фактор пиратства для дальнейшего развития древнегреческой культуры. Пиратство стимулировало формирование специфического типа мышления: обстановка нестабильности и непрерывной опасности способствовала развитию предприимчивости, необходимости быстро принимать решения и импровизировать в нестандартных ситуациях, развивала находчивость. Пират был вынужден непрерывно совершенствовать навыки боя, продумывать новые способы атаки и коммуницировать, используя рациональные способы обоснования необходимых действий. Петров такого рода действия характеризует, обращаясь и к опыту общения Одиссея со своими спутниками на корабле, и по возвращению его на Итаку в распределении уровней соответствующих распоряжений своим домочадцам (в их число входили и рабы). Ойкос находится в основании раскодирования олимпийской цивилизации. Одиссей и другие басилеи (аристократия) становятся творцами социального ритуала и законодателями, творцами нового социального уклада – полисного.

Правда, такого рода позиция наших авторов не устраивает: «С нашей точки зрения, дом-ойкос никак не может служить материалом, царствуя в котором одиссеи-басилевсы взламывали "олимпийский социокод". Более того, объяснить специфику античного ойкоса

и феномена "пиратского корабля" можно только *из особенностей происхождения античного полиса*, но не наоборот» [Римский, Римская, 2023, с. 99].

Ответим вначале на вопрос, почему именно "дом" (ойкос) становится материалом для реализации "палубного принципа" М.К. Петрова в обосновании генезиса античного полиса? Потому что во времена Одиссея дом – это основная форма уже выделяющейся частной жизни в общинном пространстве племенных союзов – хранителей религиозных традиций и социальной памяти. Отсюда и отмечаемая исследователями (например, Альфредом Хейсом) произошедшая лишь в эпоху архаики культурно-этническая идентификация греков. В её основе лежали язык и вера, связывающие политическую жизнь и мифы. Ознаменован этот шаг был и созданием слоговой письменности, и формированием личностного сознания, что и предполагало обособление дома-ойкоса. Причём не только в сфере частной («ойконом» – управляющий большого ойкоса мог быть и из числа рабов), но и в сфере общественной, что и вызывало у греков дискуссии о «способности жить сообща», выступая отправной точкой социальной стратификации.

В течение гомеровской эпохи ойкосы были основным ядром общества. Прежде всего те, в которые входили члены знатных фамилий, включая сыновей (они становились главами семейств после смерти их отцов), их рабы, свободные, работающие у них по найму, друзья – соратники (Патрокл в доме Ахилла). Земельная и иная собственность также значилась как принадлежность ойкоса. Высказываются и такие мнения, что, по крайней мере, в течение определенных периодов, требования к простому члену ойкоса могли превышать общинные обязательства. И вот, пожалуй, основное, что необходимо учитывать прежде всего: богатство гомеровских ойкосов происходило в основном из двух источников: первого – земледелия и скотоводства; второго – военной добычи. Знатные – элита – создавали отряды для походов и руководили ими в рамках «военной демократии», но «лучшие» (аристократия, знать) оставались полновластными господами у себя в доме. Наиболее влиятельные из них почитались царями и в общине, хотя, как показывает опыт Одиссея и ещё более трагический – Агамемнона, их отсутствие не приводило к добру.

Но ойкос всё-таки не был самостоятельной социальной единицей, и рассматривать его вне общины (но какой? – здесь одни дискуссии) невозможно. Слово «полис» остаётся весьма многозначным, авторы статьи правы, когда позволяют себе заявить: «Для нас в архаическом, а затем классическом античном полисе явлен и не традиционно родовой, и не кастовый, и не классовый строй. Тогда каков же характер античного полиса? И что вообще объективно-исторически представлял собой "полис"?» [Римский, Римская, 2023, с. 99]. Ясно лишь то, что Петров действительно обосновывает его «вторичную природу». Приведём вслед за авторами весьма показательную цитату Петрова: «Город-государство как основная социальная структура античности не может возникнуть непосредственно из олимпийского социального ритуала, поскольку полис стоит на идее политического равноправия граждан, которая выглядит дикой и необъяснимой в пределах олимпийского ритуала. Возникновение полиса предполагает уже в наличии экономическую и военную автономию личностей, а также некоторый навык активного использования правовых отношений» [Петров, 1997, с. 44]. Здесь и начинаются дискуссии.

Позиция авторов диаметрально противоположна позиции Петрова, исходящего из признания специфики античного ойкоса и феномена «пиратского корабля». Дело в том, что в таком случае различие «города» и «полиса», по их мнению, попросту отбрасывается. «Мы же настаиваем на конкретно-историческом *разделении "дел" ойкоса-дома и города-поселения от "дел" полиса как политейного сообщества* [Римский, Римская, 2023, с. 99]. При этом полис как «политейя», которая для греков была «синкретической, религиозно-нравственно-политико-правовой субстанцией» вырастает из *кочевых архетипов* именно дорийцев, из специфики «кочевой военной демократии». Авторы таки уходят в глубь истории, обращаясь к «номадическому (кочевническому) цивилизационному типу». Ещё до оседания на землю, а тем более до того, как стали промышленно морским разбоем, кочев-

ники сформировали свои религиозно-политические ценности. С этим можно согласиться, но как это доказать? Тогда начинать придётся не с Крита и не с пиратов Эгейского моря, а с глубинных перемещений дорийских племён, не оставивших следа в истории. Поэтому авторы приводят исторические примеры и аналогии. Ещё до эгейских пиратов, у древних евреев они находят новый культурный архетип «примата слова над делом», который Петров относил исключительно к античности. Но, возразим, в приводимом примере речь идёт о священных, а не о профанных, доступных всем, текстах и изречениях. Имена здесь существуют по божественному, а не по человеческому установлению. У Петрова же имена теряют первоначальный сакральный смысл и возникает необходимость обоснования смысловой сакральности. В этом суть вопроса.

Можно согласиться с авторами, что в полисе считалось священным буквально всё (*ta onta*), любая сфера общественной деятельности освящалась присутствием богов. Стоит только обратиться к Ксенофону Афинскому, чтобы увидеть это. Да и после «Гражданской общины древнего мира» Фюстель де Куланжа никто не сомневается, что полис был не только политическим, но и религиозным феноменом. Тогда зачем идти так далеко, полагая, что *кочевнический архетип* и ахейцев, и дорийцев обусловил «сетевой принцип античного полиса» и «специфику его генезиса и бытования»? Дело в том, что в этом случае мы начинаем принимать во внимание не только светлые образы богов-олимпийцев, но и хтонические божества, дионисийской начало и даже древние обряды инициаций, которые описывает П. Видаль-Накэ [2001]. Да и Андрэ Боннар с полным основанием писал: «О Греция искусства и разума Тэна и Ренана, розово-голубая Греция, Греция-конфетка, как ты вымазана землёй, пахнешь потом и перепачкана кровью» [Боннар, 1992, с. 20]. Такой подход углубляет наши представления о психологии древнего грека, но не отменяет признания рациональной сферы и эмансипированного слова. Полис оставался в то же время видом гражданской ассоциации, защищающей интересы граждан.

И всё-таки «земледельческая религия» (религиозный мир античной пашни, лесов и рек, поля и рощи) – это важнейшая составляющая античного полиса. Сельский, загородный мир и городской мир – агора, ареопаг, народное собрание, народный суд – это два разных, но взаимодополняющих мира. *Кома* (сельская местность, обрабатываемые земли) была составной частью города-государства, в котором жили собственники земли. Перикл, чтобы больше времени уделять городской жизни, продавал весь свой урожай, а затем покупал провизию на рынке.

Эту двойственность полиса упускать из вида нельзя, чему авторы и следуют. Религия матери-земли таила могучие титанические силы, которыми она питала (и питает?) политику (отчизну). За прекрасными изваяниями олимпийских богов скрывался мир страшных подземных сил, передаваемый в сказаниях о битвах богов и титанов, о титанах, героях и полубогах – основателях полисов. Полисная религия Афин, например, – это не только Парфенон, храм Афины, но и Эрехтейон, гермы по сторонам дорог, священные обряды Ареопага и Элевсинских мистерий. Дом и гражданская община, полис – это две стороны одного процесса: взаимодействия общинного и частнособственнического начал в переходе от общины-поселения к полноценному полису. «Здесь и нашли себе прибежище те слои или группы ахейского населения, которые после гибели их государств не пожелали оставаться и жить на родине в условиях общей социальной и культурной деградации. Таким образом, вместе с остатками старинной знати в зоне ионийской и эолийской колонизации в Малой Азии смогли сохраниться важные культурные традиции и прежде всего героический эпос с его столько же народной, сколько и индивидуализированно-рационалистической мудростью» [Фролов, 1988, с. 60]. То же происходило и на материке, и на островах.

Гражданская община древнего мира, согласимся, оставалась первичной (то есть как кочевая) до оседания на землю и появления ойкоса. Но она эволюционировала от сельских поселений к крупным культурным и политическим центрам, чем и стали города – полисы

в принятом смысле. Такая общность (гражданская община) всегда держалась на религиозных скрепах. Авторы правы, в историческом развитии полиса наблюдается несколько напластований (родовой, сословный, классовый строй). Необходимо учитывать, что в постелемикенский период разрушения связующего единства – дворцовой администрации наблюдается «пробуждение» мелких сельских общин, вполне совместимых с индивидуальными хозяйствами. Отчётливо выделяются две взаимосвязанные тенденции – общего и частного: «...индивидуализация производства, рост частного богатства, демократизация экономического и военного быта» [Фролов, 1988, с. 51].

С течением времени цитадели «темных веков» (вернее, то, что от них осталось) и деревни-поселения переросли в города (крепостные укрепления) и стали местом обитания одной или нескольких общин. Полис стал обозначать территориальный союз так же, как чуть позже «политический союз» или «религиозную общину». Виктор Эренберг описал развитие такого рода процессов в Ионии. Мы можем видеть раннюю стадию возникновения полиса, отраженную в гомеровском эпосе. Гомер начинает использовать слово *polites* для обозначения граждан, что характеризует превращение полиса из сельского поселения в город-государство с писаными законами и системой магистратур. Конечно, торговля и морской разбой, в которых участвовали *polites*, вкупе с распространением письменности, создавали предпосылки для развитой общественной жизни, чего не знал Восток. Но круг граждан был ограничен родовыми и племенными узами, так что *религиозно-символический союз граждан* и представлял собой полис – «политию». Рабы, вольноотпущенники и метеки могли жить на территории полиса и заниматься ремеслом и торговлей, но не могли стать гражданами и, соответственно, быть участниками религиозных отправлений. Религиозные ценности фундировали культурную жизнь полиса. На них строилось искусство «жизни сообща», которое сообщили людям боги.

Но какой была роль эмансипированного слова – логоса? Ведь без него не были возможны ни суд, ни народное собрание, ни литература и философия и т. д. Оказывается, логос (не только как слово, но и как разум) лишь приоткрывал или не открывал вовсе (?) путь к гражданской добродетели и возможности научиться гражданскому искусству. Последнее ставится под вопрос, чем и завершается полемика Сократа и Протагора в диалоге «Протагор».

Представляется, что Ж.-П. Вернан несколько преувеличивает, когда напрямую связывает центрирование общественной жизни в полисе (агора) и геометризацию (рационализацию) греческого мышления. Но как в этом случае толковать разделение слов и дел у греческих пиратов, вырывающих греков из привычного мира слов и значений и проводящих водораздел между традиционной и европейской цивилизацией? Сакральной силой, если заглянуть за горизонт «обсуждения дел речами», которое, действительно, стало характерной особенностью жизни греков, наделяется человеческое самосознание, с чем связана (и это чрезвычайно важно) человеческая ответственность перед богами и соотечественниками, а также идеалы образования, свободы и гражданского мужества в бою за полис и отеческих богов. Греческая «созерцательность» без всего этого бы не состоялась.

Присоединяемся к позициям А.В. Потёмкина и белгородских авторов по следующему вопросу. Зрелищный, «теоретический» настрой характеризует как мудрость (*sophia*), так и философию (*philosophia*). Аристотель, по мнению Потёмкина, старается этого не замечать. И основания для этого, полагает он, есть, поскольку «традиционный миф и философия относятся к одному тому же роду» [Потемкин, 2003, с. 332]. Но тем не менее есть видовые отличия, а это целый переворот в сознании. Вопрос о начале философии и интеллектуальной революции у греков предполагает признание рациональной трансформации общественной жизни. Но с учётом вышесказанного генезис философии и её отношение к мифу могут рассматриваться и через призму «естественной теологии» греков. Боги-олимпийцы перестают быть держателями и мироохранителями, но тяга к сакральному остаётся, хотя и протекает в рациональных поисках трансцендентного. Но этим она и становится интерес-

ной средневековому, а теперь, оказывается, и нашему времени. Публичный характер греческой жизни с ее ролью народного собрания и народного суда формирует доверие к разуму, теории, а воля к трансцендентному реализуется в поисках безличного Абсолюта, которым выступает природа. Соответственно, прокладывается «священный мостик» от природы к этике и даже канонике – трём составным частям философии, а интерес к проблемам физики оказывается тесно связанным с метафизикой (учением о первоосновах бытия).

В тугой узел оказываются завязанными гражданский характер общественной жизни и роль личностного начала в ней, что нашло место в этике и политике (практической философии), обосновывающей человеческие добродетели, должную меру человеческой жизни. Идеи долга и ответственности в определённой степени дистанцируют человека от мифа. Ответственность перед «отеческими богами» заключалась не только в следовании ритуалам, но предполагала и ответственность перед общиной, что ценилось выше, чем ответственность перед родственниками и собой. Здесь и возникают коллизии личностного восприятия долга и ответственности (драма Антигоны). Как бы мы ни описывали происходящее, разрушение веры в богов, обмирщение, снятие чар волшебства обращает человека к вещам повседневности – *ta onta*, в которые боги не входят. Но брать ответственность на себя человеку, существу смертному, не по силам.

Это не означало отказа от поисков неизменного, вечного, совершенного, которые были у древних греков началами должного и сущего (в идеале) и получали в философских рефлексиях, теперь уже в отличие от мифологических спекуляций, новую жизнь. Как мы уже писали, «интеллектуалы создавали иную (философскую) религию. Переход от вопросов теогонии к проблемам космогонии не освобождал их от вопросов о мироустройстве и назначении человека и, наоборот, приводил к постановке проблемы сущности Бога. Такого рода "религиозный поиск", если так его называть, инициировал научные изыскания и делал необратимым разрыв с Олимпийскими, а тем более ещё с более древними божествами народной религии» [Драч, Французов, 2023, с. 755]. Но, разрывая с богами традиционной веры, греки обратились к глубинным проблемам рациональной теологии, в которую трансформировался миф.

Другое дело, что в случае необходимости и греки следовали логосу в крайней (прагматической) манере, когда, оставив священный город Афины на разрушение персам, дали им бой на море и победили. Логос помогал грекам выжить, перенять от мифа идеалы совершенного мироустройства мира и гуманизации научного поиска. И вряд ли Петров рационализировал миф. Наоборот, он вслед за Аристотелем разделял "теологов" (философовствовали мифологизируя) и "физиологов". Это тот миф, с которым греки порвали. Пути разрыва – поиск первооснования, субстанции ("ассоциативная модель" Петрова). Расхождения в том, что для Потёмкина философия в этом случае не выходит за пределы мифомышления. И во многом это так. Но тогда от античного рационализма ничего не остаётся. А для Петрова – это главное. Он пишет о способах трансляции социального опыта. Здесь в центре внимания оказывается имя: временного его носителя в первобытном обществе; вечное – в семействе божеств покровителей профессионального знания; универсально-всеобщее, построенное на категориальных основаниях языка.

Нет у Петрова и соображений о том, что свобода мысли у греков стеснялась теократическим устройством общества. «Поэтому пиратский корабль М.К. Петрова был не "плавающим островом", а "плавающим полисом", причём *полисом социо-теократическим*. Тайна античной философии и теорийного способа мышления сокрыта не в глубинах палуб пиратских кораблей, а сама их тайна со всеми её разгадками лежит в религиозно-мифологических и этнокультурных истоках древнегреческого полиса» [Римский, Римская, 2023, с. 102]. Да, культурное пространство греков выходит за пределы палубы пиратского корабля и территории небольших городов. Это всё пространство Средиземноморья. Среда, которая подталкивала греков к интеллектуальному исследованию: это торговля, мореплавание, пиратство, отличные от монотонной сельской жизни. Здесь же и торговый город

Милет и другие греческие города с пёстрой матрицей этнических и социальных различий населения. Полис оставался носителем коллективной, сакральной общности, к которой принадлежали лишь рождённые от греков. В то же время, как показал Петров, греки открыли мир культурных взаимодействий, которые строились на универсальной понятийной основе. Но в каждой культуре свой собственный эволюционизм, ведущий в современную ситуацию взаимодействия "развитых" и "развивающихся" стран. Петров возникающие коллизии осознавал.

Общий вывод возвращает нас к дискуссиям о будущем науки, научного творчества, мифе и разуме. Миф непобедим, он всплывает на поверхность, он легко аффицирует наше сознание и позволяет его эксплуатировать. Но в таком случае это не тот миф, на котором строилась традиционная культура, с её ценностями отечественных богов и памяти предков. Греческий миф оказался совместим с интеллектуальной революцией, которую совершили мудрецы-философы. И хотя первые философы отказываются от мифа в его фундаментальном видении мира и космогонических процессов, имплицитно они опирались на схемы мифомышления: цикл, раздвоение единого и борьба противоположностей и т. д. Такого рода совместимость мифа и разума позволяла сохранить гражданскую (и религиозную) сопричастность и, с другой стороны, допускала эмансипацию устного слова, послужившую предпосылкой интеллектуальному движению, признания авторства и запрета на плагиат. Отныне жажда познания, которую утоляли философы, трагики, поэты и учёные, питалась не из божественных, а из человеческих источников. Началось рискованное приключение разума.

Однако, что важно и для нашего времени, признавалось вмешательство бессознательного, иррационального: образы фантазии, утопического сознания делали рациональные истины даже более действенными, но для своего типа культуры. Интеллектуальная общность современного человечества – это не общий дом, а пространство коммуникации разных культур. Наука, техногенная цивилизация открыли пространство, в которое другие народы могут вписаться только при том условии, что они должны усвоить и перенять европейские ценности. И Петров, и Потёмкин понимали значение интеллектуального подвига греков, но понимали и значение этнического своеобразия и мифологических оснований греческой и мировых культур. Каждый из них исследовал свою сторону вопроса.

Список литературы

- Боннар А. 1992. Греческая цивилизация. Т. I. От Илиады до Парфенона / Андре Боннар; пер. с франц. О. В. Волкова; предисл. В.И. Авдиева. Москва: Искусство, 269 с.
- Видаль-Накэ Ж. 2001. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / Пьер Видаль-Накэ; пер. с франц. под общей редакцией С. Г. Карпюка; предисл. Ю.Н. Литвиненко; вступит. статья Г. М. Бонгард-Левина. Москва: Ладомир, 419 с.
- Драч Г.В. 2019. М.К. Петров об интеллектуальной революции XVII в. Вопросы философии. 1: 116–132.
- Драч Г.В., Французов Р. И. 2023. О «теологии» раннегреческих философов. Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Том 17. Выпуск 2. С. 748–759.
- Кириллов А.А. 2020. «Пиратская гипотеза» М.К. Петрова и эгейская цивилизация: возможные сценарии критического анализа. Наука. Искусство. Культура. 3 (27): 40–50.
- Наследие М.К. Петрова: философия, культурология, науковедение, регионалистика: сборник научных статей. 2016 / А.Н. Ерыгин и др.; под ред. А. Н. Ерыгина Белгород: ИПК БГИИК, 364 с.
- Петров М.К. 1987. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли. Вопросы истории естествознания и техники. 3: 100–109.
- Петров М.К. 1995. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 140 с.

- Петров М.К. 1997. Античная культура. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 352 с.
- Петров М.К. 2004. История европейской культурной традиции и её проблемы. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 776 с.
- Петров М.К. 1991. Язык, знак, культура; АН СССР, Ин-т философии. Москва: Наука, 1991, 328 с.
- Потемкин А.В. 2003. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 576 с.
- Римский В.П., Римская О.Н. 2023. Тайна античного полиса в скрытой полемике: М.К. Петров vs А. В. Потёмкин. Наука. Искусство. Культура. 2023. 3 (39): 92-104.
- Суриков И.Е. 2009. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского: Русский фонд содействия образованию и науке, 256 с.
- Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала: моногр. / [В. П. Римский и др.]; под ред. В. П. Римского. 2017. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.
- Фролов Э.Д. 1988. Рождение греческого полиса. Ленинград: Изд. ЛГУ, 232 с.

References

- Bonnard A. 1992. Greek civilization. T. I. From the Iliad to the Parthenon / Andre Bonnard; translated from French by O. V. Volkov; preface by V. I. Avdiyev. Moscow: Iskusstvo. 269 p.
- Vidal-Nake J. 2001. The Black Hunter. Forms of thought and forms of society in the Greek world / Pierre Vidal-Nake; translated from French under the general editorship of S. G. Karpyuk; preface by Y. N. Litvinenko; intro. an article by G. M. Bongard-Levin. Moscow, 419 p.
- Drach G.V. 2019. M.K. Petrov on the intellectual revolution of the XVII century. Questions of philosophy. No. 1. pp. 116-132.
- Drach G.V., Frenchov R. I. 2023. On the "theology" of the early Greek philosophers. *Schole. Philosophical antiquity and the classical tradition*. Volume 17. Issue 2. pp. 748-759.
- Kirillov A.A. 2020. The Pirate Hypothesis by M.K. Petrov and the Aegean Civilization: possible scenarios for critical analysis. *Science. Art. Culture*. Issue 3 (27). pp. 40-50.
- The legacy of M.K. Petrov: philosophy, cultural studies, science, regionalism: a collection of scientific articles. 2016 / A.N. Yerygin et al.; edited by A.N. Yerygin Belgorod: IPK BGIK, 364 p.
- Petrov M.K. 1987. The pentaconter. In the first grade of the European school of thought. *Questions of the history of natural science and technology*. № 3. pp. 100-109.
- Petrov M.K. 1995. Art and science. Pirates of the Aegean Sea and personality. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 140 p.
- Petrov M.K. 1997. Ancient culture. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 352 p.
- Petrov M.K. 2004. The history of the European cultural tradition and its problems. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 776 p.
- Petrov M.K. 1991. Language, sign, culture; USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow: Nauka, 1991, 328 p.
- Potemkin A.V. 2003. Metaphilosophical diatribes on the shores of Kiziterinka. Rostov-on-Don: Rostizdat, 576 p.
- Rimsky V. P., Rimskaya O.N. 2023. The mystery of the ancient Polis in the hidden polemic: M.K. Petrov vs A.V. Potemkin. *Science. Art. Culture*. 2023. Issue 3(39). pp. 92-104.
- Surikov I. E. 2009. Aristocracy and Demos: The political elite of Archaic and Classical Athens. Moscow: Dmitry Pozharsky University: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 256 p.
- Mikhail Petrov's Founding Discursivity: an intellectual in the interior of cultural capital: monograph. [V. P. Rimsky et al.]; edited by V. P. Rimsky. 2017. Moscow: Canon + ROOI "Rehabilitation", 456 p.
- Frolov E.D. 1988. The birth of the Greek policy. Leningrad: LSU Publishing House, 232 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 03.09.2023
Поступила после рецензирования 03.12.2023
Принята к публикации 30.01.2024

Received September 03, 2023
Revised December 03, 2023
Accepted January 30, 2024

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

Драч Геннадий Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gennady V. Drach, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University University, Rostov-on-Don, Russia.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 111.85

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-17-25

Культурно-историческая практика: к истории одного понятия. Часть 2

Борисов С.Н., Дроботова Н.А., Дмитраков Р.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
1034387@bsu.edu.ru

Аннотация. Работа продолжает анализ понятия культурно-исторической практики, популярного в философии XX века и сегодня оказавшегося на периферии философского дискурса. Целью исследования является изучение потенциала понятия культурно-исторической практики для осмысления актуальных проблем многообразия культур. Показаны изменения в смысловом содержании понятия «практика» от советской философской традиции до современной философии. Динамика ключевых смыслов практики выявляется в контексте соотношения с понятием истории, культуры и техники. Сделан вывод об изменении дискурса о практике в сторону понимания практики как множественного феномена, произошедшего в результате столкновения европейского мышления с «вызовом» истории, других способов жизни и множества культур, а также техники как необходимого и одновременно опасного «аватара» другого.

Ключевые слова: деятельность, человек, культура, история, практика, культурно-историческая практика

Для цитирования: Борисов С.Н., Дроботова Н.А., Дмитраков Р.А. 2024. Культурно-историческая практика: к истории одного понятия. Часть 2. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(1): 17–25. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-17-25

Cultural-Historical Practice: To the History of One Concept. Part 2

Sergey N. Borisov, Natalya A. Drobotova, Roman A. Dmitrakov

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
1034387@bsu.edu.ru

Abstract. The article is a continuation of the analysis of the concept of cultural-historical practice, popular in the philosophy of the 20th century and now found on the periphery of philosophical discourse. The purpose of this article is to study the potential of the concept of cultural and historical practice for understanding the urgent problems of cultural diversity. The authors show changes in the semantic content of the concept of "practice" from the Soviet philosophical tradition to modern philosophy. The dynamics of the key meanings of practice is revealed in the context of correlation with the concept of history, culture and technology. The conclusion is made about the change in the discourse about practice towards understanding practice as a multiple phenomenon that occurred as a result of the collision of

European thinking with the "challenge" of history, other ways of life and many cultures, as well as technology as a necessary and at the same time dangerous "avatar" of the other.

Keywords: activity, person, culture, history, practice, cultural and historical practice

For citation: Borisov S.N., Drobotova N.A., Dmitrakov R.A. 2024. Cultural-Historical Practice: To the History of One Concept. Part 2. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 17–25 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-17-25

Введение

Первую статью о практике мы закончили предположением о причине периферийности данного понятия в современной западной философии. После того, как было отмечено центральное место практики в классической философии и философии марксизма, что получило также продолжение в творческом советском марксизме, развитие западной мысли, как нам кажется, столкнулось с двумя проблемами. Проблемами, которые требовали решения на уровне теории и интеллектуальной практики осмысления себя в своем соотношении с историей и другими, которые отличаются и хотят остаться такими как есть. Но также себя с техникой, необходимой для жизни и одновременно опасной. Это приводит нас к попытке осмысления центральных проблем современной философии, которые мы собираемся рассмотреть в связке с понятием практики. Мы предполагаем, что удержание связи между ключевыми понятиями практики – истории, практики – культуры другого и практики – техники позволит раскрыть актуальное значение понятия культурно-исторической практики, покажет его возможности для понимания современности.

Практика и история

Необходимость обращения к истории содержится в самом рассматриваемом нами понятии, в котором историческое соседствует с культурным. И в самом широком смысле история, тем более в отношении практики, есть время. Прежде всего время как длительность человеческой жизни. Можно предположить, что само осмысление практики стало возможным для европейского мышления тогда, когда им была воспринята идея конечности существования отдельно взятого человека, человека как личности. Христианская идея конечности человеческого бытия и личной ответственности разрывает монотонность наследования именных кодов древности, когда на место одного человека заступал другой с таким же именем и набором стереотипных практик. Практика наследуется по сути анонимной чередой субъектов ради сохранения и устойчивости сообщества в целом и существует вне времени.

Такое понимание практики мы находим у М.К. Петрова, который в работе «Язык. Знак. Культура» пишет о культуре в контексте не просто абстрактной категории деятельности, но конкретной культуры, истории и деятельности [Петров, 2004]. Поскольку всегда есть совершенно определенный субъект, проявляющий активность, именно он включен в универсальную схему «знание – индивид – деятельность», но всегда в конкретных условиях, данных ему, и тех, в которых он живет. Время жизни дает возможность изменения, подстройки под условия и обстоятельства, так же как и самого человека. М.К. Петров пишет об этом предельно субъективном моменте следующее: «...поскольку объем социально необходимого корпуса знания и соответствующей ему деятельности всегда превышает возможности отдельно взятого индивида – его физическую и ментальную "вместимость", корпус знания необходимо фрагментировать... Именно фрагментация и интеграция, принятый в данном обществе способ фрагментации и интеграции знания определяют структурные контуры культурного типа...» [Петров, 2004, с. 31]. Можно сказать, что совершенно реальный человек с его ограниченной возможностью овладения практикой и памятью находится в самом «центре» культуры, определяемой способами хранения и передачи

знания. Методологически также действующий человек как субъект истории ключевой элемент теории М.К. Петрова.

Другой пример исследования практик с привлечением или на основе конкретного исторического материала – работы М. Фуко, посвященные дисциплинарным практикам. Так, известное исследование «Надзирать и наказывать» начинается с описания казни с последующим выводом: «В конце XVIII — начале XIX столетия, несмотря на отдельные яркие вспышки, мрачное карательное празднество начинает угасать. В этом преобразовании действуют два процесса. Их развитие во времени не вполне совпадает, содержание не совсем одинаково. С одной стороны, постепенное исчезновение наказания как зрелища. Церемониал наказания сходит со сцены; он сохраняется только как новый процедурный или административный акт» [Фуко, 1999, с. 14]. И здесь субъект есть часть концепции, он также «живой», но уже не играет первостепенной роли. Его заменяют более приоритетные «тело», «наказание», «преступник», «норма», «дисциплина». Дисциплинарные практики, центральный элемент концепции Фуко, в своем разрозненном, но вполне целенаправленном движении ко все возрастающему контролю, используют человека как «медиума», проводника анонимной «воли». Если ницшеанское влияние здесь и усматривать, то его значимость – в фуколдианском показе длительности и тотальности практик. В концентрированном виде афоризма можно сказать, что человек здесь является почти ничем, а практика – базовой и определяющей. И трактуемая в таком ключе практика находится вне времени, по крайней мере, вне истории, времени, соотношенном с событиями, переживаемыми конкретными людьми.

Иначе говоря, практика, если мыслить ее действительно как антропологическую практику, должна удерживать связь с человеком и историей. Исходно это христианская позиция, в которой время находит практику в субъекте – личности, который один предстает смерти как своей персональной конечности. Взамен человек получает компенсацию в виде возможности вечной жизни. Введение христианством этой идеи через надежду открывает принципиально иную перспективу, состоящую в отмене времени и деятельности, окончании истории и человеческой практики как таковой [Агамбен, 2018]. Вопрос в том, можно ли допустить, что осознания этой идеи так и не произошло, если философская мысль Европы в лицах своих представителей так и не приняла идею спасения, а значит отмены труда и практики, лишь в определенные периоды, наиболее близко подойдя к осознанию этой идеи, возможности ее принятия, отрывшейся в периоды наиболее острых и глобальных потрясений, например, мировых войн или эпидемий, ставящих под угрозу существование человечества. Такие глобальные вызовы, столкновение с историей буквально заставляют человека действовать, но также и рефлексировать о конечности своей собственной деятельности. Например, выдвигать идею о том, что практика побеждает время или, как минимум, преодолевает конечность человеческой жизни. Так же, как и обратное, уход от активности и отказ от деятельности, что на концептуальном уровне отбрасывает понятие практики на периферию научного дискурса.

Практика и культуры

Если со множественностью способов деятельности, множеством практик и множеством культур европейская мысль столкнулась достаточно давно, то теории возникли сравнительно недавно. Осмысление другого, признание отличного в качестве объекта изучения следует после его освоения как просто объекта, как минимум после его принятия как объекта колониальной эксплуатации. В его основе лежит фундаментальное деление на «своих» и «чужих», в научном дискурсе получающем интерпретацию аксиологическую. Аксиологический подход к культуре делит объекты на высшие и низшие, развитые и неразвитые, культурные и некультурные. При этом «свои» занимают положительный полюс этой оценочной шкалы, а «чужие» — отрицательный. И это только два полюса, две крайности, между которыми возможны и полутона. Так же, как и то, что можно назвать мифо-

логизацией. Как пишет Э. Саид во введении к своей работе «Ориентализм. Западные концепции Востока», «Восток (Orient) — это почти всецело европейское изобретение, со времен античности он был вместилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний. Теперь он исчезал на наших глазах, в определенном смысле даже уже исчез — время его прошло» [Саид, 2006, с. 7]. Исчез, в том числе в результате сдвига исследовательской парадигмы, позволяющей увидеть «другой» Восток или «востоки» — во множественном числе.

Рост знакомства с другими культурами показывал их отличие, но не всегда неразвитость. Поэтому критика подобных теорий не заставила себя ждать, так же как и появление альтернативных интерпретаций мировой культуры. Э.С. Маркарян пишет: «Ограниченность и несостоятельность подобной трактовки культур стала совершенно очевидной для многих исследователей XX в. Но каков должен быть путь преодоления аксиологического рассмотрения различных исторических культур, безотносительно к тому, какую эгоцентристскую форму оно принимает?» [Маркарян, 2014, с. 12]. Ведь если не делить культуры на высшие и низшие, то следует признать их равными, вне зависимости от проделанного ими исторического пути, накопленных достижений и содержательного наполнения. Интерпретация множественности культур как альтернативных сценариев развития, отмечает Э.С. Маркарян, легло в основу множества теорий, которые вместе с идеей равенства унаследовали идеи антиэволюционизма и релятивизма [Маркарян, 2014, с. 12].

Необходимый характер деятельности для человека как живого существа, признание универсальности практики не равно равенству самих практик, которые в различных культурах отличны по своему содержанию. На это указывает Э.С. Маркарян, предлагая различать форму и содержания культурных практик: «В частности, этими исследователями упускалось из виду, что понятие исторически данной культуры может быть логически построено качественно различным образом и может выражать, с одной стороны, локальную форму выражения культурно-исторической практики людей, а с другой — ее, так сказать, содержательную общность. Суть проблемы при этом заключается в том, что из этих двух элементов лишь первый (локальная форма проявления культуры) оказывается правомерным рассматривать в качестве равноценного (в том смысле, в каком это понятие используется в настоящем контексте) при соотношении различных культурно-исторических комплексов. Что касается второго элемента, выражающего общий тип культурно-исторической практики, то он не попадает под понятие «равноценности» в этом смысле и требует иного рассмотрения» [Маркарян, 2014, с. 12].

Иными словами, произошел переход от единства как методологического принципа, структурирующего элемента мышления о практике к множественности, выработка отношения к которой стала проблемой, в том смысле, что ответ должен был состояться как минимум на уровне теории, а как максимум — на практике. Наша позиция состоит в том, что «расщепление» единства практики произошло в результате столкновения с культурами, инаковостью, которая уже «не вмещалась» в колониальную парадигму, парадигму присвоения достаточно простыми и понятными для европейского ума категориями. Говоря словами Э. Саида, Восток, и не только он, перестал существовать как мифологизированная сущность, возникшая по большей части в эпоху великих географических открытий. И в этом контексте тезис Шерри Ортнера о центральном характере понятия «практики» для антропологических исследований с 80-х годов XX века, который приводят О. Хархордин и В. Волков, может пониматься как симптом освоения гуманитарным дискурсом этой вновь открытой множественности, произошедший после исчерпания потенциала структуралистской теории, марксизма и феноменологии [Волков, 2008, с. 11]. Попробуем найти «следы» предполагаемого нами «столкновения» теории с реальностью.

В самом общем смысле теория начинается с фигуры исследователя, который из взаимодействия с объектом выносит некоторые теоретические установки и концепты. И путь от констатации существования чего-бы то ни было до признания может считаться состо-

явившимся при возникновении установки рефлексивной позиции самого исследователя, осмысления самого себя как изучающего и не привилегированного субъекта. Авторы «Теории практик» резюмируют это как отказ от исключительности позиции ученого, обусловленной теоретически или лично, что влечет за собой следующее: «...во-первых, необходимость замены объяснения детальным этнографическим описанием, не привносящим теоретических или идеологических категорий в исследуемые явления, и, во-вторых, обращение к так называемой «повседневности», то есть к типичным, рутинным, непроблематичным и поэтому незамечаемым действиям, составляющим основную часть социальной жизни» [Волков, 2008, с. 17].

Добавим, что установка на недопустимость привнесения личностного, теоретического или идеологического должна быть дополнена также и культурным, заключающемся в позиции «выноса за рамки» исследования культурных особенностей ученого. Отсюда требование описания, которое носит этнографический характер. И отсылка к этнографии и антропологии, которая прошла путь от эволюционизма к диффузионизму и далее к изучению отдельных культурных феноменов, весьма показательна [Эриксен, 2014, с. 17] и прежде всего в том, что критика эволюционизма развернулась вокруг общего принципа эволюции культурных форм как единой и мировой схемы развития, заданной европейской цивилизацией и культурой. Диффузионизм как допущение возможности стихийности и случайности в этой схеме вследствие контакта культур. Последний же такт в этой динамике антропологической теории связан с критикой принципа европоцентризма и тезисом о множественности культур и способов жизни.

На уровне философского дискурса параллельное движение разворачивается через поиск неких предельно простых оснований человеческой жизни, простых настолько, что они остаются за пределами рефлексии. О. Хархордин и В. Волков приводят цитату из «Философских исследований» Л. Витгенштейна, в которой он указывает не только на базисность таких оснований, но также и на их силу [Волков, 2008, с. 17]. Эти нерелексивные основания кроются в повседневности, которая и становится предметом изучения и местом «обитания» практик, местом, которое подобно изображению на фотографии, то есть является фоном.

Среди исследователей практик в контексте повседневности выделим М. де Серто, который был одним из немногих, кто соотносил этот контекст с культурой. Для него практики также являются фоновым феноменом жизни. Они нерелексивны и скрыты, в том числе за схематизмом восприятия и одновременно ключевым концептом – индивидом. Серто пишет, что изучение практик не связано с «возвращением к индивидам». В реальности именно отношения между людьми, а не сами люди являются определяющими, тогда как «индивидуальность является местом, где действует не связанная (и часто противоречивая) множественность ее относительных детерминаций» [Серто, 2013, с. 39]. Иначе говоря, индивид – единичность человека, его обособленность, единство, является не чем иным, как методологическим заблуждением и иллюзией. Человек собран из разрозненных социальных отношений, с одной стороны, а с другой, – «способами и схемами действия», то есть практиками. И такое понимание можно сравнить с идеями М.К. Петрова, где та же идея о произвольности такой сборки практик, но сам человек не проблематизируется как единство [Петров, 2004, с. 43]. Более того, он – центр анализа и ключевое звено как передачи, так и изменения практики. М.К. Петров пишет: «Основной элемент трансляционной структуры "ученик – учитель" универсален для всех типов культуры...» [Петров, 2004, с. 43]. И вместимостью этого обязательного «элемента», его «средней головой», измеряются фрагменты передаваемого знания.

Но обращаясь к практикам, Серто преследует цель: «выявить комбинаторику операций, также образующих (это не единственное их свойство) некую "культуру", и обнаружить характерные модели действий пользователей...» [Петров, 2004, с. 40]. Эта методологическая позиция трактуется Серто как браконьерский метод, очевидно, подразумевая его

в некотором смысле «незаконность», скрываемый смысл. Именно за счет браконьерства «изобретается» повседневность, самые разные способы жить, очевидно, с отсылкой на противостояние официального и неофициального, тех способов деятельности, которые предписаны, и тех, которые есть «на самом деле», которые проживаются человеком. Отметим в обозначенной цели обращение к слову «культура», что для нас важно. Культура, видимо, также собирается из практик. Кавычки при ее написании могут отражать ту условность опять-таки единства этого образования, собранного из множества, причем такого, которое плохо поддается учету или контролю. Примеры, которые приводит Серто, называя их «браконьерством», отклонением от порядка или «официальной» культуры, являются маркерами для выявления практик в повседневности. Их функционирование «неправильным» образом как раз и позволяет выявлять практики на «фоне». Мы же отметим, что приведенные примеры одновременно являются «браконьерством» на чужой территории. Это и есть столкновение с другим, который может быть подчинен, колонизирован, но ведет себя иначе. И он же является тем, кто «расщепляет» практики, умножает их непосредственно, на уровне непосредственной реализации, а также провоцирует этот процесс на уровне теории.

Практика и техника

Если другой как «живой» в формате культурной инаковости не принят, то «технический» другой может выступать в роли своеобразного аватара – заместителя другого. Более того, практики обращения с техникой схожи с практиками повседневности. Они представляют собой нерелексированный «фон» жизнедеятельности. И здесь примечателен образ, к которому обращается Бернар Стиглер в описании техники, образ Эпиметея из греческой мифологии, хотя он начинает с признания предельности вопроса о технике и времени. Техники, которая определяет наше настоящее и будущее и которая также изначально не мыслилась как нечто отдельное от человека, вплоть до центрального для философии членения на техне и эпистеме, прочерченного Сократом в споре с софистами, и далее действующего в обход этому спору понимания техники как продолжения тела, его части или как минимум чего-то неразрывно с ним связанного [Стиглер, 1994, с. 59]. Отсюда нет ничего удивительного, что Ламетри называет свою работу о человеке «Человек – машина» [Ламетри, 1983], а сам образ машинности сопровождает философию на всем ее пути. По крайней мере связь движения и человека, движения и машины сохраняется. Эпиметей Стиглера добавляет к этим парам категорий еще одну – время. Забывчивость Эпиметея, который подменил Прометея при раздаче свойств живым существам, приводит в итоге к необходимости восполнения образовавшегося недостатка у человека. В этом связь человека и техники, необходимой для человека, невозможной без человека для самой техники. В этом естественность и одновременно чуждость техники, поскольку второе утверждение всегда нуждается в уточнении. И если техника симметрична повседневности, то можем ли мы перенести на нее те же смыслы, которые применимы к повседневности и культуре? Является ли техника столь же «безразличной» к культуре и культурным практикам? Действует ли она на другом уровне, вне и в обход культуры?

Отвечая на вопрос о технике, Мартин Хайдеггер призывает различать технику и ее сущность. Сущность не открывается нам в отношении к технике, ее использованию или размышлении. Но наихудшим заблуждением является другая мысль. Хайдеггер пишет следующее: «В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу» [Хайдеггер, 1993, с. 221]. Сущность же раскрывается через вопрос о том, что есть техника, что она из себя представляет. И ответ Хайдеггера двоякий, техника есть «средство и человеческая деятельность» [Хайдеггер, 1993, с. 221]. Средство как инструмент, вся совокупность орудий труда, созданных человеком для определенной цели. И цель или причина, Хайдеггер делает это

уточнение, здесь чрезвычайно важна, поскольку позволяет обратиться к истоку понимания техники в греческой философии, в которой выделялось четыре причины. Аристотель связывает их с материей или материалом, формой – образом, целью, а также деятельностью, уточним, с активностью человека, который собирает все другие причины воедино. Все вместе позволяет «вещи явиться», стать, наконец, сделаться явной. Отсюда определение техники у Хайдеггера: «...техника не простое средство. Техника – вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это – область выведения из потаенности, осуществления истины» [Хайдеггер, 1993, с. 225]. Тем самым в пространстве соединения цели и средства открывается то, что можно назвать инструментальностью – сущностью техники, направленной на раскрытие, причем для современной техники вполне определенным образом, который Хайдеггер определяет через извлечение, переработку и накопление энергии [Хайдеггер, 1993, с. 227]. И все произведенное также получает статус произведенного, поставленного. Не только стоящего, видимого глазу, но находящегося в доступности для руки, манипуляции и управления. Человек также находится в этом ряду, он включен в цепочки потребления как требования, запроса того, что уже есть, уже поставлено и находится в доступе. И все эти состояния есть для Хайдеггера нечто большее, чем просто активность человека, извлекающего из природы то, что необходимо для жизни. Оно проявляется через концепт, описывающий пребывание всего в наличии, стоящего, названный «поставом». Постав через смысл раскрытия соотносится с истиной, познанием и наукой, но также этимологически, через слова ставить, представлять и представление, связан с поэтическим. Это первый намек Хайдеггера, раскрывающийся несколько позднее, через указание опасности, исходящей не столько от самой техники, которую не стоит, по его словам, демонизировать, а от самого постава, стремящегося монополизировать способность раскрытия истины как таковой. Угроза технического производства всего, проницаемости и изученности созданного, обостряет также и поиск спасения. Для Хайдеггера таким фармаконом является техника, взятая как техне, для греков соединяющая смыслы инструментальности и искусства. Искусство также делало истину явной, представляло ее.

Хайдеггер как бы останавливается на этой альтернативе техники и искусства, оставляя право выбора за будущим и указывая на открытые возможности. Но если помыслить эту двойственность технэ в контексте практики, то способы обращения с техникой находятся в сложном отношении к сущности технического, неотъемлемой частью которого является не искусство вообще, а культура. В том числе через сам способ, которым человек нечто ставит и представляет. И это только один из возможных вариантов перехода или связи техники и культуры, обоснования того, что деятельность и практики обращения с техническими объектами имеют культурное измерение. Юк Хуэй, сравнивая античные установки в осмыслении с техникой с китайскими, отмечает их инаковость: «Идея о том, что техника может дополнять и «совершенствовать» природу, никак не могла возникнуть в китайской мысли, поскольку в последней техника всегда подчинена космологическому порядку: быть частью природы – значит быть морально благим, ведь она предполагает космологический порядок, также являющийся порядком моральным» [Юк Хуэй, 2023, с. 75]. То есть техника, а вместе с ней и инструментальная деятельность человека в интерпретации китайской мысли разворачиваются не в разрыве технэ и эпистеме. И ключевой концепт Хайдеггера для описания сущности техники, постав, также опирается на разрыв, прежде всего в реальности, тайна которой делается явной, открывается техникой и деятельностью человека, тогда как Юк Хуэй указывает на единство мира и связь всего со всем, в том числе техники и природы как одной реальности, науки и искусства как непротиворечащих друг другу путей познания. Все это позволяет сделать вывод не только о культурной обусловленности восприятия техники, но также и практики взаимодействия с ней. Или точнее, о множественности практик коррелирующих с множественностью культур.

Заключение

Собственно, так практика трансформируется в практики, что есть первое смещение смысла в отношении этого фундаментального понятия философии. Происходит то, что можно назвать умножением практик. Причем в образовавшейся в антропологическом и этнологическом дискурсе связке практики и культуры, которое мы трактуем через столкновение с другим, возникает второе смещение смысла, в котором пара практики – культуры сменяется парой практики – повседневность. Последнее, как более базовое, элементарное состояние реальности заменяет множественные культуры. Можно предположить, что другой во всей своей инаковости так и не был принят. Повседневность в некотором смысле уравнила всех других через перевод в другое смысловое пространство, ведь повседневность есть состояние каждого, понятное и разделяемое всеми без исключения. Однако культура как «большая форма», претендующая на собственное определение способа жизни, возвращается, иногда в достаточно радикальных попытках предъявления своих прав на существование. И, как нам кажется, теория должна «воскресить» понятие культурно-антропологической практики, для того чтобы иметь возможность что-либо сказать об этом.

Множественность практик в соотнесении с техникой также демонстрирует, возможно, как никогда ранее, необходимость развития альтернатив унифицирующим концепциям, которые игнорируют культурное содержание практик. Кризис по-ставленности, типа мышления о мире, о котором в XX веке предупреждал Хайдеггер, сегодня еще более актуален, и восточные интерпретации отношения к практике представляются выходом как минимум через сравнение и через принятие инаковости реального существования западного понимания практик и их культурного многообразия. Вероятно, техника по предположению Хайдеггера действительно станет не только губительным, но также спасительным, тем, через что произойдет осознание культурной обусловленности практик.

Список литературы

- Агамбен Дж. 2018. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М., Издательство Института Гайдара, 552 с.
- Волков В.В., Хархордин О.В. 2008. Теория практик. СПб., Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 298 с.
- Ламетри Ж.О. 1983. Сочинения. М., Мысль, 509 с.
- Маркарян Э.С. 2014. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. ЦГИ Принт.
- Петров М.К. 2004. Язык. Знак. Культура. М., Едиториал УРСС, 328 с.
- Саид Э. 2006. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 636 с.
- Серто Мишель де 2013. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 330 с.
- Стиглер Б. 1994. La technique et le temps. Tome 1, La faute d'Épiméthée: 59-60. URL: <https://www.overdrive.com/media/6375508/la-technique-et-le-temps> (дата обращения: 3 сентября 2023)
- Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., AdMarginem, 489 с.
- Хайдеггер М. 1993. Бытие и время: статьи и выступления. М., Республика, 447 с.
- Эриксен Т.Э. 2014. Что такое антропология? М., Изд. дом ВШЭ, 114 с.
- Юк Хуэй 2023. Вопрос о технике в Китае. Вопрос о космотехнике. М., АдМаргинем Пресс, 320 с.

References

- Agamben Dzh. 2018. Carstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya [Kingdom and Glory. To the Theological Genealogy of Economics and Management]. Moscow, Publ. Instituta Gajdara, 552 p.
- Volkov V.V., Harhordin O.V. 2008. Teoriya praktik [Theory of Practices]. St. Petersburg, Publ. Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 298 p.
- Lametri Zh.O. 1983. Sochineniya [Compositions]. M., Publ. Mysl', 509 p.
- Markaryan E.S. 2014. Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy epohi [Favorites. The Science of Culture and the Imperatives of the Era]. CGI Print.

- Petrov M.K. 2004. YAzyk. Znak. Kul'tura [Language. Sign. culture]. Moscow, Publ. Editorial URSS, 328 p.
- Said E. 2006. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. St. Petersburg, Publ. Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 636 p.
- Serto Mishel' de 2013. Izobrenenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat' [The Invention of Everyday life. 1. Art of Making]. St. Petersburg, Publ. Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 330 p.
- Stigler B. 1994. La technique et le temps. Tome 1, La faute d'Epiméthée: 59-60. Available at: <https://www.overdrive.com/media/6375508/la-technique-et-le-temps> (accessed: 3 September 2023)
- Fuko M. 1999. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Supervise and Punish. Birth of the Prison]. Moscow, Publ. AdMarginem, 489 p.
- Hajdegger M. 1993. Bytie i vremya: stat'i i vystupleniya [Being and Time: Articles and Speeches]. Moscow, Publ. Respublika, 447 p.
- Eriksen T.E. 2014. CHto takoe antropologiya? [What is Anthropology?] Moscow, Publ. Izd. dom VSHE, 114 p.
- Yuk Huej 2023. Vopros o tekhnike v Kitae. Vopros o kosmotekhnike [Question About Technology in China. Question About Universe Technology]. Moscow, Publ. AdMarginem Press, 320 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.09.2023
Поступила после рецензирования 30.12.2023
Принята к публикации 30.01.2024

Received September 30, 2023
Revised December 30, 2023
Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Дроботова Наталья Александровна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Natalya A. Drobotova, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Дмитраков Роман Андреевич, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Roman A. Dmitrakov, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 519.226.3:303.447.3

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-26-38

Байесовская экспериментальная оценка социальных технологий: методологические и методические аспекты

Звонок А.А.

Луганский государственный педагогический университет,
Россия, 291011, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2
al.zvonok@gmail.com

Аннотация. В современной отечественной социологии практически не представлена байесовская методология анализа социологических данных. Целью исследования является демонстрация методологических и методических аспектов и преимуществ применения байесовского подхода в области экспериментальной оценки социальных технологий. Автором были раскрыты основные принципы байесовского анализа экспериментальных данных на примере универсальной сравнительной модели BEST Дж. К. Крушке, построенной с учетом характерных особенностей экспериментов, проводимых в социальных и гуманитарных науках. Полученные результаты не только доказывают методологическое превосходство байесовского подхода в случае применения его для оценки социальных технологий, но и могут быть использованы для настройки существующих или построения новых сравнительных байесовских моделей, внося свой вклад в популяризацию байесовского подхода в социальных исследованиях.

Ключевые слова: байесовский анализ, байесовская модель, экспериментальный метод, размер эффекта, социальная технология, РуМС

Для цитирования: Звонок А.А. 2024. Байесовская экспериментальная оценка социальных технологий: методологические и методические аспекты. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 26–38. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-26-38

Bayesian Experimental Assessment of Social Technologies: Methodological and Methodical Aspects

Aleksandr A. Zvonok

Lugansk State Pedagogical University,
2 Oboronnaya St, Lugansk 291011, LPR, Russia
al.zvonok@gmail.com

Abstract. In modern sociology the Bayesian methodology for analyzing sociological data is practically not represented. The basics of applying the Bayesian approach are not taught at Russian sociological faculties, and empirical sociological research is not conducted within the framework of this approach. At the same time, this methodology has significant prospects within the context of experimental sociological research, in particular, when solving the problem of assessing the effectiveness of new social technologies

and innovations. The main purpose of this study is demonstrating of the methodological and methodological aspects of the application of the Bayesian approach using modern statistical analysis software, as well as its advantages in comparison with the traditional frequentist approach in the field of experimental assessment of social technologies. The principles of operation of J.K. Kruschke's universal comparative Bayesian model BEST (Bayesian estimation supersedes the t test), reproduced with Python library PyMC, were revealed. The obtained results of the study not only prove the methodological superiority of the Bayesian approach when applied to the assessment of social technologies, but can also be used by other researchers to tune existing or build new comparative Bayesian models, contributing to the popularization of the Bayesian approach in social research.

Keywords: Bayesian analysis, Bayesian model, experimental method, effect size, effect size, social technology, PyMC

For citation: Zvonok A.A. 2024. Bayesian Experimental Assessment of Social Technologies: Methodological and Methodical Aspects. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 26–38 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-26-38

Введение

Термин «социальная технология» прочно вошел в обиход отечественной науки после публикации в 1977 году русского перевода зарубежной работы Н. Стефанова «Общественные науки и социальная технология», где понимался как разновидность технологии, т.е. специфической деятельности, ориентированной на достижение поставленной цели – изменения социального объекта или процесса [Щербина, Нечаева, 2015]. Хотя сам термин сегодня имеет огромное количество интерпретаций в социальных науках, подробное приведение которых было бы избыточным в рамках данной работы, метаанализ содержания термина Е.О. Нечаевой дает четкое понимание, что последний тесно связан с рационализацией деятельности, областью принятия решений. Среди характеристик, присваиваемых социальным технологиям различными авторами, особенно выделяются следующие: «являются алгоритмизированным средством практической деятельности», «рационализируют определенные направления управленческой деятельности», «гарантируют достижение заданного результата при соблюдении технологических предписаний», «отличаются надежностью, валидностью, простотой и возможностью их тиражирования» [Нечаева, 2014, с. 63].

В то же время в качестве одной из важнейших методологических проблем, препятствующих изучению, разработке и успешному применению социальных технологий, сегодня ряд исследователей называют низкий уровень воспроизводимости результатов их применения [Плотников, Смелцова, 2012]. Данный вопрос приводит нас к более широкой метанаучной проблеме, известной как «кризис воспроизводимости», обсуждение которой усилилось в последнее десятилетие. Суть данной проблемы заключается в том, что устоявшиеся практики проверки статистических гипотез в традиционной (частотной) статистике имеют ряд недостатков, которые ведут к неустойчивости результатов исследований при попытках повторить их другими лабораториями и исследовательскими группами. В качестве одного из решений данной проблемы рассматривается отход от частотной проверки гипотез, основанной на p -значениях, и внедрение в научную среду альтернативных подходов к анализу данных, таких как байесовская статистика [Cumming, 2008]. Таким образом, ключевым этапом разработки и внедрения новых социальных технологий и инноваций является количественная оценка их эффективности с помощью современных научных методов, в том числе использующих статистику и математическое моделирование.

Цель исследования заключается в доказательстве того, что для оценки социальных технологий методологически более подходящим является байесовский подход, основанный на построении сравнительных статистических моделей, использующих экспериментальные данные. Также нами будут продемонстрированы возможности современных байесовских моделей сравнения экспериментальных выборок и их интерпретации.

Оценка социальных технологий: базовые вопросы экспериментального дизайна

Исходя из объяснений В.А. Ядова, мы знаем, что достоверные познавательные результаты в социальных экспериментах достигаются двумя путями. В неконтролируемом эксперименте большое число повторений эксперимента погашает неконтролируемые факторы, оставляя только воздействие экспериментального фактора. Альтернативой является проведение эксперимента с контрольной и экспериментальной группой, при котором производится выравнивание условий в обеих группах [Ядов, 2009, с. 316–321]. Эксперимент с большим числом повторений рационально применять в условиях быстро протекающих социальных ситуаций, однако даже социальные технологии, применяемые на микроуровне, могут требовать месяцы и даже годы для их реализации. Таким образом, в контексте оценки социальных технологий рациональнее применять дизайн контролируемого эксперимента с контрольной и экспериментальной группой.

Другой важной стороной корректной экспериментальной оценки является выбор достоверного измерительного инструментария, позволяющего максимально точно отразить изменения (или их отсутствие) оцениваемых параметров. Ю.П. Лукашин и Л.И. Рахлина выделяют шкалы качественных признаков (номинальная и порядковая) и шкалы количественных признаков (интервальная, отношений, разностей, абсолютная) [Лукашин, Рахлина, 2012, с. 16–19]. Хотя в традиционной статистике существует возможность сравнения выборок порядковых значений с помощью непараметрических методов, количество потенциально возникающих фундаментальных проблем при этом столь велико, что даже применяющие частотный подход исследователи рекомендуют или вовсе этого избегать [Cowell, Flachaire, 2017; Bond, Lang, 2018] или преобразовывать порядковые шкалы в количественные [Knapp, 1990], при этом сравнительные исследования показывают, что чем ближе полученные шкалы к интервальным, тем лучше на них работают статистические методы, изначально создававшиеся для работы с количественными признаками, такие как факторный анализ [Зангиева, Ротмистров, 2018].

Таким образом, для измерений в процессе экспериментальной оценки социальных технологий нами рекомендуется изначально выбирать инструментарий, предоставляющий результаты измерений в шкале количественных признаков.

Проблемы традиционного подхода к экспериментальной оценке социальных технологий и основы байесовского статистического вывода

Ю.П. Сурмин и Н.В. Туленков, выделяя экспериментальный метод в качестве одного из главных способов оценки эффективности социальных технологий и инноваций, в качестве критерия «эффективности» социальной технологии понимают меру ее способности решать актуальные социальные проблемы, удовлетворять определенные социальные потребности людей.

В процессе проведения оценки эффективности социальной технологии требуется решить следующие задачи:

1. Определить размер позитивного эффекта социальной технологии.
2. Измерить размер негативного эффекта от социальной технологии.
3. Оценить возможные скрытые негативные последствия внедрения технологии, которые могут проявиться в будущем.
4. Определить интегральный эффект от социальной технологии как суммы позитивных и негативных эффектов [Сурмин, Туленков, 2004, с. 568–571].

Однако одной из самых больших проблем анализа экспериментальных данных в рамках частотной статистики является разделение концепции статистической значимости, основанной на р-значениях и выражающей ее количественной меры. Например, если мы рассчитали коэффициент корреляции между двумя переменными, то необходимо отдельно использовать статистические тесты, проверяющие, является ли взаимосвязь между

ними статистически значимой (в некоторых программах статистического анализа такие проверки выполняются автоматически). Если мы доказали, что существуют «статистически значимые» различия между выборками наблюдений в эксперименте и получили расчетный «сильный» размер экспериментального эффекта, мы все еще не можем с уверенностью утверждать, что применение экспериментального фактора приводит к «сильным» статистически значимым различиям в контрольной и экспериментальной выборках на определенном уровне значимости.

Преимуществом байесовского подхода в контексте экспериментальных исследований является точная численная оценка вероятности размеров экспериментального эффекта, при этом является возможным точный расчет вероятности как положительного, так и отрицательного воздействия в заданном интервале значений с учетом имеющихся данных наблюдений. В байесовском подходе (по крайней мере, в направлении «объективного» байесианства, которое является сегодня наиболее принимаемым в прикладной и фундаментальной науке) вероятности интерпретируются как степени уверенности (доверия), вычисленные на основе имеющихся данных («правдоподобия») [Williamson, 2010].

За подробными описаниями и сравнениями философских оснований байесовского подхода и его отличий от классического частотного подхода следует обратиться к современным трудам по философии и эпистемологии науки, например, к сравнительному исследованию Дж. Валлверду [Vallverdú, 2016].

Мы выделим лишь основные особенности байесовской методологии:

1. Итоговые результаты анализа получаются в результате перехода от априорных установок («предзнаний») к апостериорным результатам с учетом имеющихся данных наблюдений (для этого используется теорема Байеса). Следует отметить, что в настоящее время в байесовской статистике выделяют два основных философско-эпистемологических подхода. *Субъективное байесианство* тяготеет к использованию информативных априорных установок-предположений относительно исследуемых параметров, данное направление концентрируется вокруг рационализации принятия решений в условиях неопределенности (нехватки эмпирической информации). *Объективное байесианство* предпочитает использовать неинформативные априорные установки, не влияющие на итоговый результат анализа, т.е. апостериорное распределение параметра практически целиком формируется данными наблюдений. Это направление преимущественно используется в фундаментальных и прикладных научных исследованиях.

Субъективное байесианство сохраняет свои позиции в определенных областях, таких, как сфера управления и принятия решений (например, в социологии управления), так как позволяет принимать рациональные решения в условиях существенной нехватки объективной информации, однако в современных байесовских исследованиях общей направленности объективное байесианство преобладает, занимая промежуточную ступень между частотной статистикой и классической байесовской статистикой. В целом в отношении применения априорной информации в байесовском анализе выделяется три подхода:

– *неинформативный подход* (исследователь может делать априорные предположения о законе распределения, которому подчиняются данные, например, нормальному распределению, но в качестве априорного распределения будет использовано не влияющее на итоговый анализ, скажем, нормальное распределение со средним значением 0 и стандартным отклонением 10^6);

– *слабоинформативный (регуляризирующий) подход* (промежуточное направление, снижающее воздействие выбросов данных, устанавливая значения гиперпараметров в определенные границы, например, возраст человека может принимать только положительные значения, значения индекса человеческого развития всегда находятся между 0 и 1 и т.д.);

– *информативный подход* (делаются «сильные» предположения о значении параметра, например, о том, что на будущем референдуме 80 % участников проголосуют за принятие определенного закона, в дальнейшем поступающие данные будут подтверждать гипотезу или же делать ее все менее вероятной).

На сегодня байесовская методология слабо представлена в социологической сфере. Однако анализ байесовских исследований в других науках говорит о преобладании неинформативного подхода, например, результаты анализа 187 байесовских экологических исследований говорят о том, что в 56,7 % применялись неинформативные априорные установки [Lemoine, 2019]. Независимо от выбранного подхода к постановке априорных установок анализа (их еще называют «гиперпараметрами»), при количестве фактических данных, стремящемся к бесконечности, их влияние будет стремиться к нулю – это фундаментальное свойство байесовского статистического вывода [Хей, 1987, с. 134–135].

2. Байесовский анализ основан на построении вероятностных распределений (с учетом данных наблюдений и априорных предположений) и вычислении площадей их интервалов (а также других математических операций с данными распределениями), точечные оценки, такие как среднее значение или медиана не отвергаются, но используются в качестве вспомогательных инструментов. Например, альтернативой корреляции Пирсона для двух переменных в байесовском статистическом выводе будет являться двумерное нормальное распределение этих переменных. Это одна из главных причин, которые ограничивают распространение байесовского подхода в социальных и гуманитарных науках: популярные пользовательские программы для статистического анализа (например, SPSS Statistics) поддерживают лишь ограниченное количество простых байесовских методов. Применение продвинутых методов анализа требует от исследователей владеть навыками работы с наукоориентированными языками программирования R и Python, позволяющими строить и визуализировать сложные байесовские модели. До революции вычислительных вероятностных алгоритмов Марковских цепей Монте-Карло в 1990-х годах применение байесовской статистики в прикладной сфере было крайне ограничено. Сегодня МЦМК-алгоритмы позволяют строить и оценивать сложные многоуровневые иерархические байесовские модели за допустимое время, что позволило внедриться данной методологии в сферу эмпирических исследований значительного количества наук разного профиля: естественных, технических и т.д.

3. В байесовской статистике отсутствует жесткое принятие или отвержение статистических гипотез. Корректнее говорить о степени доверия к той или иной гипотезе при текущей совокупности данных наблюдений, например, результат байесовского анализа может сообщить нам, что «с вероятностью 95 % рассматриваемый параметр лежит в интервале между 16 и 35» или «с вероятностью 98 % размер экспериментального эффекта больше 0». Увеличение размеров выборки наблюдений сужает доверительные интервалы, давая более точные оценки, малые размеры выборки дают размытые оценки. Таким образом, в байесовской статистике проблемы «размера выборки» или «минимальной выборки» в исследованиях являются второстепенными: в отличие от частотной статистики, в которой многие методы имеют минимальные требования по количеству наблюдений, в байесовском подходе концепция «минимального объема выборки» отсутствует. Однако слишком малые выборки наблюдений в байесовском анализе дадут очень размытый нечеткий результат, на основе которого будет практически невозможно сделать обоснованные выводы об исследуемой проблеме. С другой стороны, байесовский подход позволяет проводить длительные исследования с постоянно расширяющейся выборкой наблюдений, предоставляя исследователю «срезы» состояний исследуемой проблемы. Это не только дает возможность предварительного оценивания, важного в прикладных исследованиях, но и позволяет определять интегральные эффекты и последствия от изучаемых феноменов, что особенно важно в социальных исследованиях.

Возможности сравнительных байесовских моделей

При использовании байесовского подхода одной из главных методологических проблем является проверка адекватности построенных математико-статистических моделей. В случае прогнозных и классификационных моделей одним из самых простых и в то же

время эффективных способов является разделение общей совокупности данных реальных наблюдений на две выборки – обучающую и проверочную. Первая выборка используется для построения и обучения модели, а вторая – для проверки того, насколько эффективно модель выполняет поставленные задачи (прогнозирования или классификации). Хотя сравнительные байесовские модели значительно проще по структуре, вышеозначенный способ обучения-проверки для них не подходит. В качестве альтернативы можно рассматривать проверку таких моделей с помощью наборов искусственно сгенерированных тестовых данных – выборок с заранее известными характеристиками, т. е. «истинными» значениями параметров. Следует заметить, что, согласно классическим соглашениям в области математической статистики, использование искусственно сгенерированных данных при разработке, тестировании и внедрении математико-статистических методов в конкретные научные области является адекватной практикой при соблюдении следующих условий: общие сведения о дизайне гипотетического эксперимента, раскрытие условий генерации (тип распределения, средние значения, стандартные отклонения и т. д.) и программного обеспечения, с помощью которого осуществлялась генерация [Hoaglin, Andrews, 1975]. Применение симулированных данных является достаточно устоявшейся практикой: согласно обзорному анализу 6 ведущих западных журналов, посвященных вопросам методологии статистических исследований в математике, психологии, биометрике и технометрии, на 2012 год 44,8 % всех научных работ в данных журналах применяли сгенерированные искусственные данные [Harwell et al., 2017]. В контексте нашего исследования, имеющего выраженный методологический характер, было бы недопустимо смешивать задачи тестирования адекватности сравнительной байесовской модели и задачи оценки реальной социальной технологии: в первом случае задача неосуществима без генерации данных с известными истинными параметрами, так как применение реального кейса байесовской оценки социальной технологии сделало бы невозможным доказательство работоспособности собственно метода оценки этой технологии (из-за возможного влияния неучтенных сторонних факторов в эксперименте).

В рамках текущей работы с помощью научной библиотеки Scipy языка программирования Python нами было сгенерировано 2 тестовых выборки по 35 наблюдений, которые представляют собой данные гипотетического эксперимента с контрольной и экспериментальной группой, тестирующей эффективность новой социальной технологии, призванной повысить социальную активность определенной категории индивидов. Настройки генерации предполагали истинный «средний» размер экспериментального эффекта, выраженный в величине d Коэна. Согласно Дж. Коэну классическая интерпретация d Коэна выглядит следующих образом: от 0,2 до 0,5 – «слабый» размер эффекта, от 0,5 до 0,8 – «средний» размер эффекта, выше 0,8 – «сильный» размер эффекта [Cohen, 1988]. При генерации данных предполагалось, что для измерения социальной активности использовался опросник Р.М. Шамионова и М.В. Григорьевой для диагностики компонентов социально-ориентированной активности личности, итоговая оценка которого выражается в количественной шкале от 15 до 105 баллов [Шамионов, Григорьева, 2019].

Сегодня в байесовской статистике одной из наиболее популярных сравнительных моделей (особенно в социальных и гуманитарных науках) является модель BEST (Bayesian Estimation Supersedes the t Test) Дж. К. Крушке для сравнения экспериментальных данных, выраженных в количественных (метрических) шкалах. Модель специально калибровалась под особенности социально-гуманитарных исследований: относительно малые выборки, высокая частота выбросов значений. Существует даже онлайн-реализация данной модели, которой может воспользоваться любой желающий без необходимости устанавливать и применять языки программирования R и Python ¹. С диаграммой связей, полностью описывающей отношения в модели BEST, можно ознакомиться ниже (рис. 1).

¹ Bayesian Estimation Supersedes the t-test (BEST) – online. 2024. Publishable Stuff Rasmus Bååth's Blog. URL: https://www.sumsar.net/best_online (дата обращения 05.02.2024).

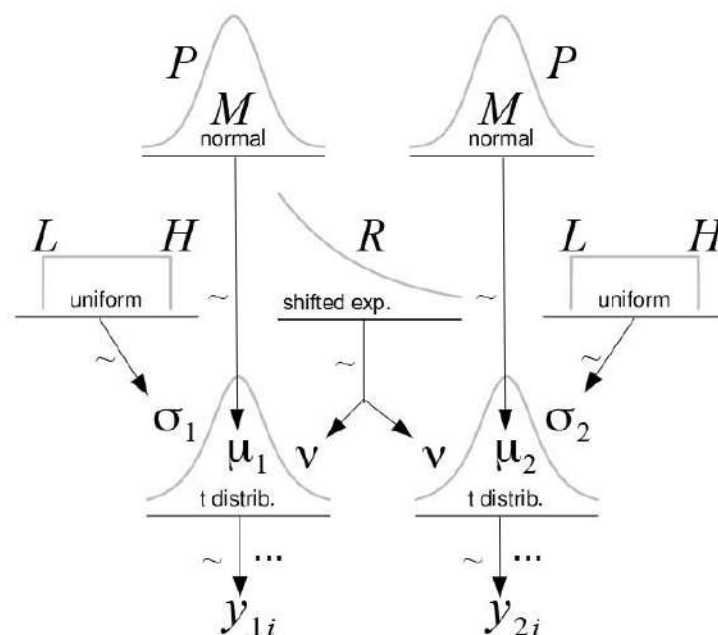

Рис. 1. Байесовская сравнительная модель BEST Дж. К. Крушке
 Fig. 1. Bayesian comparative model BEST J. K. Kruschke

Особенностью данной модели является использование не нормальных распределений в качестве априорных, а распределений Стьюдента (t-распределений), которые при большом значении степеней свободы (> 100) по свойствам приближаются к нормальному распределению (такое построение делает модель более устойчивой к выбросам данных). В самом низу иерархической модели находятся данные наблюдений y_1 и y_2 , под влиянием которых априорные распределения будут трансформироваться в апостериорные (например, в зависимости от «нормальности» распределения реальных данных наблюдений будет изменяться число степеней свободы апостериорного t-распределения). Все гиперпараметры модели, используя полностью неинформативный подход, вычисляются на основе реальных свойств наблюдаемых данных (среднего значения и стандартного отклонения объединенных выборок наблюдений, подлежащих сравнению). Например, гиперпараметры стандартных отклонений σ_1 и σ_2 выражены в виде равномерного распределения в интервале от одной тысячной до тысячи реальных значений объединенного стандартного отклонения данных наблюдений. Данный подход позволяет избежать калибровки модели под каждое новое исследование, предоставляя ей свойство универсальности. Гиперпараметры средних значений выборок μ_1 и μ_2 являются нормально распределенными величинами, где среднее значение M нормального распределения представляет собой реальное среднее значение объединенных сравниваемых выборок, а вместо стандартного отклонения используется параметр «точности» (precision) P – обратная величина дисперсии, которая часто применяется в байесовских моделях. Число степеней свободы ν выражено смещенным экспоненциальным распределением [Kruschke, 2013].

Хотя в первоначальной работе Дж. К. Крушке применялся инструментальный язык программирования R, для целей нашей работы мы воспроизвели модель BEST на языке программирования Python с использованием современных библиотек байесовского моделирования PyMC и Arviz, опустив часть второстепенных визуализаций модели, несущественных в рамках текущей работы. Несомненным преимуществом библиотеки PyMC является структура кода, повторяющая стиль вышеприведенной диаграммы связей, что значительно облегчает создание байесовских моделей. Кроме того, подобные высокоуровневые инструменты значительно снижают требования к уровню математической подготовки

исследователя, самостоятельно определяя оптимальные алгоритмы математических вычислений. С исходным кодом и тестовыми данными можно ознакомиться в репозитории автора данной работы ¹.

Полученные апостериорные распределения ранее сгенерированных выборок, проанализированных посредством модели BEST можно увидеть ниже (рис. 2).

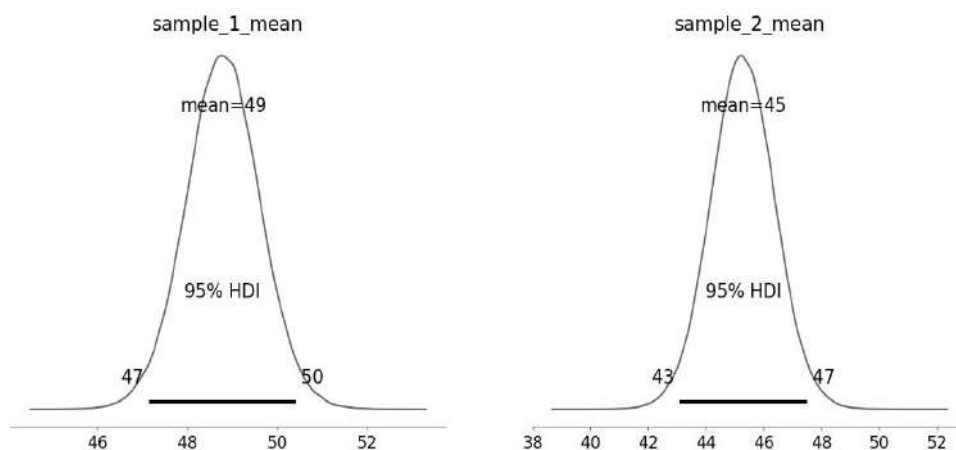

Рис. 2. Апостериорные распределения тестовых выборок при интервале плотности апостериорного распределения 95 %

Fig. 2. Posterior distributions of test samples with a highest posterior density interval of 95 %

Согласно полученным результатам, оцениваемые параметры в выборках с вероятностью 95 % находятся в интервалах [47,145, 50,424] и [43,103, 47,492]. На самом деле подобная точность является излишней для вероятностных алгоритмов, так как в рамках концепции приближенных вычислений («approximate computing») каждый запуск модели может давать различия итоговых результатов в пределах долей процента [Sunnåker et al., 2013]. Именно поэтому на вышеприведенных графиках значения округлены до целых. Очень важно различать частотные доверительные интервалы (confidence intervals) и байесовские доверительные интервалы (credible intervals), они же интервалы плотности распределения (highest density interval, HDI). Далее мы можем рассчитать размер эффекта d Коэна, в байесовской реализации представляющий собой разность апостериорных распределений средних значений выборок, разделенную на квадратный корень из половины суммы квадратов апостериорных распределений стандартных отклонений выборок. В данном случае арифметические операции производятся над вероятностными распределениями. Так, даже при сравнении зависимых связанных выборок (повторных измерений) в эксперименте, в байесовском анализе часто игнорируется равное число наблюдений в выборках и точная позиция единичных наблюдений (хотя существуют специальные байесовские модели, специально рассчитанные на применение для случаев повторных измерений, на практике они используются значительно реже, чем в частотной статистике).

На нижеприведенном графике (рис. 3) мы видим апостериорное распределение размера эффекта с установленным референсным значением 0,5 и областью практической эквивалентности 0,2 (region of practical equivalence или ROPE, другое название – null region, т. е. «нулевая область»), а также с вычисленными площадями соответствующих интервалов распределения. В реальных исследованиях референсные значения и область практической эквивалентности устанавливаются в зависимости от конкретных исследовательских задач.

¹ bayesian_BEST_comparative_model. 2024. GitFlic. URL: https://gitflic.ru/project/aazvonok/bayesian_best_comparative_model (дата обращения 05.02.2024).

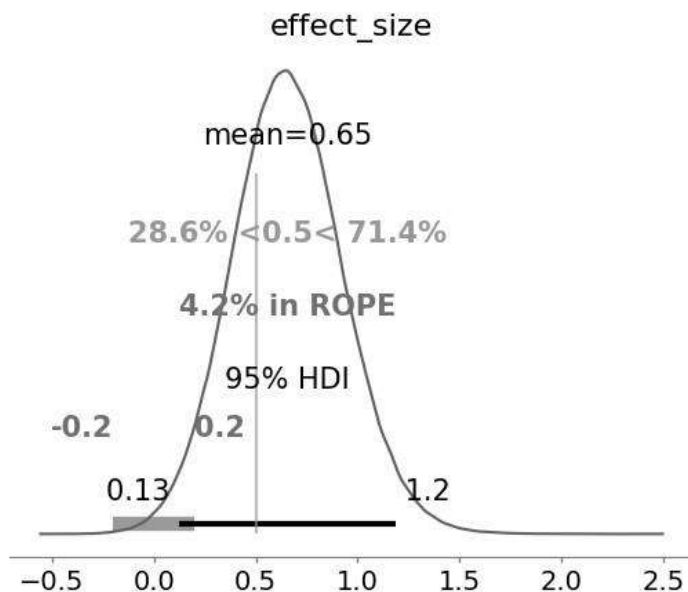

Рис. 3. Расчет размера эффекта для тестовых выборок при интервале плотности апостериорного распределения 95 %, референсном значении 0,5 и областью практической эквивалентности 0,2
 Fig. 3. Effect size calculation for test samples with a highest posterior density interval of 95 %, a reference value of 0.5 and a region of practical equivalence of 0.2

Исходя из анализа нашего тестового кейса, полученные результаты следует интерпретировать следующим образом. С вероятностью 95 % размер экспериментального эффекта находится в интервале между 0,13 («очень слабый» или «практически отсутствует») и 1,2 («сильный»). При этом существует 71,4 % вероятность того, что оцениваемая социальная технология оказывает не менее «среднего» экспериментального эффекта на тестовую выборку и 28,6 % вероятность, что размер эффекта менее установленного значения. В то же время существует всего лишь 4,2 % вероятность того, что между экспериментальной и контрольной выборкой различия практически отсутствуют (аналог «нулевой» гипотезы в частотной статистике).

Отдельно отметим, что не существует общепринятых значений области практической эквивалентности, как в случае уровней значимости в частотной статистике. Нами было выбрано значение ROPE от $-0,2$ до $0,2$, так как в классической интерпретации Дж. Коэна это размер эффекта ниже «слабого», т. е. попадание размера эффекта в данную область можно интерпретировать как «эффект практически отсутствует». Но в рамках иных научных трактовок размера эффекта в качестве ROPE можно было бы принять и интервалы $[-0,1, 0,1]$ или $[-0,01, 0,01]$ (некоторые авторы предлагают расширить традиционную градацию размера эффекта Дж. Коэна для ряда современных методов анализа вплоть до границы значимости в $0,01$ [Sawilowsky, 2009]). Таким образом, границы области практической эквивалентности должны устанавливаться в зависимости от применяемых методов и конкретных исследовательских задач. Отдельно отметим, что в современном байесовском анализе сравнительных экспериментальных исследований в последние десятилетия существует тенденция отхода от классической байесовской проверки и сравнения гипотез в сторону подхода «байесовский анализ мощности» («Bayesian power analysis») на основе ROPE, являющегося синтезом классического анализа размера эффекта Дж. Коэна и байесовского анализа. При данном подходе статистические гипотезы могут не выдвигаться вообще, а основная цель эксперимента – оценить размер экспериментального эффекта [Kruschke, 2010]. При частотном подходе к анализу экспериментов такая позиция была бы неприемлема: например, расчет размера эффекта d Коэна может показать «слабый» эф-

факт при том, что проверка гипотезы о наличии статистических различий в выборках вообще не находит статистически значимых различий. Байесовский анализ мощности лишен данных недостатков, так как получаемое апостериорное распределение размера эффекта по умолчанию является «статистически значимым». Рассматриваемая в работе модель BEST является образцовым примером модели, выполненной в рамках «байесовского анализа мощности» и не использующей выдвижение статистических гипотез. Так как задача экспериментальной оценки эффективности социальных технологий находится ближе к оценке величины эффекта на базе апостериорного распределения, нежели к выбору из двух конкурирующих гипотез – целесообразнее применять для ее решения именно данный подход.

В случае реализованного нами тестового кейса 95 % интервала размера эффекта является положительным, но, если бы распределение в значительной мере затрагивало отрицательную область шкалы, байесовский анализ позволил бы так же точно вычислить вероятность и размер отрицательного и положительного экспериментального эффекта (например, установив референсное значение 0). Таким образом, даже при использовании искусственно сгенерированного «социального» кейса с относительно малыми выборками по 35 наблюдений, байесовский анализ позволил нам с достаточно высокой точностью оценить истинный размер экспериментального эффекта, заложенный нами в тестовые данные, что доказывает адекватность рассмотренной модели. Дальнейшее увеличение объемов выборок позволило бы нам получать все более точные оценки, при этом в рамках байесовского подхода мы не связаны необходимостью заранее планировать уровень статистической значимости и объемы выборок эксперимента. Иначе говоря, при необходимости мы могли бы подключить к эксперименту дополнительные единицы отбора (будь это отдельные индивиды, группы или организации, на которых тестируется социальная технология) и использовать новые данные наблюдений в том же самом анализе, повысив его точность.

Подытоживая, мы можем заключить, что байесовский подход значительно лучше подходит для оценки эффективности социальных технологий, нежели классический подход, позволяя не просто заключить об отсутствии или присутствии «статистически значимых» различий, но дать численную оценку вероятности положительного и отрицательного эффекта в заданных интервалах. Кроме того, в отличие от традиционных статистических методов, байесовская экспериментальная оценка социальных технологий позволяет учесть экономическую целесообразность внедрения инновационной технологии в сравнении с ее отсутствием или уже внедренной старой технологией. Например, если для рентабельности технологии ее экспериментальный размер эффекта должен быть не менее значения X , то байесовский вывод дает числовую оценку вероятности эффекта не ниже такого порогового значения, а также предоставляет рассчитанные риски нулевого или отрицательного эффекта.

Однако главный недостаток байесовского подхода заключается в том, что итоговая интерпретация результатов байесовского анализа всегда остается за исследователем и не имеет жестких установленных пределов. Является ли оправданным внедрение социальной технологии, применение которой с 80 % вероятностью приводит к положительному эффекту, но с 20 % вероятностью приведет к негативным последствиям? Ответы на подобные вопросы лежат за рамками байесовской статистики. Очевидно, что для социальной технологии развития творческих способностей молодежи и для технологии социального сопровождения подростков после неудавшейся попытки самоубийства интерпретация оценки будет различаться. Выработка соглашений по интерпретации результатов байесовского анализа в рамках той или иной науки (как в случае «золотого стандарта» уровня значимости 0.05 в частотной методологии) является главным условием для успешного внедрения байесовского подхода в конкретные научные области и сферы исследований.

Заключение

В социологии сегодня существует слишком мало исследований, выполненных в рамках байесовской методологии, что значительно усложняет систематизацию подходов к применению байесовского подхода в социологических исследованиях. Например, с 1978 по 2017 годы было опубликовано всего лишь 142 научных статьи по социологии, использующих байесовские методы (согласно данным базы Web of Science). Этот показатель в десятки раз уступает соответствующим показателям даже в относительно близких областях научного знания (экономика, психология) [Lynch, Bartlett, 2019]. В сфере социологических исследований попросту недостаточно специалистов, владеющих методами байесовской статистики, и она, как правило, не преподается на социологических факультетах российских вузов. При этом байесовский подход уже активно применяется в таких близких к социологии прикладных областях, как цифровой маркетинг, то есть выпускник-социолог, желающий начать работать в данной сфере, оказывается попросту неподготовленным к требованиям современного рынка труда.

В данной работе нами были показаны богатые возможности байесовского подхода к экспериментальной оценке социальных технологий и аспекты его применения, а также доказаны преимущества этой методологии в решении научно-исследовательских задач такого рода. На наш взгляд, одной из ключевых проблем современной эмпирической социологии является необходимость внедрения в образовательные программы на социологических направлениях дисциплин, связанных с прикладным применением байесовской статистики в «социологических» кейсах. Кроме того, мы считаем приоритетной целью заимствование байесовских методов анализа и соглашений по интерпретации его результатов из близкородственных наук (экономических, психологических и т.д.), где байесовский подход является значительно более развитым, в сферу социологических исследований.

Список источников

- Сурмин, Ю.П., Туленков Н.В. 2004. Теория социальных технологий : учебное пособие. К., МАУП, 608 с.
- Ядов В.А. 2009. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности : учебное пособие. М., Омега-Л, 567 с.

Список литературы

- Зангиева И.К., Ротмистров А.Н. 2018. Сравнительный анализ способов проведения факторного анализа на порядковых переменных. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 145(3): 29–46. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.02.
- Лукашин Ю.П., Рахлина Л.И. 2012. Современные направления статистического анализа взаимосвязей и зависимостей. М., ИМЭМО РАН, 54 с.
- Нечаева Е.О. 2014. Социальные технологии: история становления и версии понимания. *Вестник РГТУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 126(4): 55–64.
- Плотников М.В., Смельцова С.В. 2012. Социальные технологии как объект социологического исследования. *В мире научных открытий*, 28(4–3): 169–187.
- Хей Д.Д. 1987. Введение в методы байесовского статистического вывода. М., Финансы и статистика, 335 с.
- Шамионов Р.М., Григорьева М.В. 2019. Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности. *Сибирский психологический журнал*, 74: 26–41. DOI: 10.17223/17267080/74/2
- Щербина В.В., Нечаева Е.О. 2015. Социальные технологии и их применение в сферах социальной практики. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 38(2): 62–67.
- Bond T.N., Lang K. 2018. The Sad Truth About Happiness Scales. *Journal of Political Economy*, 127(4): 1629–1640. DOI: 10.1086/701679.

- Cohen J. 1988. *Statistical power analysis for the behavioral sciences*. New York, Lawrence Erlbaum Associates, 567 p.
- Cumming G. 2008. Replication and p intervals: p values predict the future only vaguely, but confidence intervals do much better. *Perspectives on Psychological Science*, 3(4): 286–300. DOI: 10.1111/j.1745-6924.2008.00079.x.
- Cowell F.A., Flachaire E. 2017. Inequality with Ordinal Data. *Economica*, 334(84): 290–321. DOI: 10.1111/ecca.12232.
- Knapp T.R. 1990. Treating Ordinal Scales as Interval Scales. *Nursing Research*, 39(2): 121–123. DOI: 10.1097/00006199-199003000-00019.
- Kruschke J.K. 2010. Bayesian data analysis. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 1: 658–676. DOI: 10.1002/wcs.72.
- Kruschke J.K. 2013. Bayesian estimation supersedes the t test. *Journal of Experimental Psychology*, 142(2): 573–603. DOI: 10.1037/a0029146.
- Lemoine N.P. 2019. Moving beyond noninformative priors: why and how to choose weakly informative priors in Bayesian analyses. *Oikos*, 128(7): 912–928. DOI: 10.1111/oik.05985.
- Lynch S.M., Bartlett B. 2019. Bayesian Statistics in Sociology: Past, Present, and Future. *Annual Review of Sociology*, 45(1): 47–68. DOI: 10.1146/annurev-soc-073018-022457.
- Sawilowsky S. 2009. New effect size rules of thumb. *Journal of Modern Applied Statistical Methods*, 8(2): 467–474. DOI: 10.22237/jmasm/1257035100.
- Sunnåker M., Busetto A.G., Numminen E., Corander J., Foll M., Dessimoz C. 2013. Approximate Bayesian Computation. *PLoS Computational Biology*, 9(1): 1–10. DOI: 10.1371/journal.pcbi.1002803.
- Vallverdú J. 2015. *Bayesians versus frequentists: a philosophical debate on statistical reasoning*. Heidelberg, Dordrecht, London, New York, Springer, 110 p.
- Williamson J. 2010. *In Defence of Objective Bayesianism*. New York, Oxford University Press, 191 p.

References

- Zangieva I.K., Rotmistrov A.N. 2018. Sravnitel'nyy analiz sposobov provedeniya faktornogo analiza na poryadkovykh peremennykh. [Factor analysis of ordinal variables: a comparative study]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nye peremeny*, 145(3): 29–46 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.02.
- Lukashin YU.P., Rakhlina L.I. 2012. Sovremennyye napravleniya statisticheskogo analiza vzaimosvyazey i zavisimostey [Modern directions of statistical analysis of relationships and dependencies]. M., IMEMO RAN, 54 p.
- Nechayeva Ye.O. 2014. Sotsial'nyye tekhnologii: istoriya stanovleniya i versii ponimaniya [Social technologies: history of formation and versions of understanding]. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye»*, 126(4): 55–64 (in Russian).
- Plotnikov M.V., Smeltsova S.V. 2012. Sotsial'nyye tekhnologii kak ob'yekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Institutional dead ends of the Russian teacher training system]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 28(4–3): 169–187 (in Russian).
- Khey D.D. 1987. Vvedeniye v metody bayesovskogo statisticheskogo vyvoda [Introduction to Bayesian statistical inference methods]. M., Finansy i statistika, 335 p.
- Shamionov R.M., Grigor'yeva M.V. 2019. Metodika diagnostiki komponentov sotsial'no-oriyentirovannoy aktivnosti [Methodology for diagnosing the components of socially oriented activity]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal*, 74: 26–41 (in Russian). DOI: 10.17223/17267080/74/2.
- Shcherbina V.V., Nechayeva Ye.O. 2015. Sotsial'nyye tekhnologii i ikh primeneniye v sferakh sotsial'noy praktiki [Social technologies and their application in areas of social practice]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki*, 38(2): 62–67 (in Russian).
- Bond T.N., Lang K. 2018. The Sad Truth About Happiness Scales. *Journal of Political Economy*, 127(4): 1629–1640. DOI: 10.1086/701679.
- Cohen J. 1988. *Statistical power analysis for the behavioral sciences*. New York, Lawrence Erlbaum Associates, 567 p.
- Cumming G. 2008. Replication and p intervals: p values predict the future only vaguely, but confidence intervals do much better. *Perspectives on Psychological Science*, 3(4): 286–300. DOI: 10.1111/j.1745-6924.2008.00079.x.

- Cowell F.A., Flachaire E. 2017. Inequality with Ordinal Data. *Economica*, 334(84): 290–321. DOI: 10.1111/ecca.12232.
- Khey D.D. 1987. Vvedenie v metody bayesovskogo statisticheskogo vyvoda [An introduction to bayesian statistical inference]. M., Publ. Finansy i statistika, 335 p. (In Russian)
- Knapp T.R. 1990. Treating Ordinal Scales as Interval Scales. *Nursing Research*, 39(2): 121–123. DOI: 10.1097/00006199-199003000-00019.
- Kruschke J.K. 2010. Bayesian data analysis. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 1: 658–676. DOI: 10.1002/wcs.72.
- Kruschke J.K. 2013. Bayesian estimation supersedes the t test. *Journal of Experimental Psychology*, 142(2): 573–603. DOI: 10.1037/a0029146.
- Lemoine N.P. 2019. Moving beyond noninformative priors: why and how to choose weakly informative priors in Bayesian analyses. *Oikos*, 128(7): 912–928. DOI: 10.1111/oik.05985.
- Lukashin Yu.P., Rakhlina L.I. 2012. Sovremennye napravleniya statisticheskogo analiza vzaimosvyazey i zavisimostey [Modern directions of statistical analysis of relationships and dependencies]. M., Publ. IMEMO RAN, 54 p. (In Russian).
- Lynch S.M., Bartlett B. 2019. Bayesian Statistics in Sociology: Past, Present, and Future. *Annual Review of Sociology*, 45(1): 47–68. DOI: 10.1146/annurev-soc-073018-022457.
- Nechaeva E.O. 2014. Sotsial'nye tekhnologii: istoriya stanovleniya i versii ponimaniya [Social technologies: history of formation and versions of understanding]. *Vestnik RGGU. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, 126(4): 55–64. (In Russian)
- Plotnikov M.V., Smel'tsova S.V. 2012. Sotsial'nye tekhnologii kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Social technologies as an object of sociological study]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 28(4–3): 169–187. (In Russian)
- Sawilowsky S. 2009. New effect size rules of thumb. *Journal of Modern Applied Statistical Methods*, 8(2): 467–474. DOI: 10.22237/jmasm/1257035100.
- Shamionov R.M., Grigor'eva M.V. 2019. Metodika diagnostiki komponentov sotsial'no-orientirovannoy aktivnosti [Method for diagnosing components of socially oriented activity]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*, 74: 26–41. DOI: 10.17223/17267080/74/2 (In Russian)
- Shcherbina V.V., Nechaeva E.O. 2015. Sotsial'nye tekhnologii i ikh primenenie v sferakh sotsial'noy praktiki [Social technologies and their application in areas of social practice]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, 38(2): 62–67. (In Russian)
- Sunnåker M., Busetto A.G., Numminen E., Corander J., Foll M., Dessimoz C. 2013. Approximate Bayesian Computation. *PLoS Computational Biology*, 9(1): 1–10. DOI: 10.1371/journal.pcbi.1002803.
- Vallverdú J. 2015. Bayesians versus frequentists: a philosophical debate on statistical reasoning. Heidelberg, Dordrecht, London, New York, Springer, 110 p.
- Williamson J. 2010. In Defence of Objective Bayesianism. New York, Oxford University Press, 191 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.02.2024

Поступила после рецензирования 21.02.2024

Принята к публикации 27.02.2024

Received February 5, 2024

Revised February 21, 2024

Accepted February 27, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Звонко Александр Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr A. Zvonok, Candidate of Philosophy, Associate professor of the Department of Social Pedagogy and Organization of Work with Youth, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia.

УДК 32.019.51

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51

Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка)

^{1,2} Володенков С.В., ¹ Зотов В.В. ✉, ¹ Консон Г.Р., ^{1,3} Гуров О.Н.

¹ Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет),
Россия, 141701, Долгопрудный, Московская обл., Институтский пер., 9

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119234, г. Москва, Ленинские Горы, 1

³ Московский государственный институт международных отношений (университет),
Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

zotov.vv@mipt.ru

Аннотация. Цифровая трансформация оказывает значительное влияние на различные сферы жизни и формирует определённый образ будущего жизни общества. Такой образ играет важную роль в определении перспектив социального развития страны. Определение перспектив формирования просоциального образа цифрового будущего России в публичном пространстве коммуникаций стало основной целью данной работы. Для её достижения был проведён экспертный опрос представителей научного и делового сообщества. На основе комплексирования экспертных оценок определены степень детерминации образа будущего процессами цифровой трансформации, дуальный характер актуального образа цифрового будущего России и содержательные компоненты просоциального образа цифрового будущего России. Опрос экспертов позволил раскрыть конструктивный потенциал просоциального образа цифрового будущего России в изменении социальных практик населения страны в условиях цифровой трансформации. Выявлено, что ключевые проблемы презентации просоциального образа цифрового будущего связаны с распространением предвзятых убеждений из-за недостатка информации о цифровой трансформации, не критического мышления, негативного опыта или манипулятивных воздействий.

Ключевые слова: образ будущего, цифровое будущее, цифровая трансформация, просоциальный образ цифрового будущего, государственная политика

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (госзадание) № 075-03-2023-106, проекта № FSMG-2023-0029

Для цитирования: Володенков С.В., Зотов В.В., Консон Г.Р., Гуров О.Н. 2024. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка). *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(1): 39–51. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51

The Prospects of Creating a Prosocial Image of the Russia's Digital Future (Expert Assessment)

^{1,2} Sergey V. Volodenkov, ¹ Vitaly V. Zotov ✉, ¹ Grigory R. Konson, ^{1,3} Oleg N. Gurov

¹ Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University),
9 Institute Per., Dolgoprudny, Moscow region 141701, Russia

² Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow 119234, Russia

³ Moscow State Institute of International Relations (University),
76 Vernadsky Av., Moscow 119454, Russia

zotov.vv@mipt.ru

Abstract. Digital transformation has a significant impact on various spheres of life and shapes a certain image of the society's future. This image plays an important role in determining the social development

prospects of the country, which makes its study relevant. Therefore, this work aims the identification of prospects of providing the pro-social image of Russia's digital future in the public space of communications. To achieve it, the authors conducted an expert survey of representatives of the academic and business community. Based on the integration of expert assessments, the authors have identified the determination's level of the future's image by the processes of digital transformation, the dual nature of the current image of Russia's digital future, the substantial components of the prosocial image of Russia's digital future. The survey of experts made it possible to reveal the constructive potential of the prosocial image of the digital future of Russia in changing the social practices of the country's population in the context of digital transformation. It has been revealed that the key challenges of presenting a prosocial image of the digital future in the public consciousness are associated with the spread of biased beliefs due to a lack of information about digital transformation, uncritical thinking, negative experiences or manipulative influences.

Keywords: image of the future, digital future, digital transformation, prosocial image of the digital future, public policy

Funding: The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Goszdaniye) No. 075-03-2023-106, project No. FSMG-2023-0029.

For citation: Volodenkov S.V., Zotov V.V., Konson G.R., Gurov O.N. 2024. The Prospects of Creating a Prosocial Image of The Russia's Digital Future (Expert Assessment). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 39–51 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51

Введение

Развитие цифровых технологий может быть быстрым и непредсказуемым. Процессы цифровой трансформации уже сегодня оказывают существенное воздействие на различные сферы жизни, порождая определённые ожидания и страхи у населения, которые отражаются в образе будущего страны. А поскольку образ, циркулирующий в сознании как масс, так и управленческих элит, выступает одним из значимых факторов, определяющих в настоящем развитие государства и общества в его ключевых сферах жизнедеятельности, то его исследование становится весьма актуальным. Для гармонично-сбалансированного развития человека, общества и государства необходимо достижение согласия по поводу представлений о цифровом будущем. А обеспечение просоциальности образа цифрового будущего позволит использовать новые устройства, сервисы и технологии для решения общественно значимых проблем.

Среди первых работ, посвящённых проблеме образа будущего, стоит отметить публикации Б. Ландхир [Landheer, 1966] и Ф. Полака [Polak, 1973], написанные под влиянием футурологических работ 50–60-х годов прошлого века. В последующие годы интерес к этой проблематике неизменно сохранялся, но при этом в большей мере авторы склоняются к описанию будущего, чем дефиниции понятия «образ будущего». Среди работ, уделивших внимание раскрытию содержания рассматриваемого понятия, можно выделить следующие [Zheltikova, Khokhlova, 2019; Комаровский, 2020]. Основываясь на представлениях данных исследователей, образ цифрового будущего можно определить как комплекс ожиданий, предположений и представлений о развитии человека, общества и государства в условиях цифровизации различных сфер жизнедеятельности и производства.

В последние два-три года наблюдается рост числа исследований, посвящённых восприятию россиянами образа будущего. Особое внимание учёных приковано к процессу формирования образа будущего в условиях политической нестабильности, поскольку на представления граждан о будущем оказывают влияние текущие социальные проблемы и противоречия [Хохлов, 2023]. Сегодня фиксируется, что в отношении ближайшей перспективы доминируют тревожные настроения и отсутствие ожиданий стабильности [Коленникова, 2023]. Большинство россиян видят желаемое будущее страны как демократическое социальное государство с устойчивыми институтами и сохранением национально-цивилизационной иден-

тичности [Трофимова, 2022]. В другом исследовании большинство опрошенных россиян считают желательными для будущего такие просоциальные качества, как социальная справедливость, преодоление коррупции, уменьшение социального неравенства, переход к инновационной экономике и укрепление международного статуса страны [Андреев, Андреев, Слободенюк, 2022]. Отметим, что на сегодняшний день изучение феномена цифрового образа будущего только входит в фокус научных исследований [Быльева, Лобатюк, 2021; Мамычев, 2022; Виноградов и др., 2023].

Цифровая трансформация влияет на общественные ожидания и поведение, определяя изменения в государстве и обществе. Образ цифрового будущего формируется не только объективными условиями цифровизации, но и намерениями различных её акторов, обладающих собственным видением и нередко преследующих свои интересы, которые они выражают в медиaprостранстве. Большое количество медиаматериалов формирует неоднозначный образ будущего: от общества всеобщего благоденствия, ориентированного на человека, до оруэлловского общества «большого брата». В публичном пространстве коммуникаций образ становится неустойчивым, ситуативным из-за возрастающего числа акторов этого пространства и связей между ними, а процесс репрезентации в общественном сознании – более сложным. В связи с этим представляется важным изучение возможностей формирования и дальнейшей презентации в публичном пространстве не стихийного, а управляемого образа цифрового будущего, минимизирующего противоречия общественного развития в условиях цифровых трансформаций.

Очевидно, что в случае стихийного формирования негативных образов цифрового будущего в публичном пространстве коммуникаций и их дальнейшей репрезентации в общественном сознании населения страны возникают существенные угрозы общественному устройству. Из-за субъективных представлений о вреде цифровых технологий (потеря приватности, тотальный контроль, цифровая зависимость) перед государством возникает неприглядная перспектива возможной дестабилизации общественно-политической ситуации в виде движений цифровых неолуддитов. Поэтому можно предположить, что одним из ключевых факторов успешности цифровых трансформаций, наряду с потенциалом самих технологий, адекватностью стратегий их внедрения и использования, является представленность образа цифрового будущего в общественном сознании, а также степень его соответствия интересам индивидов, групп граждан, общества и государства в целом.

Высказанные соображения легли в основу данного исследования и позволили сформулировать цель: определить возможности и проблемы формирования просоциального образа цифрового будущего России в публичном пространстве коммуникаций.

Методы исследования

Для выявления особенностей, тенденций, проблем формирования просоциального образа цифрового будущего России в публичном пространстве коммуникаций авторами настоящей работы в сентябре – ноябре 2023 г. было проведено экспертное исследование, в котором приняли участие 20 экспертов из российского академического сообщества и отечественного бизнеса. Участникам исследования было предложено ответить на серию вопросов относительно 1) понятия «образ будущего», 2) степени детерминации образа будущего процессами цифровой трансформации и ее места в общем образе будущего, 3) социальности актуального образа цифрового будущего и 4) содержательного наполнения просоциального образа цифрового будущего России.

Кроме того, экспертам было предложено оценить потенциал влияния образа цифрового будущего на процессы изменения мышления и поведения граждан страны, а также определить спектр основных проблем, связанных с формированием просоциального образа цифрового будущего. При анализе экспертных ответов индивидуальные оценки были подвергнуты процедуре комплексирования, результатом которой стало их объединение в одну комплексную, интегральную оценку.

Экспертные представления о понятии «образ будущего»

По итогам комплексирования мнений экспертов об образе будущего были определены существенные элементы этого понятия.

Преимущественно участники исследования понимают под образом будущего совокупность как научно-прогнозируемых, так и интуитивно предполагаемых *представлений* об окружающем мире, государстве, обществе и его конкретных группах (стратах) в отдалённой перспективе. В представлениях экспертов о будущем входят *наиболее вероятные сценарии развития событий*, в которых внимание акцентируется на индивидуально значимых процессах и состояниях мира, а также прогнозы, мечтания, опасения, выражаемые с учётом жизненного опыта и имеющихся ресурсов для их осуществления. Прогностический горизонт – это среднесрочная (5–7 лет) и долгосрочная (свыше 10–25 лет) перспективы.

Также в образ будущего включаются представления о перспективном устройстве мира и ожидаемых условиях повседневности той социальной группы, к которой причисляет себя индивид. В образе будущего отражаются и представления об окружающих человека технических устройствах, и об обусловленном (и частично навязанном) этими устройствами круге задач, стоящих перед гражданами в их обычной жизни. Как отмечают эксперты, образ будущего многоаспектен и характеризуется разной (но обязательно существенной) *степенью неопределённости, обуславливающей возникновение рисков*. Он органически связан с *объединяющей (национальной) идеей* как совокупностью доступных обывателю и основанных на их ожиданиях идеологием, упорядочивающих процесс развития социума. При этом для индивида образ будущего не является предметом глубокой проработки, но выступает *детерминантом поведения* уже в настоящем, а отсутствие образа будущего создаёт проблему бессмысленности повседневности.

Отметим, что в силу сложности и многоаспектности данного феномена эксперты сформулировали разнообразные позиции по поводу существенных характеристик образа будущего, но комплексирование экспертных ответов позволяет обнаружить общее видение образа будущего.

Экспертная оценка детерминации образа будущего процессами цифровой трансформации и его места в общем образе будущего

Для выявления значимости актуальных технологических трансформаций применительно к формированию образов будущего участникам исследования было предложено оценить степень детерминации таких образов процессами цифровой трансформации (рис. 1). С этой целью был задан вопрос: *«Если представить, что образ будущего формируют различные тренды современности, то на сколько процентов образ будущего детерминирован процессами цифровой трансформации? Оцените, пожалуйста, в баллах от 0 до 100,0 – абсолютно не детерминирован. 100 – полностью детерминирован»*.

В целом эксперты (за исключением трёх участников) высоко оценили значимость процессов цифровой трансформации в формировании содержательных характеристик образов будущего.

Отметим, что мнения экспертов можно интегрировать в 2 основных кластера, по-разному определяющих место образа цифрового будущего в рамках общего образа будущего.

1. Подавляющее большинство экспертов склоняется к позиции *«образ цифрового будущего есть центральный элемент общего образа будущего»*, аргументируя её следующим образом: цифровые технологии проникают во все сферы жизни, формируют новые способы взаимодействия и организации общества; трансформируют экономику и влияют на геополитику; охватывают большую часть социальной сферы и этим затрагивают интересы большинства групп населения, за исключением тех из них, кто сталкивается с фактором цифрового неравенства, либо не пользуется современными цифровыми

медиа по другим причинам; влияют на социокультурные аспекты общества, формируя новые культурные реалии и образцы поведения; являются важной составляющей социализации и влияют на формирование базовых ценностей, убеждений и представлений населения; влияют на структуру производства, создавая новые формы бизнеса и изменяя трудовые отношения.

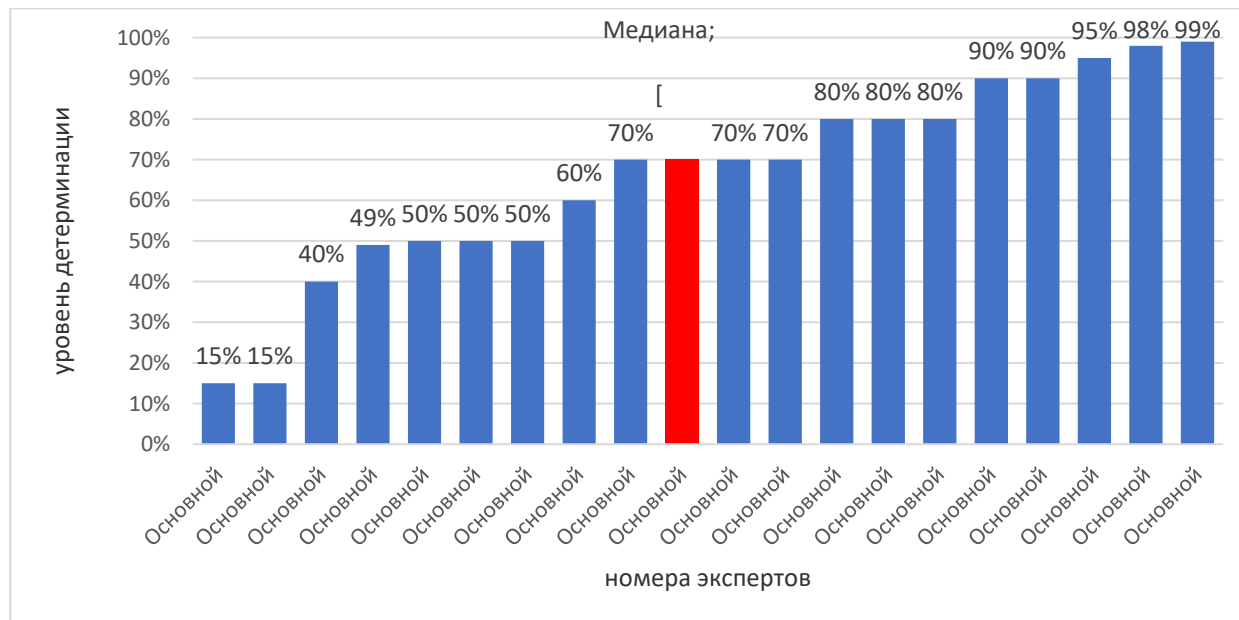

Рис. 1. Экспертная оценка степени детерминации образа будущего процессами цифровой трансформации, %

Fig. 1. Expert assessment of the degree of determination of the image of the future by the processes of digital transformation, %

2. Меньшая часть экспертов высказала более осторожную позицию – **«образ цифрового будущего есть один из элементов общего образа будущего»**, которая определяется следующими аргументами: цифровые технологии, хотя и влияют на все аспекты жизни, являются лишь вспомогательными инструментами; в центре сценариев будущего должен быть человек и его отношения с другими людьми, а не цифровые технологии; последние могут быть опасными без просоциального контекста; на сегодняшний день отсутствует единое понимание реальных пределов развития технологической составляющей «будущего» и допустимых границ синергии цифровых технологий и человеческой природы.

Таким образом, эксперты считают, что цифровая трансформация играет значительную роль в формировании образов будущего и при этом придерживаются позиции, согласно которой образ цифрового будущего будет центральным и определяющим в рамках общего образа будущего.

Экспертная оценка социальности образа цифрового будущего

Социальность есть «система исторически складывающихся и постоянно воспроизводящих себя на новой ступени взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, определяющая типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса» [Адуло, 2019, с. 33]. Складывающиеся взаимоотношения могут быть просоциальными, то есть способствующими решению общественных проблем и улучшению жизни людей, или же асоциальными, то есть не ориентированными на решение общественно значимых проблем в пользу человека и общества.

Экспертам было предложено оценить уровень просоциальности или асоциальности образа цифрового будущего с точки зрения их последствий для человека и общества.

Комплексирование экспертных оценок позволило выделить 3 ключевые позиции по данному вопросу.

1. Позиции о *неоднозначности образа цифрового будущего* придерживается большая часть (60 %) опрошенных экспертов, которая считает, что его просоциальность или асоциальность зависит от множества факторов и условий. Неоднозначность образа цифрового будущего, по мнению экспертов, определяется следующими аргументами:

– технологии – это лишь инструменты в руках людей, воля которых задаёт социальную направленность их применения. Образ цифрового будущего является просоциальным или асоциальным в зависимости от намерений и целей ключевых акторов цифровизации: крупных промышленных корпораций, IT-компаний и в первую очередь – государства. Цифровые трансформации только усиливают существующие тенденции, а источник просоциальности и асоциальности находится в самих людях;

– наиболее вероятным сценарием является противоборство и конкуренция между просоциальными и асоциальными тенденциями в образе цифрового будущего. Просоциальные аспекты включают решение общественных проблем, доступ к информации и образованию, медицинские инновации, повышение эффективности экономики и открытую коммуникацию, упрощение взаимодействия человека с государством, расширение спектра цифровых сервисов и продуктов для людей. В этом контексте цифровые технологии могут служить инструментом создания более устойчивого и справедливого общества. Однако недостаточное регулирование, неправильное использование или избыточная концентрация цифровых технологий у крупных технологических компаний ведут к реализации асоциальных сценариев, в рамках которых возможно отслеживание действий граждан, манипулирование их поведением, цифровое неравенство, монополизация отдельных сфер производства общественных благ;

– полностью просоциального образа будущего не существует – в нем присутствуют асоциальные элементы. Это можно объяснить тем, что власти стремятся формировать доверие населения к своей политике, показывая социально ориентированное будущее. Однако каждое государство имеет национальные интересы, защита которых может вестись и с асоциальным применением цифровых технологий. Кроме того, нельзя игнорировать факторы военных и политических конфликтов, в которых асоциальность обеспечивается внешними по отношению к конкретному государству процессами со стороны враждебно настроенных геополитических оппонентов. Определённую роль в распространении алармистских настроений – киберстрахов и даже киберпаники – играют увеличивающиеся возможности систем искусственного интеллекта;

– для упреждения асоциального характера образа будущего экспертам представляется необходимым создание корректного контекста цифровой трансформации для большинства технологически развитых государств.

2. Оптимистичной позиции о преобладании *просоциального образа цифрового будущего* придерживается четверть участников исследования, приводя в ее защиту следующие аргументы:

– цифровые технологии улучшают качество жизни, расширяют возможности коммуникации и предоставляют доступ к информации. Они могут стимулировать развитие положительных качеств человека, таких как креативность, коммуникативность и системность мышления. Развитие цифровых технологий может быть предсказуемым и соответствовать просоциальной политике. Цифровые технологии нацелены на решение общественно значимых проблем, а асоциальные аспекты являются локальными.

3. Позиции о преобладании *асоциального образа цифрового будущего* также придерживается незначительное число опрошенных экспертов, опирающихся на следующую аргументацию:

– цифровые технологии являются инструментами в руках капиталистов и используются в основном в асоциальных целях. Основными драйверами цифровых трансформаций являются военные ведомства, силовые структуры, военно-промышленный комплекс и транснациональные корпорации, интересы которых не совпадают с интересами общества. Цифровое будущее скорее всего будет основано на цифровом (или надзорном – в терминах Ш. Зубофф [Zuboff, 2015]) капитализме, направленном на обогащение крупных цифровых корпораций. Это ставит под сомнение просоциальность цифрового будущего. В данном случае негативный сценарий будущего связан с несоответствием сложившихся общественных отношений потребностям общества. Будущее зависит от способности общества разрешить проблемы цифровой трансформации, создав устойчивые институты и определив социальные группы, способные стать драйверами общественных изменений.

Таким образом, следует отметить неоднозначность экспертных позиций относительно просоциальности или асоциальности образа цифрового будущего. Наряду с этим, участники исследования единодушно констатировали, что цифровизация в России осуществляется по лекалам, используемым всеми технологически развитыми странами, ввиду этого страна сталкивается с теми же проблемами и вызовами, что и западные государства, а технологический суверенитет России понимается как замещение зарубежных технологий российскими аналогами.

Представления экспертов о содержательном наполнении просоциального образа цифрового будущего России

В ходе исследования участникам был задан вопрос о том, каким должен быть просоциальный образ цифрового будущего России и вокруг каких понятий, идей, представлений он должен выстраиваться. Получен широкий спектр экспертных ответов, что указывает на сложность и нетривиальность задачи формулирования приемлемого для большинства граждан образа цифрового будущего России.

Большинство экспертов указывает на недостижимость полной просоциальности образа цифрового будущего. Но, тем не менее, согласно позиции опрошенных, задачу его формирования следует публично поставить в качестве одной из общественно значимых в рамках национального проекта цифровой трансформации, поскольку нельзя полагаться на саморазрешение дилеммы «просоциальное – асоциальное» в образе цифрового будущего. При этом к числу базовых направлений, вокруг которых должен выстраиваться просоциальный образ цифрового будущего России, эксперты отнесли следующие:

– *сбережение базовых ценностей человеческой цивилизации, человекоцентричности и гуманизма* на основе применения цифровых технологий;

– *формирование уверенности в завтрашнем дне, гарантии социальной защиты, социальной стабильности* путём развития цифровых сервисов, делающих за счет цифрового формата социально-значимые услуги более доступными, в первую очередь для людей, проживающих в отдалённых районах, и более простыми процессы подачи заявления и прохождения административных процедур;

– *увеличение социальных гарантий* для граждан, занятых в различных сферах производства, *снижение производственных рисков и травматизма*, автоматизация производства, сокращение времени на производство различных видов продукции, связанное с этим *сокращение рабочего времени*;

– *повышение благосостояния граждан* на основе применения цифровых технологий;

– *построение высокотехнологичного социального государства нового типа*, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих *достойную жизнь и свободное развитие человека*;

– *обеспечение* в условиях цифровых технологических трансформаций *устойчивого развития за счёт цифрового и технологического суверенитета*;

– *внедрение инноваций в экономике* на основе цифровых технологий;

– **достижение справедливости и равенства**: технологии должны служить целям социальной справедливости, уменьшению неравенства и обеспечению равных возможностей для всех граждан;

– **обеспечение доступности информации (знаний) и высококачественного образования**;

– **развитие прозрачности и ответственности** при использовании технологий для минимизации злоупотреблений и угроз в плане личных свобод;

– **осуществление социальной интеграции и организация диалога** в пространстве интернет-коммуникаций, **обеспечение доступности, прозрачности и удобства коммуникаций** гражданина с государством, **создание новых эффективных форматов взаимодействия** общества и власти, **повышение роли мнения** отдельного человека при принятии государственных решений на основе новых «умных» технологий, **переход каждого гражданина к прямому, свободному, гласному, нетайному и деанонимизированному участию в государственном управлении**;

– **обеспечение качества жизни** посредством доступных цифровых сервисов, предоставляющих возможности для социальной поддержки и проявления общественной активности;

– **забота о человеке и гражданах, их правах и возможностях, создание условий для развития каждого отдельного человека** при помощи цифровых инструментов;

– **создание гармоничной и комфортной для человека «умной» среды** для жизни людей, которая будет наилучшим образом раскрывать их личностный потенциал;

– **сохранение природы и ее ресурсов** при помощи цифровых решений, переход от эксплуатации природных ресурсов к эффективному и рациональному использованию берегающих и экологичных цифровых технологий;

– **эффективное сбережение здоровья человека** на основе применения новых технологий в цифровой медицине.

– **просоциальная государственная политика**, направленная на контроль за крупными цифровыми компаниями, а также на регулирование применения технологий искусственного интеллекта, стимулирование инвестиций в социально ориентированные цифровые технологии, направленные на развитие новых сфер экономики и общественной деятельности, а также поддержание занятости.

Как можно заметить, спектр направлений деятельности государства, вокруг которых, по мнению участников исследования, должен выстраиваться образ цифрового будущего России, является достаточно широким и охватывающим различные общественные сферы. Однако комплексирование экспертных оценок позволило нам сформулировать рамочную содержательную основу для формирования просоциальных представлений об образе цифрового будущего в нашей стране.

Экспертная оценка потенциала влияния образа цифрового будущего на изменение мышления и поведения населения

По мнению экспертов, презентация в публичном пространстве коммуникаций образа цифрового будущего России может привести к следующим потенциальным позитивным изменениям:

– постепенное **формирование убеждённости (поведенческие установки) в позитивном, просоциальном влиянии цифровизации** на реализацию личных и групповых интересов здесь и сейчас, а также в будущем;

– **повышение гражданской активности**, общественной инициативности и уровня участия людей в управлении на местах на основе ясного и прозрачного понимания потенциала цифровых технологий и ресурсов в социально-политической и управленческой сферах;

– **преодоление барьеров в понимании** трансформационных механизмов **и поддержка государственных инициатив в сфере цифровых трансформаций**, формирование желания

участвовать в процессах цифровизации и быть к ним сопричастным, осознание и понимание проводимых политических реформ, обусловленных цифровой трансформацией;

– **повышения доверия населения** к власти, цифровым институтам государства и цифровым инструментам в общественно-политической, социальной и экономической сферах;

– **формирование привлекательного образа цифрового будущего России** как высокотехнологичной и конкурентоспособной державы, имеющей свой собственный суверенный и при этом просоциальный путь цифрового развития, выгодно выделяющий страну на фоне других государств;

– **уменьшение количества конкурирующих в публичном пространстве образов будущего** (в том числе и опасных для существования страны как таковой);

– **появление уверенности в завтрашнем дне** у молодёжи, экономически активных слоёв населения, а также снижение антагонизма у «проблемных» социальных групп;

– **формирование у россиян позитивно значимого представления**, раскрывающего для молодого и среднего поколения возможности цифровых технологий, их инновационный потенциал, а у представителей старшего поколения – снижение чувства страха и недоверия к новым технологиям;

– **формирование паттернов безопасного цифрового поведения** (внимание к приватности персональной информации и недопущение использования собственного цифрового следа третьими сторонами);

– **повышение доверия к цифровым технологиям, используемым работодателями для повышения эффективности своего бизнеса**;

– **формирование и реализация эффективной социальной политики государства** на основе цифровых инструментов анализа текущей ситуации с учётом понимания реальных проблем, потребностей, запросов, ожиданий и требований населения и их возможных трансформаций в будущем;

– **осознание важности этического сопровождения и регулирования процессов цифровизации**, особенно в процессах обучения искусственного интеллекта и самоосознания человеком в цифровую эпоху;

– **разрушение негативных мифов о цифровизации** для устранения субъективных страхов в ожидании цифрового будущего у значительной массы населения страны, а также **снижение у протестных аудиторий уровня негативных взглядов, убеждений и представлений** для сохранения социальной стабильности в обществе.

Отметим согласие экспертов с утверждением о том, что презентация образа цифрового будущего России в публичной сфере может изменить мышление и поведение аудитории. Это подчёркивает важность презентации образа цифрового будущего в публичном пространстве коммуникаций, согласующегося с интересами личности, общества и государства.

Экспертная оценка основных проблем, связанных с формированием просоциального образа цифрового будущего России

В целом высокая оценка конструктивного влияния просоциального образа цифрового будущего России, по мнению участников исследования, при формировании такого рода образа не исключает широкий спектр проблем. К их числу в первую очередь относятся следующие:

– формирование не образа будущего, а мифов цифровизации: **образ будущего может разойтись с самим реальным будущим**, а осознание этого факта может привести к потере доверия к государству как основному выгодоприобретателю от цифровой трансформации;

– смещение образа будущего в сторону цифрового может привести к **избыточной зависимости жизни человека, государства и общества от цифровых технологий**, усилить их уязвимость от технических сбоев;

– **недостаток понятного контента**, объясняющего цифровизацию, и **неэффективная презентация образа цифрового будущего** делают процесс цифровой трансформации неясным для большинства людей;

– **декларирование просоциальных целей** использования цифровых технологий годами **при фактическом их использовании в интересах элиты**, что ведёт к формированию цифровых автократий и диктатур, в рамках которых становится нормой тотальный цифровой контроль над гражданами;

– быстрота технологических изменений вызывает **деградацию: 1) традиционных социальных процессов и ценностно-смысловых систем**, являющихся основой жизни общества, **2) самого человека** – его **редукцию к человеку-юзеру**, который не стремится разобраться и понять, как работают цифровые системы;

– **использование цифровых технологий**, в частности, искусственного интеллекта или биотехнологий, **обостряет этические вопросы**, а **недостаток этического сопровождения цифровизации** ведёт к размыванию норм и правил социального взаимодействия как между людьми, так и между государством и обществом;

– **неприятие цифрового будущего со стороны отдельных групп общества** из-за негативного восприятия внедрения цифровых технологий в традиционные сферы жизни, что приведёт к росту протестных настроений и противодействию цифровизации (например, цифровой луддизм);

– **возрастание манипулятивно-пропагандистского потенциала цифровых технологий** (увеличение интенсивности применения в общественном дискурсе фейков и дипфейков, генерируемых искусственным интеллектом и нейросетями), ведущее к росту недоверия к цифровому контенту и цифровым технологиям в целом;

– **разработка со стороны государства неверных стратегий цифровизации**, способных привести к асоциальным сценариям цифрового будущего России;

– **угроза суверенитету из-за информационного вмешательства** различных сил – государств, частных компаний, глобальных технологических гигантов и экстерриториальных организаций, которые способны в силу технологического превосходства доминировать в цифровой среде;

– **слабая координация действий различных акторов цифровизации**, их невысокая мотивация на взаимодействие, риск чрезмерного увлечения своими идеями и видениями цифровизации на фоне недооценки альтернативных взглядов и мнений;

– **неготовность государственно-управленческой системы к просоциальному взаимодействию** с обществом в цифровой среде, что при высоком уровне её **бюрократизации** может **ограничить положительные эффекты** от внедрения цифровых технологий в процессы принятия и реализации управленческих решений;

– **отсутствие профессиональных компетенций у лиц, принимающих решения в сфере цифровизации**;

– **коррупционные риски** при реализации цифровых проектов в режиме имитации цифровизации;

– **ограничения доступа к информации и технологиям** могут привести к росту социального неравенства, особенно если доступ будет ограничен для определённых групп населения посредством финансовых, образовательных или технологических барьеров, а также из-за протекционизма властей;

– **компетентностные разрывы** между овладевшей цифровыми технологиями молодёжью и представителями старшего поколения, испытывающими трудности освоения новых технологий либо нежелающими/неумеющими обучаться;

– **развитие новых технологий сопровождается ростом кибератак**, ведущих к нарушениям безопасности данных и проблемам конфиденциальности;

– **рост использования цифровых технологий может увеличить риск нарушения личной приватности граждан**: сбор, хранение и использование больших данных вызы-

вают опасения в области конфиденциальности, поскольку ведут к злоупотреблениям со стороны лиц, владеющих базами данных и алгоритмами обработки цифровых следов.

Таким образом, формирование просоциального образа цифрового будущего России протекает в условиях проявления проблем, которые связаны с распространением предвзятых убеждений из-за недостатка информации о цифровой трансформации, некритического мышления, негативного опыта или манипулятивных воздействий. Данные проблемы представляются существенными, требуя осмысления и разрешения со стороны акторов цифровизации.

Заключение

В результате исследования, проведённого путём комплексирования экспертных оценок, можно сделать следующие выводы.

Эксперты не имеют единой позиции по поводу сущностных характеристик образа будущего, особенно в контексте цифровой трансформации, но они признают значимость цифровых трансформаций для формирования образа будущего. При этом большинство участников исследования отводит образу цифрового будущего центральное место в общем образе будущего, но их мнения о характере цифрового будущего в России разнятся. Образ цифрового будущего обладает, по мнению экспертов, как просоциальным, так и асоциальным потенциалом. Такая неоднозначность представлений о характере образа цифрового будущего может вызывать значимые риски для развития страны и подчёркивает необходимость активной роли государства в формировании просоциального образа цифрового будущего. Эксперты считают, что формирование такого образа сложно из-за различий в ожиданиях и интересах разных слоёв населения, но его конструктивный потенциал влияния на мышление и поведение населения несомненны. Отсюда для нашей страны осуществление соответствующей презентационной деятельности в публичном пространстве коммуникаций является важной и необходимой задачей.

Список литературы

- Адуло Т.И. 2019. Уяснение сущности социальности – ключ к пониманию глобальных проблем современности. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, 4(26): 12–43.
- Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. 2022. Представления россиян о будущем России. *Социологические исследования*, 10: 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7.
- Быльева Д.С., Лобатюк В.В. 2021. Образ цифрового будущего общества через призму пандемии. *Философская мысль*, 2: 11–22. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.2.35169.
- Виноградов М.Ю., Джигилова Е.Г., Попов Н.С., Султанова Г.Д., Фидря Е.С. 2023. Образ цифрового мира и восприятие политики цифровизации в общественном сознании россиян. *Журнал политических исследований*, 1: 76–90. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-76-90.
- Володенков С.В., Зотов В.В., Консон Г.Р. 2023. Образ цифрового будущего как модель конституирования реальности: сценарии формирования и репрезентации. *Журнал политических исследований*, 4: 33–46. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-33-46.
- Коленникова Н.Д. 2023. Образы «России будущего» в представлениях граждан. *Социологические исследования*, 10: 91–103. DOI 10.31857/S013216250028307-0.
- Комаровский В.С. 2020. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования. *Власть*, 1: 45–50.
- Мамычев А.Ю. 2022. «Цифровой Левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24(3): 367–392. DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392.
- Трофимова И.Н. 2022. Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? *Социологические исследования*, 10: 37–48. DOI 10.31857/S013216250020843-0.
- Хохлов А.А. 2023. Представления о будущем в коллективном сознании россиян. *Наука. Культура. Общество*, 29(4): 6–17. DOI 10.19181/nko.2023.29.4.1.
- Landheer B. 1966. About the Image of the Future. In: *On the Sociology of International Law and International Society*. Springer, Dordrecht: 108–114. DOI: 10.1007/978-94-015-0792-9_13

- Polak F. 1973. *The Image of the Future*. Elsevier Scientific Publishing Company. Amsterdam, London, New-York, 320 p.
- Zheltikova I., Khokhlova E. 2019. The Image of the Future of Contemporary Russia. *Journal of Futures Studies*, 24(1): 63–76. DOI:10.6531/JFS.201909_24(1).0005.
- Zuboff S. 2015. Big other: Surveillance capitalism and the prospects of an information civilization. *Journal of Information Technology*, 30: 75–89. DOI: 10.1057/jit.2015.5.

References

- Adulo T.I. 2019. Uyasneniye sushchnosti sotsial'nosti – klyuch k ponimaniyu global'nykh problem sovremennosti [Clarification of the essence of sociality is the key to understanding the global problems of modernity]. *Philosophy and humanities in information society*, 4(26): 12–43.
- Andreyev, A.L., Andreyev, I.A., Slobodenyuk, Ye.D. 2022. Predstavleniya rossiyan o budushchem Rossii [Russians' Ideas about the Future of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 10: 49–61 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250020368-7.
- Bylyeva D.S., Lobatyuk V.V. 2021. Obraz tsifrovogo budushchego obshchestva cherez prizmu pandemii [The image of the digital future of society through the prism of the pandemic]. *Philosophical Thought*, 2: 11–22 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-8728.2021.2.35169.
- Vinogradov, M.Yu., Dzhibilova, Ye.G., Popov, N.S., Sultanova, G.D., Fidrya, Ye.S. 2023. Obraz tsifrovogo mira i vospriyatiye politiki tsifrovizatsii v obshchestvennom soznanii rossiyan [The image of the digital world and the perception of digitalization policy in the public consciousness of Russians]. *Journal of Political Research*, 1: 76–90 (in Russian). DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-76-90.
- Volodenkov S.V., Zotov V.V., Konson G.R. 2023. Obraz tsifrovogo budushchego kak model' konstituirovaniya real'nosti: stsenarii formirovaniya i reprezentatsii [The image of the digital future as a constituent model of reality: scenarios of formation and representation]. *Journal of Political Research*, (4): 33–46 (in Russian). DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-33-46.
- Kolennikova N.D. 2023. Obrazy «Rossii budushchego» v predstavleniyakh grazhdan [Images of «Russia of the Future» in the Representations of Its Citizens]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 10: 91–103 (in Russian). DOI 10.31857/S013216250028307-0.
- Komarovsky V.S. 2020. Obraz zhelayemogo budushchego Rossii: problemy formirovaniya [Image of the desired future of Russia: problems of formation]. *Vlast' (The Authority)*, 1:45-50 (in Russian).
- Mamychev A.Yu. 2022. «Tsifrovoy Leviatan»: stsenarii razvitiya gobsovskogo chudovishcha v XXI veke [«Digital Leviathan»: Scenarios for the development of the Hobbesian monster in the 21st century]. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3): 367–392 (in Russian). DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392.
- Trofimova I.N. 2022. Predstavleniya rossiyan o budushchem strany: sushchestvuyet li konsensus? [Russians' Ideas about the Future of the Country: is there a Consensus?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 10: 37–48 (in Russian). DOI 10.31857/S013216250020843-0.
- Khokhlov A.A. 2023. Predstavleniya o budushchem v kollektivnom soznanii rossiyan [Ideas about the future in the collective consciousness of Russians]. *Science. Culture. Society*, 29(4): 6–17 (in Russian). DOI 10.19181/nko.2023.29.4.1.
- Landheer B. 1966. About the Image of the Future. In: *On the Sociology of International Law and International Society*. Springer, Dordrecht: 108–114. DOI: 10.1007/978-94-015-0792-9_13
- Polak F. 1973. *The Image of the Future*. Elsevier Scientific Publishing Company. Amsterdam, London, New-York, 320 p.
- Zheltikova I., Khokhlova E. 2019. The Image of the Future of Contemporary Russia. *Journal of Futures Studies*, 24(1): 63–76. DOI:10.6531/JFS.201909_24(1).0005.
- Zuboff S. 2015. Big other: Surveillance capitalism and the prospects of an information civilization. *Journal of Information Technology*, 30: 75–89. DOI: 10.1057/jit.2015.5.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 06.12.2023
Поступила после рецензирования 16.01.2024
Принята к публикации 22.01.2024

Received December 06, 2023
Revised January 16, 2024
Accepted January 22, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Володенков Сергей Владимирович, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет); профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), г. Долгопрудный, Россия.

Консон Григорий Рафаэлевич, доктор культурологии, доктор искусствоведения, профессор, директор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), г. Долгопрудный, Россия.

Гуров Олег Николаевич, кандидат философских наук, MBA, старший научный сотрудник Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет); научный сотрудник Центра искусственного интеллекта, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Volodenkov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading researcher of Humanities & Social Sciences Center, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Vitaly V. Zotov, Doctor of Sociological Science, Professor, Professor of Humanities & Social Sciences Center, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Dolgoprudnyj, Russia.

Grigory R. Konson, Doctor of Science in Art History, Doctor of Science in Cultural Studies, Professor, Director of Humanities & Social Sciences Center, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Dolgoprudnyj, Russia.

Oleg N. Gurov, Candidate of Philosophical Sciences, MBA, Senior researcher of Humanities & Social Sciences Center, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Researcher of Center for Artificial Intelligence, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.15

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-52-62

Методологический конструкт исследования феномена государственности

¹Абдуллаев М.Н., ²Сафронова Е.В.

¹ Дагестанский государственный университет,
Россия, 367000, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, д. 43-а
mnabdullaev@mail.ru

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
elena_safronova_2010@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена методологическая проблема дефинирования явления государственности, определено предметное поле научного исследования сущности государственности как сложного системного феномена. Разработка дефиниции «государственность» в соотношении с понятием «государство» позволяет оценивать общественные явления с различных сторон. Исследование природы и сущностных проявлений многоаспектного феномена «государственность» диктует необходимость преодоления научно-отраслевой односторонности и актуализирует привлечение междисциплинарного подхода, систематизирующего и объединяющего отраслевые, теоретические знания на более высоком и качественном уровне концептуализации. Отмечено значение определения структурных базовых единиц методологического конструкта исследования государственности, позволяющих провести историко-правовое описание ее модели в России и регионах. В этой связи подробно рассматриваются индикаторы измерения государственности и факторы, оказывающие на нее детерминирующее влияние. Авторы приходят к выводу, что современный уровень развития науки позволяет и предполагает проводить исследовательскую работу в русле методологического синтеза. Творческое сочетание универсализма, характерного для формационного подхода и цивилизационного индивидуализма в канве исторического подхода, утверждения историзма в подходе к изучению государственности и использование методов историко-сравнительного и сравнительно-правового анализа целесообразно рассматривать в качестве рационального методологического конструкта исследования российской государственности.

Ключевые слова: государственность, конструкт, методологический конструкт, исторический подход, принцип историзма, междисциплинарный подход, эволюционно-синергетический подход, формационный подход, цивилизационный подход, системный подход, институциональный подход, деятельностный подход, индикаторы измерения государственности, факторы влияния на государственность, методологический синтез

Для цитирования: Абдуллаев М.Н., Сафронова Е.В. 2024. Методологический конструкт исследования феномена государственности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 52–62. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-52-62

Methodological Construct for Studying the Phenomenon of Statehood

¹Magomedzapor N. Abdullaev, ²Elena V. Safronova

¹Dagestan State University,
43a Magometa Gadzhieva St, Makhachkala 367000, Russian Federation
mnabdullaev@mail.ru

²Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
elena_safronova_2010@mail.ru

Abstract. The methodological problem of defining the phenomenon of statehood is considered, the subject field of scientific research of the essence of statehood as a complex systemic phenomenon is determined. The development of the definition of "statehood" in relation to the concept of "state" allows us to evaluate social phenomena from various sides. The study of the nature and essential manifestations of the multidimensional phenomenon of "statehood" dictates the need to overcome scientific and sectoral one-sidedness and actualizes the involvement of an interdisciplinary approach that systematizes and unites sectoral, theoretical knowledge at a higher and qualitative level of conceptualization. The importance of defining the structural basic units of the methodological construct of the study of statehood, allowing for a historical and legal description of its model in Russia and the regions, is noted. In this regard, the indicators of the measurement of statehood and the factors that have a determinative effect on it are considered in detail. The authors conclude that the current level of scientific development allows and suggests conducting research in line with methodological synthesis. The creative combination of universalism, typical for the formational approach and civilizational individualism in the outline of the historical approach, the assertion of historicism in the approach to the study of statehood and the use of methods of historical-comparative and comparative legal analysis should be considered as a rational methodological construct of the study of Russian statehood.

Keywords: statehood, construct, methodological construct, historical approach, principle of historicism, interdisciplinary approach, evolutionary-synergetic approach, formational approach, civilizational approach, system approach, institutional approach, activity approach, indicators for measuring statehood, factors of influence on statehood, methodological synthesis

For citation: Abdullaev M.N., Safronova E.V. 2024. Methodological Construct for Studying the Phenomenon of Statehood. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 52–62 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-52-62

Введение

В последние годы термин «государственность» все чаще и чаще употребляется в общественно-политическом, правовом и научном дискурсе. Достаточно вспомнить введенный в 2023 году обязательный вузовский курс «Основы российской государственности». Изучение истории любого государства предполагает исследование его онтогенеза, эволюции, экспансии, изменения, возрождения, преемственности. Такая характеристика процесса становления государства может быть отображена и мотивирована только в рамках более широкой и содержательной категории – «государственность». Это важнейшая комплексная обобщающая научно-теоретическая категория, до сих пор не получившая общепризнанного определения, но имеющая ключевое значение для теоретического осмысления длительной истории государственно-правовой организации гетерогенного российского общества. Сложность осмысления феномена «государственность» связана с разобоченностью методологических подходов.

В современной российской науке в зависимости от методологических предпочтений формулируются различные, не совпадающие друг с другом дистинкции категории «государственность» [Сафронов, 2023]. Основной фокус научного внимания сосредоточен на

соотношении понятий «государство» и «государственность» [Белканов, 2013; Сафронова, 2014; Федосеев, 2021, Шабуров, 2012 и др.], а также определении факторов влияющих на специфику формирования государственности [Бачило, 1993]. В последние десятилетия появляется немало значительных работ, направленных на выявление специфики генезиса и эволюции многонациональной российской государственности [Величко, 2001, Краснов, 2002 и др.].

Сложность явления государственности детерминирует междисциплинарный характер исследования. Цель данной работы – определить методологические подходы изучения многогранного явления государственности и на их основе дать его определение.

Методологическая основа исследования конструкта государственности

Для рационального исследования сущности государственности как сложного системного феномена целесообразно выработать методологический конструкт, учитывающий специфику конкретного научного направления. Решение данной концептуальной методологической задачи позволит правильно выстроить систему взглядов на исследуемое явление, осмыслить и раскрыть его в русле фундаментальных научных установок. Работа в этом ключе так же позволит соответствовать преемственности развития науки и научного творчества.

«Конструкт (от лат. *constructio* – построение) – это умозрительное построение, вводимое гипотетически (теоретическое) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов (эмпирическое) по правилам логики с жёстко установленными границами и точно выраженное в определённом языке...»¹. Соответственно, представляется правильным следующее определение методологического конструкта: «когнитивная модель рационально-проектного содержания, задающая предметное поле научного исследования, его стратегию, способы и методы решения научно-исследовательских задач» [Андриевская, 2020, с. 366].

Переходя непосредственно к анализу методологического конструкта исследования государственности, отметим что в качестве его первичного уровня следует считать принимаемые и разделяемые научным сообществом подходы, концепции и методы. Среди них фундаментальное значение имеет исторический подход. Будучи общенаучным, он дает возможность адекватного понимания, интерпретации и оценки правового содержания государственности как исторического явления.

С точки зрения А.В. Корнева, «...принцип историзма органически вытекает из предназначения истории, в которую, как в зеркало, все мы должны чаще заглядывать. История ценна сама по себе. Однако понимание реальности без нее невозможно» [Корнев, 2019, с. 55]. Соблюдение принципа историзма выступает необходимым условием объективного освещения генезиса государственности в ретроспективе и перспективе. С позиции историзма формируются представления о государственности как явлении, на эволюцию которого непосредственно влияет совокупность политических, социальных, национальных и иных отношений. Данные отношения выступают в качестве своеобразного комплексного фактора [Пирумова, 2012, с. 110], позволяющего утверждать о первичности формирования государственности и вторичности государства и производных от него институтов. В данном контексте примечательна позиция В.А. Затонского, рассматривающего государственность через призму взаимосвязанных и взаимозависимых, нравственно-этических, этнокультурных, экономических и иных отношений, в той или иной степени имеющих связь с государством и непосредственно с реализацией его функций [Затонский, 2007, с. 5].

Выявление общего и особенного, случайного и закономерного в генезисе государственности является необходимым условием комплексного исследования общих перспек-

¹ Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. Грицанов А. А. Минск : Изд. В.М. Скакун, 1999. С. 331.

тив его развития. Эволюцию государственности конкретного народа (народов) нельзя рассматривать в отрыве от общеисторического процесса.

Сегодня становится очевидным, что научное сообщество должно перейти от анализа к синтезу узкодисциплинарных научных знаний, что позволит воссоздать единую картину мира. Всестороннее научное исследование природы и сущностных проявлений многоаспектного феномена «государственность» диктует необходимость преодоления научно-отраслевой односторонности, имеющей место в исследовательской практике. Соответственно, изучение феномена государственности требует привлечение междисциплинарного подхода, систематизирующей и объединяющей отраслевые, теоретические знания на более высоком и качественном уровне концептуализации. Методологической основой междисциплинарного подхода выступает наличие общего объекта исследования, что позволяет синтезировать знания, полученные в рамках отдельных научных дисциплин. Междисциплинарный характер понятия «государственность» [Бахмутская, 1994] обуславливает использование социологического, исторического и юридического инструментария как средства для осмысления определенных качественных признаков данного феномена. Использование указанного подхода способствует более глубокому выяснению сущности «государственности», закономерностей, оказывающих влияние на ее формирование и развитие, а также ведет к повышению качества научных исследований в целом. В то же время важно иметь в виду то, что при кооперации нескольких дисциплин зачастую возникает проблема научного языка. Так, в частности, П. Бурдые отмечал, что «встреча двух дисциплин – это встреча двух личных историй, а следовательно, двух разных культур; каждая расшифровывает то, что говорит другая, исходя из собственного кода, из собственной культуры» [Бурдые, 1994, с. 156].

Эволюционно-синергетический подход сложился под непосредственным влиянием синергетики, рассматривающей необратимость времени как фактор, приводящий к способности сложных систем к самоорганизации [Пригожин и др., 1986, с. 272, 357]. В канве данного подхода государственность рассматривается как конкретно-историческое и эволюционирующее явление. В отличие от классического подхода, переход от одного качественного состояния к другому в рамках эволюционно-синергетического подхода объект рассматривается через призму повышенной чувствительности различных явлений к детерминирующим воздействиям внешних и внутренних факторов на их развитие. Соответственно, различные формы выражения государственности рассматриваются в качестве реакции той или иной этнической общности на воздействия внутренних и внешних факторов окружающей среды. Таким образом, государственность выступает в качестве приспособления общества к требованиям и условиям реальности. Различия и качественное своеобразие форм социально-политических образований объясняются как несходством в начальных исходных условиях эволюции каждой национальной общности, так и через призму разного рода случайных событий. Следует также обратить внимание на то, что изучаемые формы рассматриваются как находящиеся в сфере перекрестного влияния с другими и это может привести к смешанным образованиям на определенных временных этапах.

Понятие «формация» применяется в основном в его марксистском значении «общественно-экономической формации» [Чиркин, 2019, с. 150], под которой понимается общество на исторически определенной стадии эволюции. Формация как таковая включает в себя положения человека в обществе, весь общественный и государственный строй. Способ производства определяет стадию развития общества, составляет его экономический базис, на котором выстраивается политическая надстройка. Тип производственных отношений детерминирует тип государства. При этом государства одного исторического типа имеют определенные общие признаки, характерные для той или иной экономической структуры общества.

Универсалистский характер формационной концепции выражается в предпосылке, что все государства разновременно эволюционируют по общему пути и в конечном итоге

придут к однотипной форме социально-политического устройства. В канве данной парадигмы – «и определяющая роль способа производства, и смена одной стадии другой – проявления фундаментальных социальных законов» [Пьянков, 2002, с. 9].

В качестве особенности формационного подхода можно выделить то, что он рассматривает связи государственности с другими социальными явлениями. По мнению некоторых ученых, возможности формационного подхода до конца наукой не выяснены [Морозова, 2019]. Недостатком формационного подхода принято считать евроцентричность. Данная парадигма не дает объяснения того, почему разные этнические общности, начав свою эволюцию «с одной и той же стартовой линии – первобытнообщинного строя», в своем развитии оказались на разных стадиях и избрали разные пути государств образования. Использование в таком контексте формационного подхода без синергетической взаимосвязи с цивилизационным подходом, на наш взгляд, затрудняет объективное исследование эволюции государственности. Формационная теория, дополненная цивилизационным подходом, позволяет осветить закономерности развития государственности с учетом всех социокультурных ценностей.

В.А. Томсинов отмечает, что «цивилизационный подход» позволяет выделить в изучаемом материале общее и особенное, проследить эволюции институтов, оценить в конечном счете изучаемые явления с позиции потребностей сегодняшнего дня [Бахмутская, 1994]. Среди качественных характеристик цивилизации можно выделить преемственность в развитии государственности, интеграционный динамизм, обеспечивающий устойчивое системное единство всех элементов конкретной цивилизации и выделение общих универсальных для всех цивилизаций условий. В основе цивилизационного подхода к исследованию государственности лежат культурные, религиозные традиции предшествующих обществ. Расцвет цивилизации объясняется при таком подходе не только техническим прогрессом, уровнем производства и материальных благ, но, в отличие от формационного подхода, объективными духовными, культурными факторами. Формация тем не менее не отделена от цивилизации – в рамках одной цивилизации могли иметь место различные общественно-экономические формации и наоборот.

Сейчас всю большую актуальность обрела идея о продуктивном взаимодействии цивилизации и государственности. «Цивилизация есть некий культурный тип, в отношении которого государственность выступает формой его индивидуализации, его исторического осуществления в реальных условиях пространства и времени жизни конкретного общества» [Андреева, 2015, с. 38]. Считается, что взаимоотношения между различными этническими общностями в рамках исторического формирования государственности обуславливают и становление цивилизации. Цивилизация в данном случае будет выступать в качестве «культурного арсенала», аккумулирующего результаты самобытного развития этнических общностей в качестве совместного достояния.

Л.А. Тихомиров подчеркивает, что «в государственный союз вступают не просто люди отдельные, изолированные, не имеющие других интересов, кроме государственных» [Тихомиров, 2010, с. 32]. Государственный интерес, по его мнению, возникает только у людей, объединившихся в более элементарные социальные группы и получивших в их рамках «некоторые интересы, требующие согласования и охранения». В качестве социального фундамента государства здесь рассматривается нация как совокупность племен или народ.

С позиции данного подхода мы можем говорить, что государственность представляет собой явление исторического характера, поскольку, во-первых, в рамках государственности формируется преемственная связь, которая объединяет различные исторические формы развития данного общества, способствуя тем самым сохранению национально-культурной идентичности и предохраняя общество от резких зигзагов в ходе его развития; во-вторых, являясь составной частью цивилизации, государственность существует и развивается в непрерывном взаимодействии и обмене в различных областях с соседними об-

ществами, в чем проявляется в определенной мере материалистическая диалектика, применяемая в рамках формационного подхода.

Системный подход можно рассматривать как классическое направление современной методологии общественных наук, который применяется, в частности, и при изучении государственности. Данный подход позволяет исследовать государственность как сложный комплекс элементов структур, институтов публичной власти, обусловленных преемственностью исторических, национальных, духовно-нравственных факторов на определенном этапе развития общества. В рамках системного подхода происходит исследования связей изучаемого феномена с окружающими явлениями объективной действительности. Так, использование системного подхода при разработке авторской концепции российской государственности в контексте евразийского проекта Н.Н. Алексеева позволяет С.П. Овчинниковой рассматривать российскую государственность «как самобытный политико-правовой институт в его евразийском измерении» [Овчинникова, 2001, с. 3].

В русле системного подхода А.В. Воронин подчеркивает, что «государственность понимается как важнейший элемент общественной структуры, включающий в себя не только те или иные государственные учреждения, но и значительно более широкие моменты, такие как идеология, взаимоотношения государства и общества, связи с другими государствами» [Воронин, 2002, с. 5].

Система предполагает исследование взаимозависимости её составных частей и определения границ между ней и внешней средой. Применение принципа системности в исследовании позволит глубже изучить государственно-правовые процессы.

Институциональный подход позволяет изучать государственность как систему публично-властных институтов, каждый из которых воплощает в себе те или иные ценности, принципы, нормы, установки и выполняет в обществе определенную функцию. Новая институциональная теория обращается в первую очередь к неформальным институтам, которые представляют собой совокупность убеждений, верований, ценностей, знаний национальной общности – всего того, что, по словам Д. Норта [2010, с. 82], составляет культурное наследие, или искусственную структуру, благодаря которой накапливается и передается человеческий опыт. Они образуют фундамент институционального каркаса государственности. Д. Норт показал, что граница между институтами и культурой условна, более того, что институты суть не что иное, как обусловленная культурой внутренняя форма социальной жизни [Андреева, 2015, с. 31]. Исследуя государственность через призму институционального подхода, мы также можем выделять ее системообразующие институты.

С.А. Авакьян в рамках деятельностного подхода акцентирует внимание на «практической деятельности государственных институтов», в условиях которой и формируется государственность [Авакьян, 1997]. С несколько других позиций, но в рамках того же деятельностного подхода, рассматривает государственность А.Б. Венгеров. Он отмечает, что примерно с XVII века «отчетливо формулируются некоторые специфические для России вопросы. ...они, эти вопросы и попытки их решения, составляют содержание особенностей российской государственности» [Венгеров, 1997, с. 21]. Таким образом, здесь внимание концентрируется на способах решения государством исторически сложившихся в развитии общества проблем.

Индикаторы государственности

Становится очевидным, что, комплексный междисциплинарный характер явления государственности детерминирует множественность его определений, теоретико-методологических воззрений, концепций, подходов и терминологии. В этой связи большое значение приобретает определение структурных базовых единиц методологического

конструкта научного исследования государственности, позволяющие провести историко-правовое описание ее модели. Для этого необходимо рассмотреть индикаторы измерения государственности. В их числе:

– во-первых, единство государственности и общества, поскольку государственность как явление формируется изначально на территории, населенной конкретной этнической общностью. В связи с этим государственность на начальном этапе неразрывно связана с общественной жизнью, интересами отдельных индивидов и социальных групп;

– во-вторых, в силу двойственной природы и многомерного динамического развития государственности, она выступает в качестве формы накопления и консолидации человеческих знаний, умений, опыта, традиций и т. д., развиваемых от поколения к поколению путем социально-экономической, религиозно-духовной консолидации, регулятивно-правовой типизации, характеризующихся сохранностью своего геополитического объема и уровня в ходе эволюции. Значение соответствующих элементов состоит в том, что они дают толчок к формированию общенационального единства, утверждению этнокультурной идентичности;

– в-третьих, государственности как явлению присущ идентификационный потенциал, который состоит в определении отдельного народа в качестве носителя конкретной цивилизации;

– в-четвертых, государственность как динамичное явление характеризуется тем, что находящиеся в её составе формы, средства, институты постоянно видоизменяются и могут быть диаметрально различными у разных этнических общностей. Это во многом обуславливается культурными традициями народа, его ментальностью.

Государственность является открытой системой, и на нее оказывают детерминирующее влияние множество различных факторов внутренней и внешней среды.

К внутренним факторам, оказывающим детерминирующее влияние на государственность, в доктрине принято относить размеры территории, демографические и этноконфессиональные, социально-экономические характеристики, время существования государственности, наличие внутренних межнациональных конфликтов, политическую организацию общества и характер политического режима.

Внешними являются факторы, показывающие уровень экономической, военной и политической зависимости либо независимости от других стран, наднациональных структур и глобальных проблем современности. Внешние факторы для каждого отдельно взятого государства выступают по крайней мере на двух уровнях. Первый объединяет факторы, которые можно обозначить как факторы планетарного характера, глобально действующие относительно всех государств. Второй объединяет обстоятельства, складывающиеся для каждого отдельного государства на основе его внешних индивидуальных связей и отношений с другими государствами и их союзами [Бачило, 1993, с. 21].

Представляется интересным сущностный анализ внешних факторов, оказывающих детерминирующее влияние на государственность. Значение природного фактора объясняется тем, что переход к оседлому земледелию был вызван объективными причинами – крупной катастрофой глобального масштаба. Это привело к вымиранию большинства крупных животных, составляющих основное средство пропитания древних охотников. В данном контексте А. Тойнби указывает, что возникающие на пути человеческой цивилизации «вызовы» можно было решить только посредством усложнения социальной структуры общества – формированием «защитного кокона», который бы уменьшил его зависимость от «жестокого мира», но никак не изменением системы труда [Исаев, 2019].

Экономический фактор: появление государственности в исторической перспективе совпало с так называемой неолитической революцией. В науке долгое время превалировала марксистская идея того, что именно на данном этапе происходит классовое расслоение общества, вызванное возникновением прибавочного продукта, что в итоге привело к возникновению государства.

Антропологический фактор государственности: постепенное развитие человека в интеллектуальном, социальном и культурном плане привело к неизбежному формированию институтов государственной власти как совершенной формы жизнеобеспечения социальных групп и народностей.

Социальные факторы в становлении государственности, являющейся сущностью процесса развития социальных отношений внутри общности древних племен и народов, обусловлены разложением форм, которые были принесены до того, как объединение существовало, и началом формирования раннеклассовых государств.

Этнические факторы связаны с тем, что та или иная этническая общность на определенном этапе развития приходит к осознанию себя в качестве единого целого, формирует свою идею, язык, культуру, традиции и как итог государственность.

Важно понимать, что все рассматриваемые факторы действуют одновременно и в совокупности, поскольку государственность представляет собой сложное, многогранное явление.

Заключение

Таким образом, исследование многогранного явления государственности должно базироваться на идее методологического синтеза цивилизационного и формационного подходов. Творческое сочетание универсализма, характерного для формационного подхода, и цивилизационного индивидуализма в канве общего принципа историзма, с использованием методов историко-сравнительного и сравнительно-правового анализа рассматривается нами в качестве рационального методологического конструкта исследования феномена государственности.

Опираясь на данный методологический конструкт, можно заключить, что государственность – это многомерная, естественно-историческая институция (лат. *institutio* – для юриспруденции в значении «то, что регламентирует образ жизни и способ существования людей», «категория образа жизни»), возникающая в жизни общества, в реальных условиях пространства и времени, в процессе складывания общенационального единства, утверждения этнокультурной идентичности, системы правления и властвования, развиваемых от поколения к поколению, путем социально-экономической, религиозно-духовной консолидации, регулятивно-правовой типизации, характеризующихся сохранностью своего геополитического объема и уровня в ходе эволюции. Существенная определенность государственности народа, в силу которой она раскрывается как явление, задается повторяющейся взаимосвязью ее форм и типов на этапах исторического процесса, детерминирующей преемственность и обновление политико-властной, территориальной, экономической организаций.

Список литературы

- Авакьян С.А. 1997. Практика российской государственности. *Вестник Московского университета. Социология и политологи*, 1: 118–129.
- Андреева Ю.А., Скоробогатский В.В. 2015. Проблема российской государственности в свете эволюционно-синергетического подхода. *Вопросы управления*, 6(18): 27–40.
- Андриевская Ж.В. 2020. Методологический конструкт: к постановке проблемы. *Миссия конфессий*, 3(44): 366–368.
- Бахмутская Б.М. 1994. О цивилизационных подходах к изучению истории государства и права (Московские историко-правовые чтения). *Вестник Московского университета. Право*, 3: 79–83.
- Бачило И.Л. 1993. Факторы, влияющие на государственность. *Государство и право*, 7: 21–30.
- Белканов Е.А. 2013. К вопросу о понятии «государственность». *Российский юридический журнал*, 3(90): 97–99.
- Бурдые П. 1994. Начала. *Choses dites*. Перевод с французского М., Socio-Logos, 156 с.
- Величко В.М. 2001. Философия русской государственности. СПб., Издательство Юридического института. 336 с.

- Венгеров А.Б. 1997. Будущее российской государственности. *Вестник Московского университета. Социология и политология*, 1: 18–25.
- Воронин А.В. 2002. История российской государственности. М., 336 с.
- Затонский В.А. 2007. Государство и личность в системе государственности (к вопросу о содержании базовых категорий теории государства и права). *Государство и право*, 10: 5–12.
- Исаев М.А. 2019. История государства и права зарубежных стран в 2 т. Т. 1. Введение в историю права. Древний мир. М., Юрайт, 423 с.
- Краснов Ю.К. 2002. Российская государственность: генезис и эволюция институтов власти, проблемы модернизации: Дис. ... д. ю. н.: 12.00.01. М., 316 с.
- Корнев А.В. 2023. Принцип историзма и его методологическое значение. *История государства и права*, 8: 47–55.
- Морозова Л.А. 2019. Теория государства и права. М., НОРМА, 510 с.
- Норт Д. 2010. Понимание процесса экономических перемен. М., ГУ-ВШЭ, 253 с.
- Овчинникова С.П. 2001. Российская правовая государственность: евразийский проект Н.Н. Алексеева: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 26 с.
- Пирумова Ю.А. 2012. Терминологический анализ государственности как политологической категории. *Модернизация. Инновации. Развитие*, 3(1(9)): 107–110.
- Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., Прогресс, 431 с.
- Пьянков И.В. 2002. К вопросу о формационном и цивилизационном подходах. *Метаморфозы истории*, 2: 7–20.
- Сафронов Н.А. 2023. Государственность: проблемы дефинирования. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 3 (9 (75)): 563–568.
- Сафронова Е.В., Карсканова С.В. 2014. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения. *История государства и права*, 22: 42–48.
- Тихомиров Л.А. 2010. Монархическая государственность. М., РОССПЭН, 752 с.
- Федосеев М.А. Государство и государственность: Соотношение понятий. *Вопросы российской юстиции*, 14: 67–73.
- Чиркин В.Е. 2019. Формационный, цивилизационный и социокультурный подходы к классификации глобальных правовых систем, правовых семей и индивидуальных правовых систем государств в современном мире. *Государство и право*, 5: 150–154. DOI: 10.31857/S013207690004888-8
- Шабуров А.С. 2012. Государство и государственность: вопросы соотношения. *Известия Иркутской государственной экономической академии*, 3(83): 126–130.
- Шапсугов Д.Ю. 2012. Государство и право народов Кавказа как историко-политический факт и научная проблема. Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития: Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 283 с.
- Эбзеев Б.С. 2013. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., Проспект, 336 с.

References

- Avak'yan S.A. 1997. Praktika rossijskoj gosudarstvennosti [The Practice of Russian Statehood]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sociologiya i politologiya*, 1: 118–129.
- Andreeva Yu.A., Skorobogatsky V.V. 2015. The problem of the russian statehood in the light of the evolution-synergetic approach. *Voprosy upravleniya*, 6(18): 27–40. (In Russian)
- Andrievskaya Z.V. 2020. Metodologicheskij konstrukt: k postanovke problem [Methodological Construct: to the Problem Statement]. *Mission confessions*, 9-3(44): 366–368.
- Bahmutskaya B.M. 1994. O civilizacionnyh podhodah k izucheniyu istorii gosudarstva i prava (Moskovskie istoriko-pravovye chteniya) [On Civilizational Approaches to the Study of the History of State and Law (Moscow Historical and Legal Readings)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Pravo*, 3: 79–83.
- Bachilo I.L. 1993. Faktory, vliyayushchie na gosudarstvennost' [Factors Affecting Statehood]. *Gosudarstvo i pravo*, 7: 21–30.
- Belkanov E.A. 2013. K voprosu o ponyatii «gosudarstvennost'» [On the Question of the Concept of Statehood]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal*, (90): 97–99. (In Russian)
- Burd'e P. 1994. Nachala. Choses dites. Translated from the french. М., Socio-Logos, 156 p. (In Russian).

- Velichko V.M. 2001. *Filosofiya russkoj gosudarstvennosti* [The Philosophy of Russian Statehood]. SPb., Publ. YUridicheskogo instituta. 336 p.
- Vengerov A.B. 1997. *Budushchee rossijskoj gosudarstvennosti* [The Future of Russian Statehood]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sociologiya i politologiya*, 1: 18–25.
- Voronin A.V. 2002. *Istoriya rossijskoj gosudarstvennosti* [The History of Russian Statehood]. M., 336 p.
- Zatonskij V.A. 2007. *Gosudarstvo i lichnost' v sisteme gosudarstvennosti (k voprosu o sodержanii bazovyh kategorij teorii gosudarstva i prava)* [The State and the Individual in the System of Statehood (On the Issue of the Content of the Basic Categories of the Theory of State and Law)]. *Gosudarstvo i pravo*, 10: 5–12.
- Isaev M.A. 2019. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran*. [The History of the State and Law of Foreign Countries]. Vol. 1. *Vvedenie v istoriyu prava*. [Drevnij mir Introduction to the history of law. The Ancient World]. M., Publ. YUrajt, 423 p.
- Krasnov YU.K. 2002. *Rossijskaya gosudarstvennost': genезis i evolyuciya institutov vlasti, problemy modernizacii*: Dissertation of the Doctor of Law: 12.00.01. M., 316 p. (In Russian)
- Kornev A.V. 2023. *Princip istorizma i ego metodologicheskoe znachenie* [The Principle of Historicism and its Methodological Significance]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 8: 47–55.
- Morozova L.A. 2019. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. M., Publ. NORMA, 510 p.
- Nort D. 2010. *Ponimanie processa ekonomicheskikh peremen* [Understanding the Process of Economic Change]. M., Publ. GU-VSHE, 253 p.
- Ovchinnikova S.P. 2001. *Rossijskaya pravovaya gosudarstvennost': evrazijskij proekt* N.N. Alekseeva [Russian Legal Statehood: N.N. Alekseev's Eurasian Project]: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Scienc. Rostov n/D, 26 p.
- Pirumova YU.A. 2012. *Terminologicheskij analiz gosudarstvennosti kak politologicheskoy kategorii* [Terminological Analysis of Statehood as a Political Science Category]. *Modernizaciya. Innovacii. Razvitie*, 3(1(9)): 107–110.
- Prigozhin I., Stengers I. 1986. *Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy* [Order from Chaos: A New Dialogue Between Man and Nature]. M., Publ. Progress, 431 p.
- P'yankov I.V. 2002. *K voprosu o formacionnom i civilizacionnom podhodah* [On the Issue of Formational and Civilizational Approaches]. *Metamorfozy istorii*, 2: 7–20.
- Safronov N.A. 2023. *Gosudarstvennost': problemy definirovaniya* [Statehood: Problems of Definition]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki*. 3 (9 (75)): 563–568.
- Safronova E.V., Karskanova S.V. "Gosudarstvo" i "gosudarstvennost'": problema terminologicheskogo sootnosheniya i opredeleniya ["State" and "Statehood": The Problem of Terminological Correlation and Definition]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 22: 42–48.
- Tihomirov L.A. 2010. *Monarhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchical Statehood]. M., ROSSPEN, 752 p.
- Fedoseev M.A. 2021. *Gosudarstvo i gosudarstvennost': Sootnoshenie ponyatij* [The State and Statehood: The Correlation of Concepts]. *Voprosy rossijskoj yusticii*, 14: 67–73.
- CHirkin V.E. 2019. *Formacionnyj, civilizacionnyj i sociokul'turnyj podhody k klassifikacii global'nyh pravovyh sistem, pravovyh semej i individual'nyh pravovyh sistem gosudarstv v sovremennom mire* [Formational, Civilizational and Sociocultural Approaches to the Classification of Global Legal Systems, Legal Families and Individual Legal Systems of States in the Modern World]. *Gosudarstvo i pravo*, 5: 150–154. DOI: 10.31857/S013207690004888-8
- SHaburov A.S. 2012. *Gosudarstvo i gosudarstvennost': voprosy sootnosheniya* [The State and Statehood: Issues of Correlation]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii*, 3(83): 126–130.
- SHapsugov D.YU. 2012. *Gosudarstvo i pravo narodov Kavkaza kak istoriko-politicheskij fakt i nauchnaya problema. Gosudarstvo i pravo narodov Kavkaza: problemy stanovleniya i razvitiya* [The State and the Law of the Peoples of the Caucasus as a Historical and Political Fact and a Scientific Problem. The State and the Law of the Peoples of the Caucasus: Problems of Formation and Development]: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov-na-Donu, 283 p. (In Russian)
- Ebzeev B.S. 2013. *Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya* [The Constitution, Power and Freedom in Russia: The Experience of Synthetic Research]. M., Publ. Prospekt, 336 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2023
Поступила после рецензирования 03.12.2023
Принята к публикации 30.01.2024

Received September 03, 2023
Revised December 03, 2023
Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия.

Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Magomedzapir N. Abdullaev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Dagestan State University, Makhachkala, Russia.

Elena V. Safronova, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 340.113

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-63-70

Концепция простого юридического языка – основной вектор развития юридической техники англосаксонских стран

Волков Д.А.

Санкт-Петербургский университет МВД РФ
Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, 1
demonhik2005@yandex.ru

Аннотация. Увеличение законодательного массива в результате развития общества и усложнения общественных отношений выводит на повестку дня вопрос о его оптимизации, основным инструментом которого является юридическая техника. Изучение иностранного опыта с позиций оценки эффективности апробированных в иных условиях установок могло бы существенно обогатить данную сферу. Автором затронуты вопросы становления и развития концепции простого юридического английского языка и ее влияния на законотворческую деятельность стран англосаксонской правовой семьи, исследованию которых в отечественной литературе уделялось крайне мало внимания. Отмечено, что критика юридического языка за его сложность и двусмысленность со стороны научной общественности и публицистов привела в середине прошлого столетия к формированию научного течения, ставившего перед собой целью улучшить юридическую технику за счет разработки приемов и методов изложения текста, упрощающих его восприятие пользователем. Практическая реализация выработанных научной общественностью рекомендаций, сформированных учеными на стыке лингвистики и юриспруденции, привела к положительным результатам. Опубликованные первоначально в качестве рекомендаций пособия по составлению юридических текстов впоследствии преобразились в методические рекомендации и привели в итоге к пересоставлению законодательства ряда стран, а также осознанию необходимости нормативного закрепления выработанных приемов простого юридического английского языка в законе. Сделан вывод: концепция простого юридического языка в настоящее время является научным подходом к совершенствованию юридической техники, получившим свое практическое применение в странах англосаксонской правовой семьи.

Ключевые слова: юридическая техника, юридическая терминология, нормы права, юридико-технические приёмы, простой язык

Для цитирования: Волков Д.А. 2024. Концепция простого юридического языка – основной вектор развития юридической техники англосаксонских стран. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 63–70. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-63-70

The Concept of Simple Legal Language as the Main Vector in the Development of Legal Technology in Anglo-Saxon Countries

Dmitriy A. Volkov

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1 Letchika Pilutova St, Saint-Petersburg 198206, Russia
demonhik2005@yandex.ru

Abstract. Modern development of society leads to the constant complication of social relations, which, in turn, stimulates the legislative processes taking place in the state. The resulting significant increase in the legislative array brings to the agenda the issue of its optimization, the main tool of which is legal technology. Scientific research in this area conducted by Russian scientists, most often, is strictly focused

on the interests of the Russian legislator and accumulates developed traditions and established technical and legal approaches. Meanwhile, studying foreign experience from the standpoint of assessing the effectiveness of installations tested in other conditions could significantly enrich this area. One of the fundamentally new technical and legal approaches to the design of legislation is the concept of simple legal language, formed in the countries of the Anglo-Saxon legal family, the study of which has received very little attention in the Russian literature. The article touches on the formation and development of the concept of simple legal English and its influence on the legislative activity of countries of the Anglo-Saxon legal family. It is noted that criticism of the legal language for its complexity and ambiguity by the scientific community and publicists led in the middle of the last century to the formation of a scientific movement that aimed to improve legal technology by developing techniques and methods for presenting text that simplify its perception by the user. The practical implementation of recommendations developed by the scientific community, formed by scientists at the intersection of linguistics and jurisprudence, has led to positive results. Initially published as recommendations, manuals on the preparation of legal texts were subsequently transformed into methodological recommendations and ultimately led to the re-drafting of the legislation of some countries, as well as to the realization of the need to normatively consolidate the developed techniques of simple legal English in the law. The author concludes that the concept of simple legal language is one of the most popular modern vectors for the development of legal technology used in the countries of the Anglo-Saxon legal family. The conclusion is drawn: the concept of simple legal language is currently a scientific approach to the improvement of legal technology, which has received its practical application in the countries of the Anglo-Saxon legal family.

Keywords: legal technology, legal terminology, rules of law, legal and technical techniques, simple language

For citation: Volkov D.A. 2024. The Concept of Simple Legal Language as the Main Vector in the Development of Legal Technology in Anglo-Saxon Countries. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 63–70 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-63-70

Введение

Стабильность моделей правового регулирования и их способность выполнять свои функции в течение длительного времени после закрепления в законе всегда признавались важными гарантиями успешного существования и развития общества и государства. Указанные свойства законодательства наиболее востребованы именно в периоды экономических и политических потрясений, наблюдаемых в мире в последнее время. Как следствие этого, общественному запросу на формирование устойчивого и понятного законодательства корреспондирует стремление законодателя совершенствовать не только закрепляемые в законе правовые модели, но и технико-юридический инструментарий, с помощью которого воля законодателя доводится до пользователя. Вместе с тем приемы, применяемые российским законодателем для решения таких задач, далеки от совершенства и довольно часто вызывают обоснованную критику.

Основными признаками несовершенства технико-юридических приемов конструирования норм права наиболее часто признавалась нестабильность кодифицированного [Зорькин, 2013; Артебякина, 2012; Желдыбина, 2016] и рассогласованность отраслевого законодательства [Рахманина, 2008; Кудряшова, 2006], а факторами, негативно влияющими на правоприменительную практику, – неоднозначность и противоречивость юридической терминологии [Звенигородская, 2009; Чиркин, 2017; Формакидов, 2022; Никифорова, 2021].

В этой связи выявление оптимальных и эффективных способов решения отмеченных проблем является важным направлением научного поиска, а разработке новых технико-юридических подходов может способствовать изучение иностранного опыта.

Юридическая техника, являясь одной из составляющих правовой культуры, формируется под воздействием множества разнообразных объективных факторов, включая географическое положение, принадлежность государства к одной из основных правовых систем, исторически сложившиеся правовые традиции нормативного регулирования, общественный мента-

литет, религию, участие в международных организациях, доктрину и пр. Даже поверхностное знакомство с законодательством стран англосаксонской правовой семьи позволяет сделать вывод об отличных от применяемых российским законодателем технико-юридических приемов. При этом основные черты англосаксонской юридической техники явились следствием практического воплощения концепции простого юридического языка, верность которой законодатели различных стран англосаксонской правовой семьи проявляют уже несколько десятилетий. Несмотря на это, в отечественной литературе предпосылки формирования и этапы развития данной концепции не получили должного внимания.

Становление концепции простого юридического языка

Концепция простого юридического языка как научная идея обосновала необходимость упрощения существующего юридического английского языка, сложившегося в течение нескольких столетий под влиянием различных исторических факторов (смены господствующего на территории Великобритании языка, завоевания острова норманнами, заимствования латинских, а позднее французских слов и т. п.). Целью этой концепции является выработка особых правил и форм изложения юридических текстов, для максимально эффективного доведения до субъектов права смысла нормативных предписаний и условий договоров. Эта концепция уходит корнями к критике политического и бюрократического языка – довольно распространенному явлению середины XX века.

В 1963 году американский профессор права Д. Меллинкофф назвал общий стиль юридического английского языка неясным, напыщенным и скучным [Mellinkoff, 1963]. Спустя несколько десятилетий Р. Мартино даст юридическому английскому языку еще более негативную окраску и назовет его дряблым, многословным, неясным, непрозрачным, неграмотным, унылым, занудным, избыточным, неорганизованным, серым, плотным, лишенным воображения, безличным, туманным, немощным, нечетким, высокопарным, загадочным, запутанным, деспотичным, тяжеловесным, изворотливым, раздутым, псевдоинтеллектуальным, гиперболическим, вводящим в заблуждение, нецивилизованным, измученным, бескровным, пустым, подавленным, архаичным и нечетким [Martineau, 1991].

Сложность юридического языка критиковалась не только в научной среде, но и писателями-публицистами. Так, А. Зариски, цитировал Д. Оруэлла, который сформулировал пять основных правил простого языка:

1. Никогда не используйте метафоры, сравнения или другие обороты речи, которые вы привыкли видеть в печати.
2. Никогда не используйте длинное слово там, где подойдет короткое.
3. Если можно вырезать слово, всегда вырезайте его.
4. Никогда не используйте пассив там, где можно использовать актив.
5. Никогда не используйте иностранную фразу, научное слово или жаргонное слово, если вы можете придумать повседневный английский эквивалент [Zariski, 2014, p. 93].

Справедливости ради отметим, что примеры нетерпимости английской общественности и аристократии к длинным и запутанным юридическим текстам имели место и ранее, при этом зачастую выражались в довольно курьезных ситуациях.

Так, в литературе описывается случай, произошедший в 1556 году, при котором с целью получения повышенного гонорара иск был увеличен юристом с 16 до 120 страниц. При этом канцлер, рассматривающий дело, недовольный многословием, наказал не автора документа, а его клиента. Причем он не ограничился назначением штрафа и тюремного заключения истца, а обязал проделать дыру в искомом заявлении, надеть его ему на голову и обнаженного с непокрытой головой провести вокруг Вестминстерского аббатства во время судебных заседаний, показав его в таком виде во всех трех судах ¹.

¹ Plain English and the Law. Report. 1987. No. 9. P. 17. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/lawreform/VicLRComm/1987/9.pdf>

В итоге довольно обоснованная и аргументированная критика юридического языка подтолкнула многих ученых к необходимости выработки концепции простого языка (Plain English).

Первым шагом к реформированию официального английского языка явился выпуск в 1948 году английским юристом Э. Гауэрсом руководства по простому письму для английского правительства, использование которого продолжается и в настоящее время. В данной книге автор сформулировал идею о том, что конечная цель речи «как можно точнее передать идею из одного ума в другой». Возможность достижения таковой автор видел в применении особых приемов конструирования текста и сформулировал основные принципы, на которых должен строиться юридический язык.

Э. Гауэрс обосновал необходимость ухода от использования юридического английского, указывая, что документы налагают обязательства и предоставляют права, но ни документы, ни их составители не имеют последнего слова в определении того, в чем именно заключаются эти права и обязанности. Соответственно, обязанность составителя этих авторитетных текстов состоит в том, чтобы попытаться представить все возможные комбинации обстоятельств, к которым могут относиться его слова, и все возможные неверные толкования, которые могут быть в них использованы, и принять соответствующие меры предосторожности [Gowers, 1954].

Переход к простому юридическому языку не являлся безболезненным. У такой концепции имелись как свои сторонники, так и противники. Аргументы последних заключались в основном в недопустимости изменения традиций и отступления от сложившейся в течение многих веков терминологии и приемов конструирования норм права. Однако очевидная рациональность и ясность выработанных в рамках концепции простого языка позиций одержала верх.

Практическая реализация концепции простого юридического языка

Осознание важности применения в законотворческой деятельности эффективных приемов в ряде случаев привела к системному пересмотру действующего законодательства многими странами англосаксонской правовой семьи.

В Великобритании были предприняты меры по пересоставлению с учетом выработанных принципов простого языка налогового законодательства, а в Канаде в 1997 году была создана консультативная группа, состоящая из представителей деловых организаций и профсоюзных организаций для написания простым языком Закона о страховании занятости [Sullivan, 2001, p.104].

Примером, наглядно иллюстрирующим эффективность простого языка, может являться отчет Комиссии по реформированию законодательства штата Виктория (Австралия) опубликованный в 1987 году. При ознакомлении с ним можно увидеть, что комиссией были проанализированы отдельные законоположения различных статутов, выявлены их недостатки и предложены варианты более простого изложения норм права. Составителями отчета были применены все технико-юридические приемы, которые используются в настоящее время во многих странах англосаксонской правовой семьи, включая структурирование гипотезы и диспозиции путем списочного изложения условий, применение обобщающих понятий и аббревиатур, правила работы с терминологией и размещения в тексте дефиниций и пр. Согласно отчету законодательство и другие юридические документы страдают от ряда языковых дефектов: чрезмерной длины предложений, создания и использования ненужных концепций, плохой организации материала и непривлекательной планировки. Отмечалось, что эти недостатки являлись лишь дефектами оформления и делали многие юридические документы гораздо менее понятными для своей аудитории, чем они должны быть. Комиссией отмечалось, что ясность юридических документов будет значительно улучшена, если составители избавятся от этих дефектов и перейдут на простой язык. Данный отчет являлся программным документом, в котором, кроме описа-

ния проблем, были определены их причины и практические способы решения. При этом, судя по технико-юридическому состоянию действующего австралийского законодательства, проблемы и были в дальнейшем решены по большей части предложенными авторами отчета способами.

Наиболее наглядно все идеи, выработанные за десятилетия отработки концепции простого языка и практики ее внедрения, сформулированы в книге американского профессора права Р. Видика «Простой английский для юристов» (Plain English for Lawyers), многократно переиздававшейся. Автор сформулировал несколько основных приемов, приводящих к упрощению юридических текстов, которые постепенно внедрялись в законодательской и иной практической деятельности: исключение лишних слов; использование базовых глаголов вместо номинализации; использование действительного (активного) залога; использование коротких предложений; тщательный подбор используемых слов; исключение косноязычных формулировок; строгое соблюдение пунктуации [Wydick, 2005, p. 139].

Столь последовательные концептуальные подходы привели к своим результатам и формированию в англосаксонских странах традиции изучения юристами правил использования юридической техники, что не могло в итоге не отразиться на всей юридической материи. Более того, были созданы международные организации, занимающиеся продвижением использования простого языка, такие как Clarity International, и в настоящее время существует обширная литература по простому языку, включая различные руководства и методические пособия.

Нормативное закрепление концепции простого юридического языка

Стоит отметить, что концепция простого языка не осталась лишь научной доктриной, она нашла свое нормативное закрепление, и в некоторых странах уже вступили в силу законы, обязывающие использовать простой язык в деятельности государственных органов.

Первыми, кто закрепил концепцию простого языка в качестве обязательной формы общения с гражданами, являлись США, где 13 октября 2010 года был принят Закон о простой письменной форме (The Plain Writing Act of 2010)¹. Указанный закон возлагает на федеральные учреждения обязанность использовать простой письменный язык в процессе повседневной деятельности с целью увеличить доступность информации и оказываемых услуг. Законом предусмотрено, что простой письменный язык должен использоваться при общении с гражданами по вопросам получения льгот и налогообложения, при разъяснении обязательных требований и составлении каких-либо инструкций.

На основе данного закона было разработано Федеральное руководство по упрощению официального языка², в котором содержатся конкретные советы по организации текста (выделение заголовков, условий, исключений), выбору и расстановке слов в предложении, определению объема текста и т.д.

Формально данный закон и руководство не устанавливают требований для законодателя и не обязывают использовать простой язык в процессе нормотворчества, однако само по себе принятие такого закона является неопровержимым свидетельством стремления упорядочить данный вид деятельности и признанием важности научных разработок в области простого языка.

Здесь следует отметить, что, несмотря на столь скрупулезное внимание к концепции простого юридического языка и стремление его внедрить в юридическую практику, законодательство США по-прежнему является одним из самых сложных для восприятия. Данная проблема обусловлена существованием большого числа действующих законов с пере-

¹ The Plain Writing Act of 2010. [Electronic resource]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-111publ274/pdf/PLAW-111publ274.pdf>

² Federal Plain Language Guidelines. [Electronic resource]. URL: <https://www.plainlanguage.gov/>

крестной компетенцией, что, на наш взгляд, является следствием иной проблемы – нежелания американского законодателя воспринимать наметившуюся во многих странах англосаксонской правовой семьи тенденцию к принятию крупных специализированных законов по аналогии со странами континентального права.

В 2022 году Закон о простом языке (Plain Language Act 2022) был принят в Новой Зеландии¹. Его цель – улучшение доступности предназначенных для общественности документов, исходящих от органов власти, путем использования языка, который отвечает принципам соответствующий целевой аудитории и является ясным, кратким и хорошо организованным. Фактически этим законом установлено обязательное использование простого языка во всех документах, доносящих до общества информацию, которая влияет на права и обязанности и находится в сфере регулирования соответствующих агентств государственной службы.

Отметим, что данный закон обязывает не только использовать простой язык в повседневной деятельности, – руководители государственных организаций должны разработать руководства по его применению и обучить своих сотрудников.

В качестве субъектов, на которых ориентирован такой закон, выделены агентства государственной службы (любые организации, наделенные властными полномочиями), а также агенты Короны (организации, имеющие более узкую и специальную, часто техническую, компетенцию).

Таким образом, формально упомянутый закон не распространяется на законодательную деятельность, однако само по себе облачение концепции простого языка в законодательную форму и придание выработанным принципам обязательного характера, пусть и в отношении документов, принимаемых в процессе правоприменительной деятельности, свидетельствует о признании важности принципов простого языка. Именно концепция простого юридического языка является, на наш взгляд, фундаментом законодательства будущего, в котором высока вероятность применения искусственного интеллекта. Использование искусственного интеллекта и алгоритмов машинного обучения для разрешения несложных юридических вопросов и дальнейшая информатизации правосудия, вплоть до замены судьи, обуславливают необходимость разработки законодателем правовых моделей, понятных машине и переводимых в формат, для которого можно было бы использовать методы математического моделирования. Для этого законодательство должно быть кратким, простым и представленным в виде определенного алгоритма с несколькими возможными итоговыми вариантами, зависящими от исходных данных. При таком подходе концепция простого юридического языка, направленная на упрощение и унификацию лексических форм, через которые объективируются нормативно-правовые предписания законодателя, может рассматриваться в качестве инструмента для создания машиночитаемого права.

Заключение

Приемы современной юридической техники, применяемой законодателями стран англосаксонской правовой семьи, во многом базируются на концепции простого юридического языка, целью которой является выработка приемов, позволяющих создавать доступные для восприятия и простые для применения юридические нормы. Зародившаяся в качестве научной идеи, основанной на критике английского юридического языка научной общественностью и рядом публицистов, эта концепция со временем превратилась в основной вектор технико-юридического развития, воплотилась в рекомендациях и методических материалах по составлению юридических текстов, а в США и Новой Зеландии, приобрела и нормативное закрепление.

Таким образом, концепция простого юридического языка представляет собой одно из наиболее успешных практических воплощений научной идеи, плоды которой приносят пользу и ощущаются миллионами людей, ежедневно сталкивающихся с необходимостью применения на практике норм права.

¹ Plain Language Act 2022. URL: http://www.nzlii.org/nz/legis/consol_act/pla2022128/

Список литературы

- Артебякина Н.А. 2012. К вопросу о некоторых нарушениях приемов правотворческой техники в гражданском процессуальном законодательстве (на примере главы 22.1 ГПК РФ). *Арбитражный и гражданский процесс*, 4: 46–47.
- Желдыбина Т.А. 2016. Вопросы законодательной техники в процессе кодификации права. *Российская юстиция*, 4: 6–9.
- Звенигородская Н.Ф. 2009. Проблемы терминологии в механизме защиты семейных прав. *Семейное и жилищное право*, 4: 31–35.
- Зорькин В.Д. 2013. Право в условиях глобальных перемен. М., Норма, 495 с.
- Кудряшова Е.В. 2006. Бюджетная реформа и совершенствование юридической техники бюджетного законодательства. *Государственная власть и местное самоуправление*. 8: 38–40.
- Никифорова Н.Н. 2021. Проблема определения круга объектов жилищных прав в Жилищном кодексе Российской Федерации. *Семейное и жилищное право*, 3: 41–44. DOI: 10.18572/1999-477X-2021-3-41-44.
- Рахманина Т.Н. 2008. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства. *Журнал российского права*, 4: 30–31.
- Формакидов Д.А. 2022. О проблемах юридической техники в правовом регулировании статуса членов семьи нанимателя жилого помещения. *Семейное и жилищное право*, 5: 45–48. DOI: 10.18572/1999-477X-2022-5-45-48.
- Чиркин В.Е. 2017. О точности использования термина «конституционное большинство» (частные заметки). *Конституционное и муниципальное право*, 1: 24–26.
- Gowers E. 1954. *The Complete Plain Words*. London., 209 p.
- Martineau R.J. 1991. *Drafting Legislation and Rules in Plain English*. St. Paul., West Pub. Co., 155 p.
- Mellinkoff D. 1963. *The Language of the Law*. Boston., Little, Brown and Company, 526 p.
- Sullivan R. 2001. The Promise of Plain Language Drafting. *McGill Law Journal*, 47: 97–128.
- Wydict R.C. 2005. *Plain English for Lawyers*. Durham., Carolina Academic Press. 139 p.
- Zariski A.M. 2014. *Legal Literacy An Introduction to Legal Studies*. Athabasca., Athabasca University, 206 p.

References

- Artebyakina N.A. To the issue of certain violations of the law-making techniques in civil procedural legislation (on example of chapter 22.1 of the RF Civil procedure code). *Arbitrazh and Civil Procedure*, 4: 46–47.
- Zheldybina T.A. 2016. Issues of legislative technique in the process of codification of the law. *Russian Justice*, 4: 6–9.
- Zvenigorodskaja N.F. 2009. Problems of terminology in the mechanism of defense of family rights. *Family and Housing Law*, 4: 31–35.
- Zor'kin V.D. 2013. *Pravo v usloviyah global'nyh peremen* [Law in the Context of Global Changes]. M., Publ. Norma, 495 p.
- Kudryashova E.V. 2006. *Byudzhetskaya reforma i sovershenstvovanie yuridicheskoy tekhniki byudzhetnogo zakonodatel'stva* [Budget Reform and Improvement of the Legal Technique of Budget Legislation]. *State Power and Local Self-government*, 8: 38–40.
- Nikiforova N.N. 2021. Issues of the Determination of the Range of Housing Right Objects in the Housing Code of the Russian Federation. *Family and Housing Law*, 3: 41–44.
- Rahmanina T.N. 2008. *Aktual'nye voprosy kodifikacii rossijskogo zakonodatel'stva* [Current Issues of Codification of Russian Legislation]. *Journal of Russian Law*, 4: 30–31.
- Formakidov D.A. 2022. On Legal Writing Problems in Legal Regulation of the Status of Family Members of a Residential Premises Tenant. *Family and Housing Law*, 5: 45–48.
- Chirkin V.E. 2017. On the correct use of the term "constitutional majority" (private notes). *Constitutional and Municipal Law*, 1: 24–26.
- Gowers E. 1954. *The Complete Plain Words*. London., 209 p.
- Martineau R.J. 1991. *Drafting Legislation and Rules in Plain English*. St. Paul., West Pub. Co., 155 p.
- Mellinkoff D. 1963. *The Language of the Law*. Boston., Little, Brown and Company, 526 p.

- Sullivan R. 2001. The Promise of Plain Language Drafting. *McGill Law Journal*, 47: 97–128.
Wydick R.C. 2005. *Plain English for Lawyers*. Durham., Carolina Academic Press. 139 p.
Zariski A.M. 2014. *Legal Literacy An Introduction to Legal Studies*. Athabasca., Athabasca University, 206 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2023

Поступила после рецензирования 03.12.2023

Принята к публикации 30.01.2024

Received September 03, 2023

Revised December 03, 2023

Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волков Дмитрий Александрович, старший преподаватель кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Dmitriy A. Volkov, Lecturer of the Forensics Department, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia.

УДК 340.151

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-71-78

Становление механизма правового регулирования взаимодействия русского государства и православной церкви

Евтушенко В.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
evtushenko@bsu.edu.ru

Аннотация. В числе основополагающих вопросов, которые было необходимо решить в процессе принятия православия Русским государством, – создание механизма правового регулирования взаимодействия Древнерусского государства и Русской православной церкви. Сравнительно малоизученным в историко-правовой науке является процесс адаптации в Древнерусском государстве правового института взаимодействия церкви и государства, сложившегося в Византийской империи. Изучение данного вопроса, как и дальнейшей эволюции взаимоотношений церкви и государства на протяжении всей истории Русского государства – один из важнейших аспектов понимания современного состояния данного правового института. Сравнительный историко-правовой анализ византийских и древнерусских нормативных актов в сфере правового регулирования взаимодействия Православной церкви и государства позволил выявить, что их взаимоотношения в Древнерусском государстве изначально строились на заимствованном у Византийской империи основополагающем принципе «симфонии властей» – гармоничного взаимодействия церкви и государства. В работе показано, что, опираясь на заимствованные нормативные акты, Русское государство постепенно обрело собственную правовую базу в данной сфере; отличительной особенностью русских нормативных актов церковно-гражданского законодательства стал учет русской действительности, обычаев, традиций, норм обычного права, сложившихся на территории Древнерусского государства. Сделан вывод о том, что распад Древнерусского государства в целом не повлиял на проводимую политику «симфонии властей». Полученные результаты дополняют понимание эволюции правового института взаимодействия Русской православной церкви и Русского государства.

Ключевые слова: Византийская империя, Древнерусское государство, симфония светской и духовной властей, православная церковь, церковное право, обычное право, княжеский суд, церковный суд, руга

Для цитирования: Евтушенко В.И. 2024. Становление механизма правового регулирования взаимодействия русского государства и православной церкви. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 71–78. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-71-78

Formation Legal Regulation Mechanism Interactions of the Russian State and the Orthodox Church

Vladimir I. Evtushenko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
evtushenko@bsu.edu.ru

Abstract. Among the fundamental issues that needed to be resolved in the process of adoption of Orthodoxy by the Russian state was the creation of a mechanism for legal regulation of interaction between the Old Russian state and the Russian Orthodox Church. Relatively little studied in historical and legal science is the process of adaptation in the Old Russian state of the legal institution of interaction

between church and state, which developed in the Byzantine Empire. The study of this issue, as well as the further evolution of the relationship between the church and the state throughout the history of the Russian state, is one of the most important aspects of understanding the current state of this legal institution. Carrying out a comparative historical and legal analysis of Byzantine and Old Russian regulations in the field of legal regulation of interaction between the Orthodox Church and the state made it possible to reveal that their relationship in the Old Russian state was initially based on the fundamental principle of the “symphony of powers” borrowed from the Byzantine Empire – harmonious interaction between the church and the state. The work shows that, relying on borrowed regulations, the Russian state gradually acquired its own legal framework in this area. A comparative historical and legal analysis of Byzantine and Old Russian normative acts in the field of legal regulation of the Orthodox Church and the state showed that a distinctive feature of Russian normative acts of church and civil legislation was the consideration of Russian reality, customs, traditions, and customary law norms that developed on the territory of the Old Russian state. It is concluded that the collapse of the Old Russian state, as shown by the examination of the legislation of the individual principalities that formed, did not generally affect the pursued policy of the “symphony of powers.” The obtained results complement the understanding of the evolution of the legal institution of interaction between the Russian Orthodox Church and the Russian state.

Keywords: Byzantine Empire, Old Russian state, symphony of secular and spiritual authorities, Orthodox Church, church law, common law, princely court, church court, ruga

For citation: Evtushenko V.I. 2024. Formation Legal Regulation Mechanism Interactions of the Russian State and the Orthodox Church. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 71–78 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-71-78

Введение

Русское государство, восприняв от Византийской Империи православную веру, было вынуждено с самого начала выстраивать систему взаимоотношения государственных и религиозных структур. На первом этапе – в IX–XI веках – государство ориентировалось на многовековой опыт Римской, а затем и Византийской империи, что благотворно сказывалось на процессе государственного строительства Русского государства [Николин, 1997, с. 21]. В качестве основополагающего принципа взаимодействия церкви и государства Древняя Русь восприняла господствующую в Византии идею их гармоничного сосуществования – симфонию властей, строй церковно-государственных отношений, когда каждая из властей имеет свою сферу влияния и они взаимодействуют между собой, но не пытаются подчинить одна другую [Овчинников, 2019].

Процессу восприятия Древнерусским государством основополагающего принципа взаимодействия церкви и государства Византийской Империи – симфонии властей – в том числе и в правовой сфере, посвящено достаточно научных трудов [Новиков, 2007; Кожаев, 2011; Шершнёва-Цитульская, 2014]. Малоизученным остается вопрос конвергенции византийского церковного права и трансформации принципа симфонии властей в Древнерусском государстве и практически не рассмотрено влияние распада единой державы на взаимоотношения церкви и государственной власти во вновь образованных отдельных русских княжествах. В то же время вопросы влияния Византийской Империи на Древнерусское государство в правовой сфере и правопреемства правовых систем вновь образованных русских государств, в том числе в области церковного права, имеют большое значение с точки зрения понимания правопреемства правовой системы страны и эволюции правового института взаимодействия Русской православной церкви и Русского государства.

Для более полного изучения данного вопроса поставлена цель, путем проведения сравнительного историко-правового анализа византийских и древнерусских нормативных актов в сфере правового регулирования взаимодействия Православной церкви и государства, определить особенности становления механизма правового регулирования взаимодействия Древнерусского государства и Русской православной церкви.

Методы исследования

При проведении исследования использованы общенаучные, частнонаучные и специальные методы. В числе общенаучных: системный, функциональный и системно-структурный методы исследования. Для рассмотрения историко-культурных аспектов данной проблемы использовались частнонаучные методы, такие как культурологический, исторический, социологический и специальные: сравнительно-правовой, формально-юридический.

Общетеоретическую и специальную базу исследования составили труды историков и правоведов как в области истории государства и права, так и в области церковного права (Ерошкин Н.П., Исаев И.А., Кожаяев М.М., Кузахметов Р.К., Овчинников А.И., Назаров А.А., Никитский А.И., Николин А., Новиков О.А., Рожковский В.Б., Шершнёва-Цитильская И.И. и др.).

Византийские источники церковного права

Первоначально – в X–XI веках – механизм правового регулирования взаимодействия Древнерусского государства и православной церкви опирался на Византийские источники государственного и церковного права, регламентирующие, в том числе, разделение сфер государственного регулирования и церковной компетенции, входящие в X–XV веках в правовую систему Русского государства. Это в первую очередь такие, как «Эклога», «Эпанагога», «Прохирон» и, конечно, «Номоканон».

Являясь одним из наиболее проработанных правовых актов, закрепляющих в Византийской Империи правовой режим разделения сфер влияния государственных властей и церковных структур – симфонию властей, «Номоканон» представляет собой по сути кодифицированный сборник норм церковного права и императорских указов, регулирующих взаимодействие государства и церкви¹. В основу одного из важнейших источников древнерусского церковного права – Кормчей книги – был как раз и положен византийской «Номоканон». В состав древнерусских Кормчих книг включались и другие нормативные акты Византийской Империи [Исаев, 2012]. Среди них, например, «Прохирон» и «Эклога»² – кодифицированные законодательные своды, относящиеся к первой половине VIII века и концу IX века соответственно и содержащие как нормы обычного права – семейного, брачного, наследственного права, дарения, купли-продажи, военного права и т. д., так и церковного права и являющиеся правовыми актами, в полной мере устанавливающими режим симфонии властей.

Источники церковного права единого Древнерусского государства

В первом же отечественном нормативном акте, закрепившим положение Русской православной церкви в государстве – «Уставе Святого князя Владимира, крестившего Русскую землю, о церковных судах»³, – напрямую указывается на византийский нормативный акт. В соответствии с п. 4 и 5 данного нормативного документа – «...разверзьше греческий номоканон и обретохом (обретавший) в нем, оже не подобает сих судов и тяжь князю судити, ни боярам его, ни судьям... даль есмь ты суды церквам митрополиту и

¹ Номоканон. 2005. URL: <<http://nomokanon.ru/>> (дата обращения 10 сентября 2023 г.).

² Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. В.М. Ломоносова. 2013. URL: <<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm>> (дата обращения: 11 сентября 2023 года).

³ Устав Святого князя Владимира, крестившего Русскую землю, о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 148–150.

всем пискупиям по Русьски земли» (по наиболее распространённой версии слово «пискуп» – немецкое и означает «епископ»¹). Кроме Номоканона, Устав св. Владимира в статье 11 ссылается на постановления первых христианских царей и семи Вселенских церковных соборов – «...по первых царев уряженью и по вселенских Святых семи зборов...»².

Что касается сферы правового регулирования, то Устав не только установил принцип невмешательства князя и государства в вопросы церкви, но и ввёл в соответствии с византийской практикой разделение компетенций государственной и церковной судебной власти. Более того, статьей 8 устанавливалось, что «...тиунам (княжеским слугам) не судити без владычня наместника», что означало княжеский приказ не рассматривать без участия владыки – представителей высшей церковной иерархии и их представителей – даже те дела, которые входят в компетенцию княжеских судов. В другой сохранившейся редакции Устава данное положение было сформулировано еще более определенно: «...не судити и наших судов... без владычня...»³.

Устав определил перечень дел, подсудных церковному суду, которые, впрочем, на тот момент и так не входили в компетенцию княжеского суда. Кроме того, нормативный акт определил, что наиболее существенно, источники финансирования церкви. В соответствии с п. 3 Устава были установлены отчисления в размере десятой части от доходов княжеского имения и «...по всей земле Русьстеи...» в пользу киевской Десятинной Церкви Пресвятой Богородицы. А статья 15 Устава, закрепляя право надзора для священнослужителей над торговыми мерами и весами, способствовала повышению авторитета церкви и её материальному благосостоянию за счет взимания различного рода торговых пошлин и сборов.

Следующим этапом развития церковного права и создания отдельной области его правового регулирования стал «Устав князя Ярослава о церковных судах»⁴, написанный ориентировочно в конце XI – начале XII веков. Данный нормативный акт в большей степени соответствует сложившейся в Русском государстве системе обычного права. Например, Устав св. Владимира вообще не предусматривал никаких наказаний за совершенные преступления и проступки, очевидно, в связи с несовпадением русской, более мягкой, сложившейся в обычном праве, системы наказаний с более строгой и более жесткой, сформировавшейся в Византийской Империи [Рожковский, 2019]. Устав князя Ярослава в этом отношении, как и первый кодифицированный русский нормативный акт – «Русская правда», рассматривал в основном традиционно русскую систему штрафных денежных наказаний. Отдельные статьи предусматривали религиозно-нравственные наказания: например, епитимью и религиозно-исправительные наказания: арест при церковном доме, т. е. при монастыре, ориентированном для отбывания церковного наказания.

По сути разработанный в рамках Устава князя Ярослава на достаточно высоком правовом уровне церковно-судебный порядок являет собой дальнейшую имплементацию концепции симфонии властей в Русском государстве [Кузахметов, 2019]. В нём достаточно подробно рассматривается разделение сфер ответственности церковных и княжеских судей при рассмотрении разных категорий дел. Устав князя Ярослава предусматривал рассмотрение дел, относящихся к церковной компетенции и не содержащих признаков преступной деятельности, как церковными судьями, так и, при наличии преступной составляющей, княжеским и церковным судьями.

¹ Геденов С.А. Следы варяжского (вендского) начала в праве, языке и язычестве Древней Руси. – Варяги и Русь. 2011. URL: <<https://history.wikireading.ru/hoTSsH1N38>>. (дата обращения 11 сентября 2023).

² Цитата дается по Синодальной редакции.

³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 150.

⁴ Устав князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 168–170.

Таким образом устанавливалась правовая основа разделения областей судебного ведения и ответственности церкви и государства. Данная система основывалась на «...различии понятий греха и преступления» [Николин, 1997, с. 56], на разделении ответственности за вынесение наказания лицам, нарушающим морально-нравственные нормы и церковные заповеди и совершающим антиобщественные и антигосударственные преступления. Завершающими статьями нормативного акта князь Ярослав под страхом «казни по закону», проклятия и отлучения от церкви устанавливал полный и категорический запрет всем, в том числе своим приемникам, на вмешательство в церковное судопроизводство.

Источники церковного права периода Удельной Руси

Распад в XII веке Древнерусского государства на отдельные княжества в целом повлиял на проводимую возникшими суверенными государствами политику разделения сфер влияния церкви и государства. Вновь образовавшиеся княжества отличались по государственному устройству от государств с сильной автократической княжеской властью (наиболее типичный представитель – Владимиро-Суздальское княжество) и испытывающих сильное влияние европейских государств западных княжеств, где монархическая форма правления была ограничена большим влиянием боярского окружения (такая форма правления сложилась в Галицко-Волынском княжестве), и стран с государственным строем, близким к республиканскому (например – Новгородские и Псковские вечевые республики) [Ерошкин, 1960]. В то же время, несмотря на присущие каждому отдельному княжеству особенности государственного устройства, в них в целом сохранился прежний уровень взаимоотношения и разделения сфер влияния между государством и единой православной церковью. Единственное отличие – только в том, что рассматривалось, как правило, отношение не ко всей церкви, а к своему отдельному епископу и соответствующим епархиям.

К числу нормативных актов, устанавливающих подобную симфонию властей, относится, например, Смоленская уставная грамота князя Ростислава Мстиславовича, в соответствии с которой вновь создаваемой в г. Смоленске епископии передавались в собственность необходимые ей для осуществления деятельности земельные участки и устанавливался порядок финансирования церковных институтов в виде выделяемой отдельными административно-финансовыми единицами Смоленского княжества десятины. Кроме того, уставная грамота определила область юрисдикции церковного суда¹.

Достаточно подробно вопрос взаимоотношения государственных и церковных властей регламентировали нормативные акты, принятые в Новгородской республике. Среди них: правовой акт, устанавливающий порядок отчисления денежных средств местной епископии²; нормативные акты, регламентирующие соотношение и основные сферы влияния всех главных ветвей власти в Новгородском государстве – князя, епископа, выборных органов и их представителей³, а также князя, церкви и купеческого сообщества⁴ и т. д.

В данных нормативных актах начинает прослеживаться тенденция увеличения государственного влияния во взаимодействии властных и церковных структур, и в дальнейшем такая тенденция будет только усиливаться [Назаров, 2022]. Так, например, вместо

¹ Уставная и жалованная грамота князя Ростислава Мстиславовича церкви Пресвятой Богородицы и епископу // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 213–217.

² Устав Новгородского князя Святослава Олеговича о церковной десятине 1137 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 224–225.

³ Новгородский устав Великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 250–253.

⁴ Рукописание князя Всеволода // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 262–266.

закрепленного в «Уставе Святого князя Владимира» полномочного права надзора церковных структур за системой мер и весов, которое давало церкви, помимо авторитета и соответствующего рычага влияния, финансовые отчисления в форме взыскиваемых за взвешивания пошлин и налагаемых за выявленные нарушения штрафов, «Новгородский устав Великого князя Всеволода» в статье 15 предусматривал, при сохранении формального контроля церкви над эталонами мер и весов, направление конфискованного у нарушителей данных стандартов имущества на три части: церкви, купеческому сообществу и городским властям.

Можно предположить, что данное положение могло быть результатом компромиссного соглашения между основными властными структурами в Новгородской республике, так как церковная власть и её глава – архиепископ имели в Новгороде очень широкие права, причем как во властных структурах, так и в торгово-коммерческих. Например, архиепископ возглавлял Совет, орган, хотя и имеющий статус совещательного, но который, в числе прочего, готовил вечевые собрания и в состав которого, помимо владыки, входили посадник – главное должностное лицо Новгородской республики, второе должностное лицо – тысяцкий, старосты городских концов (основных районов Новгорода) и т. д. В числе прочих полномочий архиепископа было представление Новгородской республики во внешних сношениях, хранение государственной казны и т. д. Кроме того, в соответствии со статьей 1 Новгородской судной грамоты¹ суду архиепископа Новгорода были подсудны дела не только в отношении служителей церкви, но и все остальные категории судопроизводства, в том числе в отношении бояр, купцов и низших слоёв населения. В соответствии со статьей 36 судной грамоты его юрисдикция распространялась на рассмотрение всех тяжких преступлений (убийство, разбой, грабеж и т. д.), совершенных в Новгородской республике. Такого рода преступления, например, в соответствии с Псковской судной грамотой, относились к компетенции только княжеского суда².

Что касается экономического блока, то для Новгородской республики было характерно объединение купеческих корпораций вокруг патрональных церквей. «Рукописание князя Всеволода» по сути представляет собой устав наиболее известной и авторитетной купеческой корпорации в Новгороде при храме святого Иоанна Предтечи на Опоках, оставшейся в истории под названием «Ивановское сто». В соответствии с данным нормативным актом, который по всей видимости, был типичным для Новгородской республики [Никитский, 1893], церковные организации, помимо контроля над мерами веса, длины и т. д., имели право на получение руги в виде части взыскиваемых за взвешивание и измерение пошлин и поступающих с торговых операций налогов и, соответственно, непосредственно были заинтересованы в успешности экономической деятельности купеческих корпораций.

Заключение

Становление механизма правового регулирования взаимодействия Древнерусского государства и Русской православной церкви изначально строилось на базе заимствованного у Византийской империи основополагающего принципа симфонии властей – гармоничного взаимодействия церкви и государства. Опираясь изначально на нормативные акты Византийской империи, такие как «Эклога», «Эпанагога», «Прохирон» и «Номоканон», Русское государство постепенно обрело собственную правовую базу в данной сфере.

Отличительной особенностью русских нормативных актов церковно-гражданского законодательства стал учет русской действительности, обычаев, традиций, норм обычного

¹ О суде и о закладе на наезщики и на грабежики // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 262–266.

² Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 331–342.

права, сложившихся на территории Древнерусского государства. Например, «Устав князя Ярослава о церковных судах», в отличие от византийских нормативных актов с их строгой и жесткой системой наказаний, предусматривал в основном наказания в виде штрафных санкций.

Проведенный в рамках исследования становления механизма правового регулирования взаимодействия церкви и государства сравнительный историко-правовой анализ византийских и древнерусских нормативных актов в сфере правового регулирования взаимодействия Православной церкви и государства показывает, что распад единого Древнерусского государства на отдельные княжества в целом не повлиял на проводимую возникшими суверенными государствами политику симфонии властей – разделения сфер влияния церкви и государства. В то же время в нормативных актах к концу XV века начинает проследиваться тенденция увеличения государственного влияния во взаимодействии властных и церковных структур.

Список литературы

- Ерошкин Н.П. 1960. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., Учпедгиз, 396 с.
- Исаев И.А. 2012. «Симфония властей»: Взаимодействие власти и авторитета. *История государства и права*, 1: 26–30.
- Кожаев М.М. 2011. Концепция «симфонии» церкви и государства в древнерусском учении о власти. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 1: 39–48.
- Кузахметов Р.К. 2019. Симфония властей – цивилизационная ценность и феномен Русской истории в XIII–XVII веках. *Вестник Оренбургской духовной семинарии*, 2(11): 147–157.
- Назаров А.А. 2022. Религиозная политика Петра Великого: от симфонии властей к абсолютизму. *Вестник РМАТ*, 4: 9–15.
- Никитский А.И. 1893. История экономического быта Великого Новгорода. М., Университетская типография, 307 с.
- Николин А. 1997. Церковь и государство (история правовых отношений). М., Издание Сретенского монастыря, 430 с.
- Новиков О.А. 2007. Развитие концепции «симфонии властей» в древней Руси в XV–XVII вв. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2-1: 167–171.
- Овчинников А.И. 2019. Идея симфонии властей как основа Византийской государственности. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*, 6: 46–51. DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-46-51.
- Рожковский В.Б. 2019. Византийская теория симфонии светской и духовной властей и ее историческое значение. *Философия права*, 4(91): 175–181.
- Шершнёва-Цитульская И.И. 2014. Политико-правовая доктрина «симфонии властей» в истории российских государственно-церковных отношений X–XVI вв. *Studia historica europae orientalis. Исследования по истории восточной Европы*, 7: 86–104.

Refereces

- Eroshkin N.P. 1960. Ocherki istorii gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii. [Essays on the History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, Publ. Uchpedgiz, 396 p.
- Isaev I.A. 2012. «Simfonija vlastej»: Vzaimodejstvie vlasti i avtoriteta [«Symphony of Powers»: Interaction of Power and Authority]. *Istorija gosudarstva i prava*, 1: 26–30.
- Kozhaev M.M. 2011. Konceptcija «simfonii» cerkvi i gosudarstva v drevnerusskom uchenii o vlasti [The Concept of a «Symphony» of Church and State in the Ancient Russian Doctrine of Power]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. gumanitarnye nauki*, 1: 39–48.
- Kuzakhmetov R.K. 2019. Simfonija vlastej – civilizacionnaja cennost' i fenomen Russkoj istorii v XIII–XVII vekah. [Symphony of Authorities – Civilization Value and the Phenomenon of Russian History in XIII–XVII Centuries]. *Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii*, 2(11): 147–157.
- Nazarov A.A. 2022. Religioznaja politika Petra Velikogo: ot simfonii vlastej k absoljutizmu [Religious Policy of Peter the Great: From Symphony of Authorities to Absolutism]. *Vestnik RMAT*, 4: 9–15.

- Nikitskij A.I. 1893. Istorija jekonomicheskogo byta Velikogo Novgoroda [History of Economic Life of Veliky Novgorod]. Moscow, Publ. Universitetskaja tipografija, 307 p.
- Nikolin A. 1997. Cerkov' i gosudarstvo (istorija pravovyh otnoshenij) [Church and State (History of Legal Relations)]. Moscow, Publ. Sretenskogo monastyrja, 430 p.
- Novikov O.A. 2007 Razvitie koncepcii «simfonii vlastej» v drevnej Rusi v XV–XVII vv. [Development of the Concept of «Symphony of Powers» in Ancient Rus' in the XV–XVII Centuries]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 2-1: 167–171.
- Ovchinnikov A.I. 2019. Symphony of powers as the basis of Byzantine statehood. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 6: 46–51. DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-46-51.
- Rozhkovsky V.B. 2019. Byzantine theory of the symphony of secular and spiritual power and its historical significance. *Filosofija prava*, 4 (91): 175–181.
- Shershneva-Citulskaya I.A. 2014. Politiko-pravovaja doktrina «simfonii vlastej» v istorii rossijskih gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij X–XVI vv. [Political and Legal Doctrine of «Symphony of the Authorities» in the History of Russian State and Church Relationships in the 10th–16th Centuries]. *Studia historica europae orientalis. Issledovanija po istorii vostochnoj Evropy*, 7: 86–104.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.09.2023

Поступила после рецензирования 20.10.2023

Принята к публикации 15.11.2023

Received September 17, 2023

Revised October 20, 2023

Accepted November 15, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евтушенко Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры административного права и процесса юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Evtushenko, Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative Law and Process of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 342.413

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-79-89

Московская «конституция»: княжеские духовные грамоты и докончанья как основа политического устройства Руси

Пенская Т.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. За десятилетия изучения устройства и функционирования политической системы Русской земли в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени было создано немало оригинальных теорий относительно политической природы позднесредневековой и раннемодерной русской государственности. Данное исследование продолжает традицию изучения характерных черт политического устройства Русской земли, однако в качестве основы впервые предложено использовать трактовку термина «конституция», которую дал Г. Еллинека. В работе показано, что основы «конституционного» строя Руси находятся в княжеских духовных грамотах и межкняжеских договорах-докончаньях смешанного, частно-правового и публично-правового характера. Сделан вывод о том, что изложенные в них принципы межкняжеских отношений формировали основу русской политической системы в удельный период и после корректировки по итогам междоусобной войны 2-й четверти XV в. – 2-й половины XV в., на протяжении большей части следующего столетия.

Ключевые слова: Средневековье, Раннее Новое время, Русское государство, право, конституционный порядок, политический строй, межкняжеские договоры, духовные грамоты

Для цитирования: Пенская Т.М. 2024. Московская «конституция»: княжеские духовные грамоты и докончанья как основа политического устройства Руси. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 79–89. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-79-89

Moscow "Constitution": Princely Testaments and Agreements as the Basis of the Political Structure of Rus'

Tatyana M. Penskaya

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. Over decades of studying the structure and functioning of the political system of the Russian land in the era of the late Middle Ages and Early Modern Times, many original theories were created regarding the political nature of the late medieval and early modern Russian statehood. This article continues the tradition of studying the characteristic features of the political structure of the Russian land, but for the first time it was proposed to use the interpretation of the term “constitution” given by G. Jellinek as a basis. The work shows that the foundations of the “constitutional” system of Rus' are found in princely spiritual charters and inter-princely agreements of a mixed, private-legal and public-legal nature. It is concluded that the principles of inter-princely relations set out in them formed the basis of the Russian political system in the appanage period and, after adjustment following the results of the internecine war of the 2nd quarter of the 15th century – in the 2nd half of the 15th century, throughout most of the next century.

Keywords: The Middle Ages, Early Modern Times, Russian state, the right, constitutional order, political system, princely contracts, princely testaments

For citation: Penskaya T.M. 2024. Moscow "Constitution": Princely Testaments and Agreements as the Basis of the Political Structure of Rus'. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 79–89 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-79-89

Введение

В 2001 году И.П. Медведев задал неожиданный вопрос: «Была ли в Византии конституция?» [2001]. Неожиданный, так как византийское самодержавие и конституция – понятия несочетаемые, – с одной стороны, самодержавие само по себе отрицает существование каких-либо ограничений своей власти, а с другой стороны, «в Византии, как, впрочем, и в любом другом средневековом государстве, не было конституционных документов или законов в формальном и точном значении этого слова» [Медведев, 2019, с. 29, 30]. Тем не менее ряд историков считали возможным вести речь о своего рода неписаной «конституции» Византии [Beck, 1970; Pieler, 1981 et al.; Kaldellis, 2015].

Почему стала возможной такая постановка вопроса? Здесь необходимо вспомнить об определении конституции, которое дал Г. Еллинек: «Конституция государства обнимает... совокупность правоположений, определяющих высшие органы государства, порядок призвания их к отправлению их функций, их взаимные отношения и компетенцию, а также принципиальное положение индивида по отношению к государственной власти» [Еллинек, 1903, с. 335]. Развивая этот тезис, П. Пиелер считал, что «*определенный порядок, согласно которому формируется и осуществляется воля государства, который возлагает определенные полномочия на определенные органы и, наконец, регулирует положение членов государства в нем и по отношению к нему – такой порядок может быть назван конституцией, даже если он не нашел законодательного выражения или не оформлен в виде соответствующих нормативных актов* (выделено нами. – Т.П.)...» [Pieler, 1981, p. 225].

Из сказанного следует, что конституция – это любой устоявшийся порядок вещей в политической сфере, признаваемый всеми действующими ее субъектами, руководствующимися в своей деятельности ее принципами. При этом такой порядок не обязательно должен быть выражен в некоей хартии – он может существовать и в неписаной форме. Его устойчивость от этого не становится меньшей, ибо в традиционном обществе, в котором религия играет чрезвычайно важную роль, обычай как часть существующего с момента сотворения мира космического порядка, отражающего волю Творца, незыблем, трогать его – богохульство [Суриков, 2018]. В этом его преимущество перед человеческими законами – то, что создано людьми, ими же может быть изменено, волю же высших сил никому из смертных изменить не дано.

Межкняжеские соглашения и духовные грамоты как основа русской «конституции»

Зададимся вопросом: а что будет, если применить византийский «конституционный» казус к русским реалиям? И снова мы оказываемся в двусмысленной ситуации – может ли российское самодержавие сочетаться с «конституцией»? Еще с XVI века с легкой руки иностранных наблюдателей устоялось мнение об абсолютной власти московских государей. Достаточно вспомнить ставшие классическими слова имперского дипломата и мемуариста С. Герберштейна о безграничной власти Василия III: «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково он гнетет жестоким рабством» [Герберштейн, 2008, с. 89]. Печальная судьба его придворного Берсеня Беклемишева [Зимин, 1972, с. 288] как будто подтверждает эту характеристику.

Тем не менее, если мы будем исходить из толкования термина «конституция» Г. Еллинеком и П. Пиелером [Еллинек, 1903; Pieler, 1981], то, отбросив стереотипы, придем к выводу – «конституция» в Московском государстве существовала. Она не была оформлена в виде отдельной «хартии», но отсутствие ее в такой форме не означает, что отдельные положения ее не могли быть зафиксированы в актовых материалах той эпохи. Следовательно, эти отдельные «конституционные статьи» можно выделить и свести в систему правовых норм как первооснову политической системы Русской земли.

Можно ли осуществить реконструкцию этой неписанной русской «конституции»? На наш взгляд – да, но при соблюдении одного условия. Его озвучил Г.-Г. Бек – не стоит смешивать *Kaiseridee* с *Staatsrecht* [Beck, 1970, s. 9], комплекс книжных политических идей и реально действующее публичное право. Поэтому в нашей реконструкции мы будем опираться не на политические сочинения той эпохи, а на актовые материалы – великокняжеские духовные грамоты и дополнявшие их межкняжеские dokonчания.

Благодаря своему содержанию эти акты с конца XVIII века, когда русский просветитель Н.И. Новиков опубликовал некоторые из них [Древняя..., 1788], стали объектом изучения для отечественных ученых. При этом, как отмечал Г.В. Семенченко, «юридический принцип, положенный в основу публикаций большинства изданий актовых источников, во многом предопределил обилие в дореволюционной историографии работ, посвященных историко-юридическому анализу русских завещаний» [Семенченко, 1983, с. 5]. Показательным в этом отношении можно считать очерк Б.Н. Чичерина, посвященный анализу духовных грамот как юридических актов [Чичерин, 1858]. Правда, интерес русских правоведов дореволюционной эпохи к этим актам был несколько иным, чем у историков – их современников. Как отмечал В.А. Кучкин, «они изучали то, что мало интересовало историков: договорные права контрагентов, юридические положения различных групп населения, функционирование судебной власти», что отражало запрос русского общества эпохи «великих реформ» императора Александра II. Но, продолжал далее историк, «с течением времени этот интерес уменьшился, а после революции 1917 года угас совсем, и в советское время историки права к научному анализу междукняжеских договорных грамот уже не возвращались» [Кучкин, 2003, с. 5].

Противоречивым было отношение к духовным грамотам и со стороны исторического сообщества, на что указывал в свое время В.О. Ключевский [Ключевский, 1989, с. 277. Ср.: Владимирский-Буданов, 1900; Дебольский, 1903; Дювернуа, 1869; Сергеевич, 1908; Соловьев, 1988]. Оценка, данная Ключевским содержанию княжеских духовных грамот, довольно двусмысленна, ибо, указывая на сиюминутный характер межкняжеских соглашений и частноправовой характер княжеских духовных грамот, он говорил, что они содержат положения, определявшие облик системы политических отношений и результат их практического действия, то есть имели «долгоиграющий» и публично-правовой характер.

В советской и постсоветской историографии традиция активного использования текстов княжеских грамот, в особенности после того, как в 1950 году вышел подготовленный Л.В. Черепниным сборник духовных грамот великих и удельных князей [Духовные..., 1950], была продолжена [Алексеев, 1991; Алексеев, 1987; Зимин, 1991; Кинев, 2012; Корзинин, 2022; Мавродин, 2009; Черепнин, 1960]. Практически ни одна работа, которая касалась политического развития Руси и России в эпоху Средневековья и раннего Нового времени, не обходилась без опоры на эти важные источники. Особенной популярностью среди исследователей пользовалось завещание Дмитрия Донского, ибо заложенная в него двусмысленность принципов наследования власти стала причиной многолетней усобицы во 2-й пол. 20-х – нач. 50-х гг. XV в. [Фетищев, 2003]. Однако вывод, сделанный Л.В. Черепниным еще в 1948 году, о недостаточном использовании духовных грамот для изучения особенностей политогенеза на Руси [Черепнин, 1948, с. 11]) остается в силе и сегодня. Поэтому имеет смысл вернуться к этому вопросу снова, рассмотрев княжеские

докончания и духовные грамоты как акты, конституирующие политический строй Русской земли на переходном этапе от средневековой «конфедерации» княжеств и земель к централизируемому раннемодерному государству.

Роль, которую сыграли духовные грамоты в формировании русской «конституции», можно объяснить, если увязать ее с архаичностью права на Руси. Она во многом была обусловлена тем, что русская культура не получила, по словам В.М. Живова, «римской прививки» [Живов, 2002, с. 206]. В итоге русское право не было четко разделено на публичное и частное, и предсмертные распоряжения великих и удельных князей касались не только их частной жизни. Поэтому не случайно С.М. Каштанов относил княжеские духовные грамоты к публично-правовым актам, подчеркивая при этом, что они могут считаться грамотами «духовно-законодательного вида с элементами частно-правового распоряжения (выделено нами. – Т.П.)...» [Каштанов, 1988, с. 150].

Вместе с тем духовные грамоты были только одной частью комплекса русских конституционных актов. К другой относились договоры между великими князьями и их «меньшой братьей» – князьями удельными. Они составлялись как необходимое дополнение к духовным грамотам, утверждая порядок взаимоотношений между наследниками в рамках политической системы, о которой Ю.Г. Алексеев писал, что «Русская земля... представляла собой пеструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией (выделено нами. – Т.П.)...» [Алексеев, 1991, с. 60]. Традиция же, обычай, указывал А.Я. Гуревич, «это то, с чем все согласны и добровольно уважают, ибо он не только обязателен, но и правилен, справедлив» [Гуревич, 2007, с. 135]. Ее фиксация в акте имела своей целью не только сохранение памяти о предках [Духовные..., 1950, с. 14], но и сделать обычай нерушимым. «Нормы, зафиксированные в законе, – писал А. Гуревич, – становились неизменными... закон приобретал независимое бытие, отвлечался от породивших его обстоятельств. Самое же существенное было то, что запись права вела к своего рода «отчуждению» его от его творцов, которые впредь уже не могли оказать на него своего воздействия и изменить его (выделено нами. – Т.П.)...» [Гуревич, 2007, с. 152. Ср.: Груша, 2019, с. 148, 149]. Таким образом, обычай, записанный в княжеских грамотах, терял свою изменчивость и становился *ultima ratio* на случай возникновения разного рода правовых коллизий в межкняжеских отношениях.

Русская политическая «старина»:

братское совладение и братство как основа межкняжеских отношений

На какую «старину» ориентировались русские князья? А.В. Назаренко [2009], характеризуя отношения, которые сложились между князьями-Рюриковичами на заре существования Древнерусского государства, с опорой на завещание Ярослава Мудрого и аналогии с обычаем передачи власти у франкских королей-Меровингов, пришел к выводу, что «главнейшей чертой, которая определяла династический строй во многих раннесредневековых государствах Европы, был взгляд на государство как на патримоний – семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников». При наличии нескольких наследников в действие вступал принцип, названный исследователем *corpus fratrum*, «братским совладением», дополненный позднее принципом старейшинства, по которому «старейший» брат выступал «в отца место» и гарантировал своим авторитетом и влиянием устойчивость политической системы [Назаренко, 2009а, с. 45; Назаренко, 2009б, с. 7]. Залогом же выполнения им этих функций являлось наделение его лучшей, наиболее освоенной частью «отчины» [Назаренко, 2009а, с. 73-74]. При этом, указывал Назаренко, раздел государства-патримония на уделы не означал немедленного его распада – политическое единство государства находило свое отражение в единстве правящего рода [Назаренко, 2009а, с. 51].

В рамках этого обычая и действовал Иван Калита, духовная грамота которого является самой ранней из сохранившихся аналогичных актов московских князей. Отправляясь

в Орду, Иван составил духовную грамоту, в которой «приказал» «сыном своим очину свою Москву (выделено нами. – Т.П.)...» [Духовные..., 1950, с. 7, 9]. Использованный князем словооборот не оставляет сомнений в том, что перед нами распоряжение, выдержанное в духе *corpus fratrum*, тем более, что Иван Калита наделяет своих старших сыновей, Семена, Ивана и Андрея, примерно равными уделами. При этом князь подчеркнул, что если татарскими происками будут утрачены некоторые волости, то оставшиеся должны быть снова перераспределены «на то место» [Духовные..., 1950, с. 8, 10]. И еще одно положение: великий князь «приказывал» своему старшему сыну Семену «братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детьми, по Бозе ты им будешь печалник» [Духовные..., 1950, с. 8, 10]. Сравнивая этот «приказ» с наказом Ярослава Мудрого старшему сыну Изяславу [Повесть..., 1999, с. 70], легко заметить, что духовная грамота Ивана Калиты сохраняла традиционный дух, с тем лишь отличием от «Завещания» Ярослава, что была зафиксирована в тексте.

Духовная грамота Ивана Калиты, создавшая внешний «контур» политического пространства Московского княжества, была дополнена крестоцеловальной грамотой его старших сыновей. Церемония крестоцелования состоялась «оу отня гроба», подчеркивая тем самым преемственность власти и придавая ей высшую, сакральную легитимность. Братья, пообещав «быти ны заодин до живота», подробно расписали порядок управления общим владением, в котором особо выделялась роль Семена. Его «младшая братья» обещала «имети» и «чтити» как «брата своего старейшего» «в отцево место». В свою очередь, «брат старейший» обязывался свою «молодшую братью» «имети» (далее в тексте грамоте пробел, текст строки не сохранился, но реконструируется по позднейшим докончаньям) «в братстве» [Духовные..., 1950, с. 11, 20].

Характеризуя «братство», А.И. Филюшкин отмечал, что оно в межкняжеских отношениях означало «особый тип отношений, который в современной терминологии можно истолковать как «добрососедские отношения при уважении суверенитета друг друга (выделено нами. – Т.П.)...» [Филюшкин, 2006, с. 228]. Отметим, что идея княжеского суверенитета являлась краеугольным камнем русской «конституции» удельного периода. В крестоцеловальной грамоте Ивановичей этот принцип был сформулирован так: «Как оны отец наш роздел дал, того ти под нами блюсти, а не обидети» (фраза в грамоте неполная – ее начало отсутствует) [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 11]. Таким образом, братья договаривались о том, что в своих уделах они сохраняют полную автономию и не вмешиваются во внутренние дела друг друга. Подтверждением этого обещания служит ряд других пассажей в договоре, по которым его участники взаимно обязывались, согласно реконструированному по аналогии с позднейшими докончаниями тексту грамоты, «данщиков своих и приставов не всылати», равно как в «братском» «оуделе сел не купити» ни сами князьям, ни их боярам или слугам [Духовные..., 1950, с. 11, 20].

Конечно, духовная грамота Ивана Калиты и докончанья его сыновей не были первыми подобного рода юридическими актами, регламентировавшими межкняжеские отношения и потому считавшимися своего рода «конституционными» актами. «Все новое добро есть, но ветхое всего лучши есть и сильнее» – эта максима из «Пчелы» [Розанов, 1904, с. 34], популярного тогда сборника всякой премудрости, предполагала в нашем случае, что и великий князь, и его дети исходили из устоявшихся образцов, воспроизводя и дух, и букву этих более ранних документов. Другое дело, что перед нами первые сохранившиеся такого рода акты, которые легли в основу последующих княжеских грамот «конституционного» характера. И если обратиться к их текстам, то мы увидим, что принципы, обозначенные в духовной грамоте Калиты и докончанье его сыновей, получили свое продолжение и развитие.

При этом, что примечательно, характерные словообороты, оставлявшие формуляры духовных и докончаний, оставались практически неизменными на протяжении долгого времени, тем самым подчеркивая стабильность установленного прежде порядка. Это каса-

ется прежде всего упомянутого выше важнейшего принципа политического устройства Русской земли, выраженного в словах «в вотчину и в удел... блюсти, а не обидети, и не вступатися» [Духовные..., 1950, с. 369, 416].

Эта повторявшаяся раз за разом формула включала в себя один и тот же принцип, который недвусмысленно характеризовал саму основу межкняжеских отношений. И великий князь, и его «молодая братья» обязывались взаимно не вмешиваться в дела друг друга и соблюдать суверенитет каждого из участников соглашения в своем «домене-отчине». Сила традиции была настолько велика, что и Иван III, и Василий III, которых никто не мог бы назвать правителями, склонными к мягкотелости и излишней тяге к компромиссам, в своих духовных и докончаниях с братьями раз за разом повторяли ее. В том, что дело обстояло именно так, можно убедиться, если сравнить тексты их грамот с договором, заключенным между Дмитрием Ивановичем и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем около 1367 года. И в этом докончаньи речь шла о признании Дмитрия Ивановича Владимиром Андреевичем «братом старейшим» «в отца место», Дмитрий же Иванович обещал держать Владимира «в братстве». И, само собой, оба князя взаимно обязывались не вмешиваться во внутренние дела друг друга («тобе знати свою очина, а мне знати свою очина») [Духовные..., 1950, с. 19].

Также обстоит дело и с духовными грамотами великих князей. Воспитанные в традиционном духе, князья и мыслили соответствующим политическими категориями. И Иван III, и Василий III, и даже Иван IV – все они действовали в рамках традиции, последовательно наделяя своих сыновей уделами, но подчеркивали в своих духовных грамотах особую роль старшего сына. Наказывая своим детям жить «заодин», князья требовали от младших сыновей послушания старшему, который будет им «в отца место», а от старшего – держать младшую братью «в братстве, без обиды» [Духовные..., 1950, с. 33, 36].

«Собирание власти» и судьба «братства»

Особенностью действий русских князей в рассматриваемый период было то, что хотя они и выступали в своих грамотах поборниками «старины» и заповеданных отцами и дедами «конституционных» принципов политического устройства Русской земли, тем не менее, суровая реальность вносила коррективы в их действия. В начале XIV века был запущен процесс «собирания земель», а вместе с ним и процесс «собирания власти» великими князьями. Со временем он неизбежно должен был привести к положению, которое первым озвучил тверской князь Борис Александрович в договоре с великим князем литовским Витовтом – «дядьям моим, и братье моеи, и племени моему, князем, быти в моем послуше. Юз, князь велики Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню (выделено нами. – Т.П.)...» [Духовные..., 1950, с. 67].

Это концентрация власти в руках великого князя противоречила идее *corpus fratrum*. И тверской князь был не одинок в этом – по мнению А.А. Зимина, в том же направлении действовал и Юрий Дмитриевич, дядя Василия II [Зимин, 1991, с. 67]. Василий II, одолевший в долгой борьбе своих двоюродных братьев Юрьевичей и «перебравший людишек» во время этой усобицы, не пошел, однако, по пути дяди. За это он удостоился упреков со стороны и А.А. Зимина, и Ю.Г. Алексеева. Последний, в частности, писал, что Василий, «энергичный борец с удельными князьями... рубил сучья, не трогая корне», поскольку «в своем представлении о сущности великокняжеской власти он не поднимался выше уровня традиционного мышления», согласно которому «Русская земля в его [Василия II] глазах, как и прежде, была совокупностью княжеств» [Алексеев, 1991, с. 61].

Справедливы ли такие упреки? На наш взгляд, нет. Мы полагаем, что отказ Василия от действий в духе Бориса и Юрия был продиктован политическими соображениями – он вышел победителем в усобице именно потому, что выставил себя в роли защитника «старины». Но есть и вторая причина, по которой великий князь выбрал такой путь – традиционализм его мышления, который вовсе не был чем-то необыкновенным. Ориентирован-

ность на «старину» была характерна для средневекового менталитета. Общество той эпохи как социум аграрной «первой волны [Тоффлер, 2004, с. 38], было «холодным» (К. Леви-Стросс), ориентированным на сохранение и воспроизводство «старины», ибо, как отмечал отечественный исследователь С.Д. Домников, «сплетение традиций образует замкнутую систему передачи социально значимого опыта, обеспечивающего полноценную жизнедеятельность целостного социального организма (выделено нами. – Т.П.)...» [Домников, 2002, с. 22]. Так что к русским князьям вполне применим принцип, который великие литовские князья выразили в формуле: «Мы старины не рушаем а новины не уводим» [Lietuvos Metrica, 2007, s. 170]. И когда Ю.Г. Алексеев писал, что перед Иваном III на пути той самой концентрации власти было два варианта действий, «коренная ломка прежних социально-правовых институтов вчерашнего удельного княжества и замена их институтами новыми, сконструированными по воле великого князя и максимально отвечающими конкретным политическим потребностям», и «сохранение сложившихся институтов в модифицированном виде: приспособление их к новым реалиям» [Алексеев, 2001, с. 104], то его отец оказался в подобной же ситуации и, решая эту проблему, сознательно встал на второй путь.

Этот выбор князь наглядно продемонстрировал в своем завещании. Наделяя своих сыновей уделами по старому обычаю, он вместе с тем отказался от традиции уравнительного распределения земель. А.А. Зимин писал, что Василий передал в распоряжение старшего сына шестнадцать самых крупных городов с уездами, а остальные его сыновья получили только двенадцать. При этом, писал А.А. Зимин, «территориальная структура новых уделов резко отличалась от прежней». Новые уделы нарезались из земель, принадлежавших ранее родственникам Василия II, но перешедших в ходе усобицы под управление великого князя и «уезженных» его администраторами (что создавало условия и для перераспределения уделов, и для их ликвидации с возвращением под власть великого князя) [Зимин, 1991]. Иван III пошел еще дальше отца. В своем завещании он устанавливал порядок, по которому выморочные уделы автоматически переходили под управление великокняжеской администрации, образуя часть великокняжеского «домена». Тем самым «младшая братья» лишалась права на долю этого наследства [Духовные..., 1950, с. 362]. Процесс пересмотра «старины» был запущен.

Заключение

Corpus fratrum и связанная с ним система политических отношений явочным порядком уходила в прошлое, а «конституция» Русского государства «редактировалась» в соответствии с новыми реалиями. Основа ее формально оставалась в силе – великие князья боролись не с системой, но с конкретными людьми, – но в ходе этой борьбы они вносили в «конституцию» выхолащивавшие ее сущность изменения. И что с того, что в межкняжеских докончаниях оставалась старая норма «блюсти, и не обидити, ни вступатися», если старший брат имел земель, людей и средств больше, чем любой его меньший брат или даже их коалиция. Собственно говоря, именно это и случилось в 1479–1480 гг., когда братья Ивана III, Борис Волоцкий и Андрей Углицкий, подняли против великого князя мятеж, мотивируя этот шаг тем, что их старший брат нарушал привычный порядок *corpus fratrum* и «уже ни за бояр почел братью свою» [Львовская летопись, 2005, с. 336].

Сложно не согласиться с мнением Ю.Г. Алексеева [1989], который, характеризуя выдвинутые во время княжеской фронды требования младших братьев Ивана III, писал, что их политическая «программа» состояла в том, чтобы сохранить старый порядок, но распространив его на всю территорию формирующегося Русского государства [Алексеев, 1989, с. 33]. Своим мятежом братья Ивана III попытались вернуть старую «конституцию», но потерпели неудачу и тем самым ускорили перемены в русском политическом устройстве. «Отредактированный» в соответствии с изменившимся реалиями вариант московской «конституции» был закреплен в договорах 80-х гг. XV в. Ивана III с его «младшей

братьей». Эти соглашения и духовная грамота самого Ивана III создавали иную политическую реальность – старую по форме, но новую по содержанию. Средневековье медленно уходило в прошлое, на смену ему шло раннее Новое время, в котором прежние политические отношения и институты или отмирали, или изменялись до неузнаваемости.

Список источников

- Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся. 1766. Ч. I. М., Типография Компании Типографической, 446 с.
- Каштанов С.М. 1988. Русская дипломатика : учебное пособие. М., Высшая школа, 231 с.
- Львовская летопись 2005. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. XX. М., Языки славянских культур, 704 с.
- Повесть временных лет. 1999. М., Наука, 668 с.

Список литературы

- Алексеев Ю.Г. 1991. Государь всея Руси. Новосибирск, Наука, 240 с.
- Алексеев Ю.Г. 1987. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы. *Вспомогательные исторические дисциплины*, 18: 93–10.
- Алексеев Ю.Г. 1989. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., Наука, 219 с.
- Алексеев Ю.Г. 2001. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., Дмитрий Буланин, 448 с.
- Владимирский-Буданов М.Ф. 1900. Обзор истории русского права. СПб.-Киев, изд. Н.Я. Оглоблина, 687 с.
- Груша А.И. 2019. Кризис доверия? Появление и утверждение правого документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.). М.-СПб, Центр гуманитарных инициатив, 608 с.
- Гуревич А.Я. 2007. Категории средневековой культуры. В кн.: А.Я. Гуревич Избранные труды. Средневековый мир. СПб., издательство Санкт-Петербургского университета: 17–262.
- Дебольский В.Н. 1903. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. В кн.: Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. VI. СПб., Тип.-я И.Н. Скороходова: 1–57.
- Домников С.Д. 2002. Мать земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., Алетейя, 672 с.
- Дювернуа Н.Л. 1869. Источники права и суд в древней Руси. Опыты по истории русского гражданского права. М., Университетская типография, 417 с.
- Еллинек Г. 1903. Право современного государства. Т. I. Общее учение о государстве. СПб., Изд-во Товарищества «Общественная польза», 532 с.
- Живов В.М. 2002. История русского права как лингвосомиотическая проблема. *Postscriptum*. В кн.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., Языки славянской культуры: 291–305.
- Зимин А.А. 1991. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., Мысль, 286 с.
- Зимин А.А. 1972. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории первой трети XVI в.). М., Мысль, 452 с.
- Кинев С.Л. 2012. Духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича и порядок наследования великого княжения в северо-восточной Руси в XV в. *Вестник Омского государственного университета*, 3(63): 99–102.
- Ключевский В.О. 1989. Специальные курсы. В кн.: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. М., Мысль, 476 с.
- Корзинин А.Л. 2022. Феномен доверия в духовных грамотах московских великих князей в XIV веке. *Управленческое консультирование*, 3: 154–171.
- Кучкин В.А. 2003. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., Древлехранилище, 367 с.
- Мавродин В.В. 2009. Древняя и средневековая Русь. СПб., Наука, 719 с.
- Медведев И.П. 2019. Правовая культура Византийской империи. СПб., Алетейя, 576 с.

- Назаренко А.В. 2009. Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении. В кн.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 47–87.
- Назаренко А.В. 2009. Древнерусское династическое старейшинство по «Ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые. В кн.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 7–28.
- Розанов С.П. 1904. Материалы по истории русских пчел. В кн.: Общество любителей древней письменности. Санкт-Петербург, О-[во] Л[юбителей] Д[ревней] П[исьменности], 128 с.
- Семенченко Г.В. 1983. Духовные грамоты XIV–XV вв. как исторический источник. Дис. канд. ист. наук. М., Ин-т истории СССР, 171 с.
- Сергеевич В.И. 1908. Древности русского права. Т. II. Вече и князь. Советники князя. СПб., Тип.-я М.М. Стасюлевича, 666 с.
- Соловьев С.М. 1988. История России с древнейших времен. Т. 4. В кн.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. М., Мысль: 345–642.
- Суриков И.Е. 2018. Античная Греция: политогенез, политические и правовые институты (opuscula selecta II). М., Издательский Дом ЯСК, 760 с.
- Тоффлер Э. 2004. Третья волна. М., АСТ, 781 с.
- Фетищев С.А. 2003. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М., Древлехранилище, 224 с.
- Филюшкин А.И. 2008. Титулы русских государей. М.-СПб., Альянс-Архео, 254 с.
- Черепнин Л.В. 1960. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., Соцэкгиз, 899 с.
- Черепнин Л.В. 1948. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 472 с.
- Чичерин Б.Н. 1858. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. В кн.: Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., Тип.-я Э. Барфкнехта и К^о: 232–375.
- Beck H.-G. 1970. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. Munchen, Verlag der Bayrischen Akademie der Wissenschaften, 41 s.
- Kaldellis A. 2015. The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. Cambridge-London, Harvard University Press, 308 p.
- Lietuvos Metrica. 2007. Кн. № 6 (1494–1506). Vilnius, LII Leydikla, 516 p.
- Pieler P.E. 1981. Verfassung und rechtsgrundlagen des Byzantinischen states. *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Wien, 4.-9. oktober. Akten I/1. 31/1: 213–231.

References

- Alekseev Yu.G. 1991. Gosudar` vseya Rusi [Sovereign of All Rus']. Novosibirsk, Nauka Publ., 240 p.
- Alekseev Yu.G. 1987. Duxovny`e gramoty` knyazej Moskovskogo doma XIV v. kak istochnik po istorii udel`noj sistemy` [Testaments of the Princes of the Moscow House of the 14th century as a source on the History of the Specific System]. *Vspomogatel`ny`e istoricheskie discipliny`*, 18: 93–10.
- Alekseev Yu.G. 1989. Osvobozhdenie Rusi ot ordy`nskogo iga [Liberation of Rus' from the Horde Yoke]. L., Nauka Publ., 219 p.
- Alekseev Yu.G. 2001. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma [Code of Law of Ivan III. Tradition and Reform]. SPb., Dmitrij Bulanin Publ., 448 p.
- Vladimirskij-Budanov M.F. 1899. Obzor istorii russkogo prava [Review of the History of Russian Law]. SPb.-Kiev, N.Ya. Ogloblin Publ., 687 p.
- Gerbershtejn S. 2008. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. V. I. M., Pamyatniki istoricheskoy my`сли Publ., 776 p.
- Grusha A.I. 2019. Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhdenie pravogo dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konecz XIV – pervaya tret` XVI v.) [Crisis of Confidence? The Emergence and Approval of a Legal Document in the Grand Duchy of Lithuania (End of the 14th – First Third of the 16th Century)] M.-SPb., Centr gumanitarny`x iniciativ Publ., 608 p.
- Gurevich A.Ya, 2007. Kategorii srednevekovoj kul`tury` [Categories of Medieval Culture] In: Gurevich A.Ya, Izbranny`e trudy`. Srednevekovy`j mir [Selected Works. Medieval World]. SPb., Saint-Petersburg University Publ.: 17–262.

- Debol'skij V.N. 1903. Duxovny`e i dogovorny`e gramoty` moskovskix knyazej kak istoriko-geograficheskij istochnik [Testament and Contractual Letters of the Moscow Princes as a Historical and Geographical Source]. In: *Zapiski Otdeleniya russkoj i slavyanskoj arxeologii imperatorskogo Russkogo arxeologicheskogo obshhestva* [Notes of the Department of Russian and Slavic Archeology of the Imperial Russian Archaeological Society]. V. VI. SPb., I.N. Skoroxodov Publ.: 1–57.
- Domnikov S.D. 2002. Mat` zemlya i Czar`-gorod. Rossiya kak tradicionnoe obshhestvo [Mother Earth and Tsar City. Russia as a Traditional Society]. M., Aleteja Publ., 672 p.
- Duxovny`e i dogovorny`e gramoty` velikix i udel`ny`x knyazej XIV–XVI vv. 1950. [Testament and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the XIV–XVI Centuries]. M.-L., AN SSSR Publ., 586 p.
- Dyuvernua N.L. 1869. Istochniki prava i sud v drevnej Rusi. Opy`ty` po istorii russkogo grazhdanskogo prava [Sources of Law and Court in Ancient Rus'. Experiments on the History of Russian Civil Law]. M., Universitetskaya tipografiya Publ., 417 p.
- Ellinek G. 1903. Pravo sovremennogo gosudarstva. T. I. Obshhee uchenie o gosudarstve [Law of the Modern State. T.I. General Doctrine of the State]. SPb., Tovarishhestva Obshhestvennaya pol`za Publ., 532 p.
- Zhivov V.M. 2002. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema. Postscriptum [History of Russian Law as a Linguosemiotic Problem. Postscriptum] In: Zhivov V.M. *Razy`skaniya v oblasti istorii i predy`storii russkoj kul`tury`* [Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. M., Yazy`ki slavyanskoj kul`tury` Publ.: 291–305.
- Zimin A.A. 1991. Vityaz` na rasput`e. Feodal`naya vojna v Rossii XV v. [Knight at the Crossroads. Feudal War in Russia in the 15th Century]. M., My`s'l` Publ., 286 p.
- Zimin A.A. 1972. Rossiya na poroge Novogo vremeni (Ocherki politicheskoy istorii pervoj treti XVI v.) [Russia on the Threshold of the New Age (Essays on the Political History of the First Third of the 16th Century)]. M., My`s'l` Publ., 452 p.
- Kinev S.L. 2012. Duxovnaya gramota velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha i poryadok nasledovaniya velikogo knyazheniya v severo-vostochnoj Rusi v XV v. [Testament of Grand Duke Dmitry Ivanovich and the Order of Succession to the Great Reign in Northeastern Rus' in the 15th Century]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(63): 99–102.
- Klyuchevskij V.O. 1989. Special`ny`e kursy` [Special Courses] In: Klyuchevskij V.O. *Sochineniya v devyati tomax* [Works in Nine Volumes]. V. 6. M., My`s'l` Publ.: 1–476.
- Korzinin A.L. 2022. Fenomen doveriya v duxovny`x gramotax moskovskix velikix knyazej v XIV veke [The Phenomenon of Trust in the Testaments of the Moscow Grand Dukes in the 14th Century]. *Upravlencheskoe konsul`tirovanie*, 3: 154–171
- Kuchkin V.A. 2003. Dogovorny`e gramoty` moskovskix knyazej XIV veka: vneshnepoliticheskie dogovory` [Treaty Letters of the Moscow Princes of the 14th Century: Foreign Policy Treaties]. M., Drevlexranilishhe Publ., 367 p.
- Mavrodin V.V. 2009. Drevnyaya i srednevekovaya Rus` [Ancient and Medieval Rus']. SPb., Nauka Publ., 719 p.
- Medvedev I.P. 2019. Pravovaya kul`tura Vizantijskoj imperii [Legal Culture of the Byzantine Empire]. SPb., Aletejya Publ., 576 p.
- Nazarenko A.V. 2009. Dinasticheskij stroj Ryurikovichej X–XII vekov v sravnitel`no-istoricheskom osveshhenii [The Dynastic System of the Rurikovichs of the 10th – 12th Centuries in Comparative Historical Light] In: Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus` i slavyane (Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy`, 2007 god)* [Ancient Rus' and the Slavs (The Ancient States of Eastern Europe, 2007)]. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ.: 47–87.
- Nazarenko A.V. 2009. Drevnerusskoe dinasticheskoe starejshinstvo po «Ryadu» Yaroslava Mudrogo i ego tipologicheskie paralleli – real`ny`e i mnimy`e [Old Russian Dynastic Eldership According to the “Row” of Yaroslav the Wise and Its Typological Parallels – Real and Imaginary]. In: Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus` i slavyane (Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy`, 2007 god)* [Ancient Rus' and the Slavs (The Ancient States of Eastern Europe, 2007)]. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ.: 7–28.
- Rozanov S.P. 1904. Materialy` po istorii russkix Pchel [Materials on the History of Russian Bees] in *Obshhestvo lyubitelej drevnej pis`mennosti. Pamyatniki drevnej pis`mennosti i iskusstva* [Society of Lovers of Ancient Writing. Monuments of ancient writing and art]. Vy`p. CLIV. M., 128 p.

- Semenchenko G.V. 1983. Duxovny`e gramoty` XIV–XV vv. kak istoricheskij istochnik [Testaments of the XIV–XV Centuries as a Historical Source]. M., Ins-t Istorii AN SSSR, 171 p.
- Sergeevich V.I. 1908. Drevnosti russkogo prava. T. II. Veche i knyaz`. Sovetniki knyazya [Antiquities of Russian Law. V. II. Veche and the Prince. Advisors to the Prince]. SPb., M.M. Stasyulevich Publ., 666 p.
- Solov`ev S.M. 1988. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen [History of Russia from Ancient Times]. In: Solov`ev S.M. Sochineniya [Essays]. M., My`sl` Publ.: 345–642.
- Surikov I.E. 2018. Antichnaja Grecija: politogenez, politicheskie i pravovye instituty (opuscula selecta II) [Ancient Greece: Politogenesis, Political and Legal Institutions (Opuscula Selecta II)]. M., Izdatel'skij Dom JaSK Publ., 760 p.
- Toffler E`. 2004. Tret`ya volna [The Third Wave]. M., AST, 781 p.
- Fetishhev S.A. 2003. Moskovskaya Rus` posle Dmitriya Donskogo: 1389–1395 gg. [Muscovite Rus' After Dmitry Donskoy: 1389–1395]. M., Drevlexranilishhe Publ., 224 p.
- Filyushkin A.I. 2006. Tituly` russkix gosudarej [Titles of Russian Sovereigns]. M.-SPb., Al`yans-Arxeo Publ., 254 p.
- Cherepnin L.V. 1960. Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV–XV v. [Formation of the Russian Centralized State in the XIV–XV Centuries]. M.: Socze`kgiz Publ., 899 p.
- Cherepnin L.V. 1948. Russkie feodal`ny`e arxivы` XIV–XV vekov. [Russian Feudal Archives of the XIV–XV Centuries]. Ch. 1-ya. M.-L., AN SSSR Publ., 472 p.
- Chicherin B.N. 1858. Duxovny`e i dogovorny`e gramoty` velikix i udel`ny`x knyazej [Testaments and Contractual Letters of Great and Appanage Princes]. In: Chicherin B.N. Opy`ty` po istorii russkogo prava [Experiments on the History of Russian Law]. M., Tip.-ya E`. Barfknexta i Ko Publ.: 232–375.
- Beck H.-G. 1970. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. Munchen, Verlag der Baybrischen Akademie der Wissenschaften, 41 p.
- Kaldellis A. 2015. The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. Cambridge-London, Harvard University Press, 308 p..
- Lietuvos Metrica. 2007. Kn. № 6 (1494–1506). Vilnius, LII Leydikla, 516 p.
- Pieler P.E. 1981. Verfassung und rechtsgrundlagen des Byzantinischen states. *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Wien, 4.-9. Oktober. Akten I/1. 31/1: 213–231.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.09.2023

Received September 10, 2023

Поступила после рецензирования 25.10.2023

Revised October 25, 2023

Принята к публикации 15.11.2023

Accepted November 15, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID 0000-0001-6548-0226](https://orcid.org/0000-0001-6548-0226)

 [ORCID 0000-0001-6548-0226](https://orcid.org/0000-0001-6548-0226)

УДК 340.13

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-90-97

Медиация в России: перспективы и альтернативы

¹ Туранин В.Ю. , ² Яковлев Д.В., ³ Посохова Я.В.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

² Суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
Россия, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 3

³ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1
turanin@mail.ru, yakovlev-31@yandex.ru, yana-posohova@mail.ru

Аннотация. В современных реалиях наблюдается тенденция к увеличению судебной нагрузки, что влечет за собой ряд определенных негативных последствий. В свою очередь, предпринятые компетентными субъектами попытки закрепления и популяризации института медиации в России не оправдали ожиданий, в отличие от зарубежных стран, где использование этого инструмента достаточно результативно. В этой связи определение перспектив развития процедур досудебного взаимодействия сторон в отечественном правовом порядке представляет весомый научный интерес. Цель исследования состоит в выявлении причин, препятствующих эффективному функционированию института медиации в России и поиске возможных путей преодоления проблем с учетом опыта зарубежных стран. В сравнительном аспекте приводится краткий анализ применяемого в Великобритании законодательного регламентирования досудебной процедуры. Предложены некоторые иные правовые механизмы, которые позволят стимулировать развитие системы альтернативного разрешения споров в России. Сделан вывод о том, что последовательная законодательная политика, рассматривающая судебную процедуру исключительной формой разрешения конфликтов, приведет к созданию условий, побуждающих граждан использовать альтернативные механизмы разрешения споров.

Ключевые слова: конфликт, медиация, досудебный протокол, альтернативный порядок урегулирования спора, судебное примирение

Для цитирования: Туранин В.Ю., Яковлев Д.В., Посохова Я.В. 2024. Медиация в России: перспективы и альтернативы. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 90–97
DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-90-97

Mediation in Russia: Prospects and Alternatives

¹ Vladislav Y. Turanin , ² Dmitry V. Yakovlev, ³ Yana V. Posokhova

¹ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

² Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra,
3 Chekhova St, Khanty-Mansiysk 628011, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation
turanin@mail.ru, yakovlev-31@yandex.ru, yana-posohova@mail.ru

Abstract. In modern realities, there is a tendency to increase the judicial workload, which entails a number of certain negative consequences. In turn, attempts made by competent entities to consolidate and popularize the institution of mediation in Russia did not meet the expectations, unlike in foreign countries where the use of this tool is quite effective. In this regard, determining the prospects for the development

of procedures for pre-trial interaction between the parties in the domestic legal order is of significant scientific interest. The purpose of the study is to identify the reasons that impede the effective functioning of the institution of mediation in Russia and to find possible ways to overcome problems, taking into account the experience of foreign countries. In a comparative aspect, a brief analysis of the legislative regulation of the pre-trial procedure used in the UK is provided. Some other legal mechanisms are proposed that will stimulate the development of an alternative dispute resolution system in Russia. It is concluded that a consistent legislative policy that considers the judicial procedure as an exclusive form of conflict resolution will lead to the creation of conditions that encourage citizens to use alternative mechanisms for resolving disputes.

Keywords: conflict, mediation, pre-action protocol, alternative dispute resolution procedure, judicial reconciliation

For citation: Turanin V.Yu., Yakovlev D.V. Posokhova Ya.V. 2024. Mediation in Russia: Prospects and Alternatives. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 90–97 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-90-97

Введение

Систематическое увеличение судебной нагрузки является той реальностью, с которой вынуждены мириться суды России. Согласно статистике, опубликованной на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2020 год в суды России поступило в общей сложности 21 804 267 гражданских и административных дел против 14 122 478 дел в 2010 году, что свидетельствует о росте на 54,4 % за последнее десятилетие¹. В течение длительного периода времени одним из способов решения этой проблемы признавалась медиация.

Еще на VII Всероссийском съезде судей в 2008 году отмечалось, что активное развитие досудебного урегулирования споров и примирительных процедур поможет заметно снизить нагрузку на судей, а в ответ получить ощутимое повышение качества их работы². На вступивший в законную силу в январе 2011 года Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» возлагались большие надежды, однако практика его применения оставляет желать лучшего. И если в 2014 году спор с помощью медиации был урегулирован в 1 329 делах³, то в 2020 году этот показатель составил всего 773 дела⁴.

Отсутствие положительной динамики при общем увеличении количества рассматриваемых судами России гражданских дел свидетельствует о том, что принятие упомянутого закона и меры по популяризации медиации не повлияли на сложившуюся в течение десятилетия практику урегулирования конфликтов с использованием традиционной судебной процедуры. В постановлении IX Всероссийского съезда судей России, принятом в 2016 году, необходимость расширения институтов досудебного и внесудебного урегулирования споров

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 30.11.2023).

² Постановление VII Всероссийского съезда судей РФ от 04 декабря 2008 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направления ее развития и совершенствования» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2009. № 1.

³ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160/?ysclid=lr5yn0zpf5144374791 (дата обращения: 30.11.2023).

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 30.11.2023).

по-прежнему звучала в числе основных направлений совершенствования процессуального законодательства¹.

При этом представляется, что слабая перспективность медиации как средства достижения указанных целей уже признана и самим законодателем, поскольку с 2013 года в закон была внесена лишь одна редакционная поправка, обусловленная изменениями Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодексов РФ. Между тем, практика применения медиации при разрешении гражданских споров в ряде других стран свидетельствует о ее эффективности, в связи с чем возникает закономерный вопрос о причинах, по которым медиация не смогла прижиться в российских реалиях и обстоятельствах, при которых она успешно применяется за рубежом.

По нашему мнению, низкая эффективность предложенного механизма мирного урегулирования споров является следствием борьбы за доступность правосудия, а также выбранного способа решения проблемы увеличения нагрузки через расширение судейского корпуса путем создания мировой юстиции.

Исследованием проблемы применения процедуры медиации в разное время занимались такие российские учёные, как, П.Ю. Гурушкин, М.Е. Панкратова, Н.Д. Смирнов, А.Б. Соколов, Т.В. Худойкина и др. При этом актуальность данной тематики в настоящий момент несколько не утрачена. Прежде всего это связано с многочисленными пробелами в правовом регулировании медиации в России.

Целью исследования является выявление причин, препятствующих эффективному функционированию института медиации в России и поиске возможных путей преодоления проблем с учетом опыта зарубежных стран.

В процессе рассмотрения заявленной темы применялись всеобщий диалектический метод, формально-юридический и историко-правовой методы, а также методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, описания.

Медиация в отечественном правопорядке

Целями возрождения института мировых судей всегда признавались обеспечение доступности правосудия, приближение суда к населению, упрощение процедуры рассмотрения несложных дел, создание необходимых условий для реального и свободного использования каждым заинтересованным лицом конституционного права на судебную защиту [Устюжанинов, Сапожников, 2000, с. 12]. В качестве положительного эффекта, который привнес в судебную систему институт мировых судей, надо признать, что гражданам получили простой, быстрый и удобный способ разрешения мелких споров мировым судьей, часто по месту своего жительства. Очевидно, что это не способствовало развитию культуры внесудебного урегулирования споров, а в случае возникновения даже незначительного бытового конфликта поход в мировой суд стал обыденным делом. Мировые судьи взяли на себя значительную часть судебной нагрузки, предоставив судьям районных и городских судов больше возможностей и времени для рассмотрения сложных дел, однако в результате своей деятельности в течение многих лет культивировали у спорящих сторон осознание простоты судебной процедуры и соответствующую правовую культуру. Это обстоятельство, с учетом усложнения общественных отношений и отсутствия альтернативы судебной процедуры, привело к ситуации, при которой любой иной механизм разрешения спора в настоящее время признается обществом сложным и ненужным. Как следствие, значительно возросло количество гражданских дел и загруженность не только мировых судей и судей федеральных судов, но в конечном итоге и службы судебных приставов-исполнителей.

¹ Постановление IX Всероссийского съезда судей от 08 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2017. № 1.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением о том, что всеобъемлющий доступ к правосудию шире открыл двери в суд, но с увеличением количества дел в судах снизилась возможность их разрешения с соблюдением процессуальной формы и сроков [Моторина, 2019, с. 34]. Между тем именно несвоевременность рассмотрения и разрешения гражданского дела всегда признавалась фактором, отрицательно влияющим на эффективность судопроизводства, так как, по существующему мнению, это приводило к обесцениванию защищаемого субъективного права, а иногда и к утрате самой возможности его защиты [Жилин, 2010, с. 117].

Следствием невозможности отработки судебной системой объема поступающих на рассмотрение гражданских дел, нарушения сроков рассмотрения дел, изготовления мотивированных текстов судебных решений и ряда других системных проблем послужил перманентный поиск путей разгрузки судов России, результатами которого стали:

- отмена в 2014 году обязанности по составлению мировыми судьями мотивированных текстов решений;
- введение в 2016 году упрощенного производства;
- изменение в 2018 году порядка рассмотрения заявлений об исправлении описок и частных жалоб, а также иные мероприятия по упрощению судебного процесса.

Вместе с тем указанные меры являются симптоматическими, поскольку не приводят к уменьшению количества дел в судах, а лишь незначительно позволяют снизить фактическую нагрузку на судей и работников аппарата. Представляется, что именно поэтому изначально неплохая идея по введению института медиации в правовую систему России для снижения судебной нагрузки так и не достигла своей цели.

Институт медиации в зарубежных странах

Институты альтернативного урегулирования споров существуют во всех современных юрисдикциях, однако именно в странах англосаксонской правовой системы, в частности в США, медиация получила свое наибольшее развитие и оформилась в качестве самостоятельной процедуры. Началу широкого применения медиации в США предшествовал так называемый судебный взрыв (The Litigation Explosion), сопряженный с существенным увеличением количества дел, рассматриваемых судами США различных уровней.

Как отмечал в 1985 году американский исследователь Р.А. Познер, в период с 1960 по 1983 год количество судебных дел, ежегодно регистрируемых в округах США, возросло с 80 000 до 280 000, то есть на 250 %. Нагрузка судов апелляционной инстанции за этот же период увеличилась еще сильнее – с 3 765 дел до 29 580 дел, что составило прирост в 686 % [Posner, 1985, р. 62]. Надо отметить, что приведенная ситуация наблюдалась и во многих других странах, среди которых Великобритания, Канада, Австралия, Дания, Новая Зеландия и Израиль [Galanter, 1986, р. 7].

На фоне этого профессором Гарвардской школы права Фрэнком Э.А. Сандером была выработана концепция «суда с множеством дверей» (Multi-Door Courthouse), сутью которой явилось создание на базе судов центров, в которых принимались бы меры к урегулированию гражданских споров с использованием различных альтернативных процедур [Ray, 1985, р. 9]. Эта концепция явилась результатом произошедших естественных процессов и отвечала требованиям общества, нуждающегося в ином подходе для урегулирования существующих конфликтов. В американской литературе того времени факторами, способствовавшими развитию медиации, признавались: длительность рассмотрения дел в рамках традиционной судебной процедуры, усложнение общественных отношений и неготовность судов к рассмотрению новых споров, потребность замены традиционных механизмов урегулирования конфликтов, а также возможность в рамках медиации комплексного разрешения спора [Ray, 1985, р. 12]. Именно поэтому популярность медиации чаще всего объяснялась обеспечением более простого и здравого, а также менее дорогого и менее затратного по времени способа разрешения конфликтов [Johnston, 2007, р. 179].

Таким образом, основными причинами, способствовавшими становлению медиации в качестве способа разрешения споров, явились сложность, а также дороговизна и длительность традиционной судебной процедуры, то есть именно те критерии, которыми судебная процедура России не обладает. Как следствие, до тех пор, пока судопроизводство в России будет быстрым, доступным и дешевым, условий для развития как медиации, так и иных форм внесудебного урегулирования конфликтов, основанных на поиске приемлемого для обеих сторон спора решения, в нашей стране не будет.

Перспективы развития процедур досудебного взаимодействия сторон в России с учетом опыта зарубежных стран

Авторам видится целесообразным такое реформирование процессуального законодательства, при котором конфликтующие стороны по отдельным категориям споров до обращения в суд были бы обязаны в силу закона контактировать между собой с целью урегулирования спора, а не создавать условия для его перевода в разряд судебных. Это будет являться тем побудительным фактором, который со временем может привести к развитию в нашей стране культуры внесудебного урегулирования гражданско-правовых конфликтов и востребованности медиаторов и судебных посредников.

На наш взгляд, основными правовыми инструментами, которые могли бы поспособствовать данным процессам, являются обязательные досудебные процедуры, в рамках которых на стороны возлагается обязанность по извещению друг друга не только о существовании притензий, но и о вариантах мирного урегулирования спора. Такой формат досудебного урегулирования реализован в Великобритании, где были разработаны и в настоящее время применяются 16 досудебных протоколов (Pre-Action Protocols), содержащих пошаговую регламентацию действий спорящих сторон. По замыслу авторов такой модели, досудебная процедура прежде всего должна предполагать совершение обеими сторонами спора юридически значимых действий, сопряженных с направлением потенциальным истцом претензии с указанием желаемого варианта урегулирования спора, а потенциальным ответчиком – ответа на нее с изложением устраивающего варианта урегулирования спора. Эти обязанности возложены на стороны во всех 16 досудебных протоколах, однако часто соответствующие положения сформулированы с учетом специфики правоотношений, в которых состоят стороны конфликта. Например, в случае возникновения спора в отношении публикации в средствах массовой информации досудебным протоколом предусматривается указание в претензии подробных причин несогласия с публикацией со стороны заявителя в зависимости от характера публикации, а также обоснование финансовых потерь и социального ущерба¹.

Центральное место в досудебных протоколах отведено процедуре обмена состязательными бумагами и доказательствами, при этом закреплена обязанность раскрыть всю информацию путем приложения к письменным обращениям документов, на которые ссылается каждая из сторон и которые впоследствии будут предоставлены в суде. В отдельных случаях, если для установления каких-либо фактических обстоятельств требуются специальные познания (например, в случаях причинения вреда жизни, здоровью или имуществу), досудебные протоколы указывают на возможность обратиться к компетентным экспертам².

На завершающем этапе предусматривается обязанность сторон провести переговоры с участием своих представителей, а также обязанность обсудить варианты альтернативного разрешения спора, причем указанные действия должны быть впоследствии документально подтверждены судом. Игнорирование такой стадии или уклонение от мирного урегулирования спора может в дальнейшем отразиться на распределении судебных расходов и отказе во

¹ Pre-action Protocol for Media and Communications Claims (p. 3.4). URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/protocol/prot_def (дата обращения: 05.12.2023).

² Pre-Action Protocol for Personal Injury Claims (d. 7). URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/protocol/prot_pic#3 (дата обращения: 05.12.2023).

взыскании таковых даже в пользу выигравшей стороны, если суд придет к выводу о том, что она вела себя недобросовестно и не принимала меры для урегулирования спора.

Аналогичные правовые последствия в настоящее время нашли свое воплощение в пункте 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

Особо стоит отметить, что для всех действий сторон установлены сроки, которые в зависимости от характера спора могут достигать 6 месяцев (например, если спор вытекает из причинения вреда здоровью в результате страхового случая, произошедшего за пределами Англии или Уэльса)¹. Очевидно, что, общаясь в таком формате, стороны до обращения в суд успевают «остыть», увидеть сильные и слабые стороны своей позиции и позиции оппонента, оценить шансы и перспективы судебного разбирательства, что, безусловно, способствует выработке приемлемого варианта разрешения спора без перехода к длительной и затратной судебной процедуре. Именно на этой стадии особенно востребована роль медиации и иных альтернативных способов разрешения споров.

Что касается России, то аналогов вышеприведенных процедур в настоящее время не имеется. В ряде действующих законов содержится упоминание о необходимости досудебного обращения истца к ответчику, однако в большинстве случаев об этом указывается без какой-либо четкой регламентации. В лучшем случае законом устанавливается срок для выполнения требований, по истечении которого истец вправе обратиться в суд.

Прообраз досудебных процедур можно встретить, пожалуй, лишь в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей», возлагающем на потенциального ответчика обязанность провести проверку качества товара и инициировать проведение экспертизы в случае спора о причинах возникновения недостатков товара. Опять же, эти процедуры не являются обязательными, однако поведение потребителя, создающего препятствия для реализации оппонентом своего права на проведение проверки качества или проведение экспертизы, равно как и уклонение от досудебного информирования о наличии претензий, может привести к освобождению последних от штрафных санкций, предусмотренных соответствующим законом².

Более четкая регламентация взаимодействия на досудебной стадии предусмотрена Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» с учетом порядка, установленного Федеральным законом «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Однако здесь для внесудебного разрешения споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями законодателем использована модель отраслевого регулирования, уже показавшая свою эффективность.

Между тем очевидно, что, если до обращения в суд стороны будут вынуждены не только извещать друг друга о своих требованиях и возражениях, но и проводить досудебные конференции с составлением письменных документов, как это предполагают досудебные протоколы Великобритании, вероятность выработки приемлемого для сторон решения значительно возрастет. Соответственно, необходимо реформирование российского процессуального законодательства, результатом которого будет являться новый концептуальный подход, при котором конфликтующие стороны по отдельным категориям споров до обращения в суд будут обязаны в силу закона контактировать между собой с целью

¹ Pre-Action Protocol for Personal Injury Claims (p. 6.4). URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/protocol/prot_pic#3 (дата обращения: 06.12.2023).

² Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите прав потребителей, связанным с реализацией товаров и услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 октября 2018 г.) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309239/?ysclid=lr60aabrzg792129555 (дата обращения: 07.12.2023); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (п. 33) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388236/?ysclid=lr60blb71d686894999 (дата обращения: 07.12.2023).

урегулирования спора, а не создавать условия для его перевода в разряд судебных. Это будет являться тем побудительным фактором, который со временем может привести к развитию в России культуры внесудебного урегулирования гражданско-правовых конфликтов и востребованности медиаторов и судебных посредников.

Заключение

В настоящее время вполне очевидна устойчивая тенденция к увеличению нагрузки на мировых и федеральных судей, что, безусловно, влечет за собой череду негативных последствий. Для преодоления этой ситуации в нашей стране был, в частности, введен институт медиации, который используется при рассмотрении некоторых категорий дел. При этом следует отметить, что попытки его закрепления и популяризации в России в основном не оправдали высоких ожиданий, в отличие от зарубежных стран, где использование этого инструмента достаточно результативно. Причин того, что медиация в российском судопроизводстве не заняла изначально планируемых позиций много: начиная от слабой информированности граждан о соответствующих возможностях, заканчивая неготовностью самой судебной системы к таким радикальным изменениям. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что последовательная законодательная политика, рассматривающая судебную процедуру исключительной формой разрешения конфликтов, приведет к созданию условий, побуждающих граждан использовать альтернативные механизмы разрешения споров. При этом остальные меры, в том числе направленные на упрощение судебной процедуры, а также увеличение численности судей и аппарата судов, будут иметь лишь временный положительный эффект, никак не влияя на желаемый процесс формирования у граждан России культуры примирения как основного способа разрешения гражданско-правовых споров. Перспективы рассмотрения затронутой тематики связаны с детальным аналитическим разбором опыта зарубежных стран, дружественных современной России, с тем, чтобы сформировать векторы развития института медиации, перенять существующий опыт и определиться с позицией относительно его эффективности и необходимости в современном отечественном судопроизводстве.

Список литературы

- Жилин Г.А. 2010. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., Проспект, 576 с.
- Моторина И.С. 2019. Судебная медиация как способ обеспечения доступа к правосудию будущего и повышения справедливости при регулировании споров. *Российская юстиция*, 11: 31–35.
- Терехин В.А. 2020. Мировая юстиция в современной России: от идеи возрождения до конституционного статуса. *Российская юстиция*, 7: 2–5.
- Устюжанинов В.А., Сапожников С.А. 2000. Компетенция мирового судьи по рассмотрению гражданских дел. *Российская юстиция*, 12: 11–12.
- Филатова М.А. 2019. Сроки судебного разбирательства: от императива закона к активному судье? *Вестник гражданского процесса*, 5: 42–60. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-5-42-60
- Фоков А.П. 2018. Мировой судья в России и за рубежом: проблемы и перспективы развития. *Мировой судья*, 1: 8–12.
- Galanter M. 1986. The Day After the Litigation Explosion. *The Maryland Law Review*, 3: 3–39.
- Johnston M.D. 2007. The Litigation Explosion, Proposed Reforms, and their Consequences. *Brigham Young University Journal of Public Law*, 3: 179–207.
- Miller A.R. 2003. The Pretrial Rush to Judgment: Are the «Litigation Explosion», «Liability Crisis» and Efficiency Cliches Eroding Our Day in Court and Jury Trial Commitments? *New York University Law Review*, 3: 982–1134.
- Posner R.A. 1985. *The Federal Courts: Crisis and Reform*. Cambridge, Harvard University Press, 384 p.
- Ray L. 1985. The Multi-Door Courthouse Idea: Building the Courthouse of the Future... Today. *Journal on Dispute Resolution*, 1.1: 6–54.

References

- Zhilin G.A. 2010. Pravosudie po grazhdanskim delam: aktual'ny'e voprosy` [Justice in Civil Cases: Current Issues]. Moscow, Publ. Prospekt, 576 p.

- Motorina I.S. 2019. Sudebnaya mediaciya kak sposob obespecheniya dostupa k pravosudiyu budushhego i povыsheniya spravedlivosti pri regulirovanii sporov [Judicial Mediation as a Way to Ensure Access to Future Justice and Increase Fairness in Dispute Resolution]. *Rossiyskaya yusticiya*, 11: 31–35.
- Terekhin V.A. 2020. Mirovaya yusticiya v sovremennoj Rossii: ot idei vozrozhdeniya do konstitucionnogo statusa [Magistrate's Justice in Modern Russia: From the Idea of Revival to Constitutional Status]. *Rossiyskaya yusticiya*, 7: 2–5.
- Ustyuzhaninov V.A., Sapozhnikov S.A. 2000. Kompetenciya mirovogo sud'i po rassmotreniyu grazhdanskix del [Competence of a Magistrate Judge to Consider Civil Cases]. *Rossiyskaya yusticiya*, 12: 11–12.
- Filatova M.A. 2019. Sroki sudebnogo razbiratel'stva: ot imperativa zakona k aktivnomu sud'e? [Time Limits for Trial: From the Imperative of Law to the Active Judge?]. *Vestnik grazhdanskogo processa*, 5: 42–60.
- Fokov A.P. 2018. Justice of the Peace in Russia and Abroad: Issues and Development Prospects. *Mirovoj sud'ya*, 1: 8–12.
- Galanter M. 1986. The Day After the Litigation Explosion. *The Maryland Law Review*, 3: 3–39.
- Johnston M.D. 2007. The Litigation Explosin, Proposed Reforms, and their Consequences. *Brigham Young University Journal of Public Law*, 3: 179–207.
- Miller A.R. 2003. The Pretrial Rush to Judgment: Are the «Litigation Explosion», «Liability Crisis» and Efficiency Cliches Eroding Our Day in Court and Jury Trial Commitments? *New York University Law Review*, 3: 982–1134.
- Posner R.A. 1985. The Federal Courts: Crisis and Reform. Cambridge, Harvard University Press, 384 p.
- Ray L. 1985. The Multi-Door Courthouse Idea: Building the Courthouse of the Future... Today. *Journal on Dispute Resolution*, 1.1: 6–54.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2023

Received September 03, 2023

Поступила после рецензирования 03.12.2023

Revised December 03, 2023

Принята к публикации 30.01.2024

Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Туранин Владислав Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID 0000-0001-7766-8648](https://orcid.org/0000-0001-7766-8648)

Vladislav Y. Turanin, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID 0000-0001-7766-8648](https://orcid.org/0000-0001-7766-8648)

Яковлев Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, судья Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, г. Ханты-Мансийск, Россия.

Dmitry V. Yakovlev, candidate of legal sciences, judge of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra, Khanty-Mansiysk, Russia.

Посохова Яна Витальевна, консультант юридической клиники, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Yana V. Posokhova, consultant at the legal clinic, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.76

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-98-106

Допустимость ограничения конституционных прав и свобод в условиях кризисных ситуаций: понятие и основания

^{1,2} Фомин А.А., ² Захарихина А.А.

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5;

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32, лит. А.

fominpenza@mail.ru; flower-555@inbox.ru

Аннотация. Обострение геополитических конфликтов в международно-правовом пространстве и деструктивные процессы внутри страны актуализируют дискуссию о концептуальной допустимости, пределах и основаниях ограничения конституционных прав и свобод граждан в условиях кризисных ситуаций. Несмотря на многочисленность публикаций по проблематике ограничения конституционных прав и свобод, практически отсутствуют исследования пределов использования органами государственной власти правоограничительных средств в условиях кризисных ситуаций. Целью исследования является определение понятия и оснований для допустимости ограничений конституционных прав личности в условиях кризиса. В работе использовались этимологический и телеологический подходы, методы системного анализа и формальной логики. В результате выделены фактические (объективные и субъективные) и юридические (правовые – условные и безусловные) основания допустимости конституционных ограничения прав и свобод в условиях кризисных ситуаций. Полученные результаты вносят вклад в дальнейшее развитие теории ограничения прав и свобод человека и гражданина в государственно-правовой практике.

Ключевые слова: ограничения конституционных прав и свобод, особые правовые режимы, кризисные ситуации

Для цитирования: Фомин А.А., Захарихина А.А. 2024. Допустимость ограничения конституционных прав и свобод в условиях кризисных ситуаций: понятие и основания. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(1): 98–106. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-98-106

Admissibility of Restrictions on Constitutional Rights and Freedoms in Crisis Situations: Concept and Grounds

^{1,2} Aleksey A. Fomin ² Anastasia A. Zakharikhina

¹ North-Western Branch of the Russian State University of Justice,
5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg 197046, Russia

² Saint-Petersburg State University of Economics,
30-32, lit. A. nab. Griboyedov Canal, St. Petersburg 191023, Russia

fominpenza@mail.ru; flower-555@inbox.ru

Abstract. The aggravation of geopolitical conflicts in the international legal space and destructive processes within the country actualize the discussion about the conceptual permissibility, limits and grounds for restricting constitutional rights and freedoms of citizens in crisis situations. Despite the

numerous publications on the problems of restricting constitutional rights and freedoms, there is practically no research on the limits of the use of law-limiting means by public authorities in crisis situations. The purpose of the study is to define the concept and grounds for the permissibility of restrictions on the constitutional rights of an individual in a crisis. The etymological and teleological approaches, methods of system analysis and formal logic were used in the work. As a result, the factual (objective and subjective) and legal (legal – conditional and unconditional) grounds for the admissibility of constitutional restrictions on rights and freedoms in crisis situations are highlighted. The former are divided into objective and subjective. Objective – characteristics of the crisis situation itself (its dynamics, causes, harmful consequences for the state and society), suggesting separate algorithms for the behavior of public authorities and their officials. Subjective – actions of subjects of public law in a crisis. The legal grounds are reduced to the guarantee of rights and freedoms and can be conditional (include those rights and freedoms that may be limited in the event of a crisis situation) and unconditional (not subject to restriction under any circumstances due to the direct instructions of the Constitution of the Russian Federation). The obtained results contribute to the further development of the theory of restriction of human and civil rights and freedoms in state legal practice.

Keywords: restrictions on constitutional rights and freedoms, special legal regimes, crisis situations

For citation: Fomin A.A., Zakharikhina A.A. 2024. Admissibility of Restrictions on Constitutional Rights and Freedoms in Crisis Situations: Concept and Grounds. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 98–106 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-98-106

Введение

Актуальность исследования конституционно-правовой природы ограничений прав и свобод в системе средств государственного воздействия объясняется, во-первых, неослабевающими процессами дестабилизации общественно-политической жизни в современном мире, нарастающей волной экстремизма, терроризма и национализма; во-вторых, необходимостью разрешения возникающих социальных конфликтов и иных чрезвычайных ситуаций в рамках «правового поля»; в-третьих, отсутствием как в науке, так и в юридической практике однозначной позиции в отношении пределов допустимости использования правоограничительных мер, точных критериев для дифференциации того, что входит в предмет конституционно-правового регулирования, а что находится вне пределов «допустимости» и должно трактоваться как злоупотребление властными полномочиями.

От понимания содержания категории «допустимость ограничения конституционных прав и свобод» зависит и обоснование возможности и целесообразности применения правоограничительных средств в условиях кризисных ситуаций.

Мы полагаем, что существует широкий спектр причин, по которым государство не может обеспечить полноценную и беспрепятственную реализацию прав личности в условиях отдельных кризисных (чаще всего, чрезвычайных) ситуаций, либо когда осуществление человеком и гражданином принадлежащих ему конституционных прав, пользование признаваемыми за индивидом свободами не может иметь место в желаемом объеме ввиду возникновения при этом угрозы интересам государства, общества, его элементам (индивидам и их коллективам) и самой этой личности – обладателю прав и свобод. Очевидно, что в конкретном историческом контексте эти причины могут быть самыми различными, в том числе связанными с недостатками в самой системе государственного управления обществом.

В то же время, независимо от причин неспособности государства в полной мере обеспечить реализацию прав и свобод человека и гражданина, такого рода неспособность становится объективным фактором, препятствующим осуществлению личностью принадлежащих ей прав и пользованию предоставленными ей объективным (в том числе, «естественным») правом свобод. Очевидно, что объективное право «допускает» ограничение

конституционных прав личности в кризисной ситуации как «неизбежное зло» в условиях, когда приходится выбирать между «плохим сценарием» (временное ограничение отдельных прав) и «очень плохим» (усугубление кризиса, которое сделает осуществление прав и пользование свободами в будущем невозможным). Иными словами, мы сталкиваемся с категорией допустимости ограничения конституционных прав и свобод личности в условиях кризисных ситуаций – категорией, от определения которой зависит правомерность действия государственной власти по ограничению прав и свобод.

Методология

Определение категории допустимости ограничения конституционных прав и свобод личности в условиях кризисных ситуаций, по нашему мнению, возможно посредством целого комплекса методологических приемов, основными из которых полагаем этимологический подход, телеологический (целевой) способ познания, формально-логические приемы и метод системного анализа данной правовой категории и основных ее характеристик.

Этимологически допустимость означает возможность¹ (в том числе, объективную возможность²), законность³, позволительность⁴, разрешенность⁵, дозволенность⁶, то есть в обыденном понимании это ситуация, когда то или иное негативное действие или явление может быть допущено в настоящем для того, чтобы избежать чего-либо значительно более неблагоприятного в будущем. Однако данные определения не в полной мере отражают управленческую сущность исследуемого понятия. «Допустимость» (feasibility), согласно определению этого термина в экономической и математической справочной литературе, означает, что при решении задачи (а государственная власть, вводя ограничения прав и свобод, как раз и стремится выполнить стоящую перед ней управленческую задачу – преодолеть кризис) следует рассматривать лишь те значения искомых переменных, которые соответствуют самим условиям задачи и обозначенным в ней ограничениям⁷. Поэтому и используется категория «степень допустимости»⁸, то есть, понятие количественное, что, вообще говоря, не свойственно праву, обычно понимающему допустимость именно с точки зрения качества (доказательство может быть либо допустимым, либо недопустимым, но не «допустимым на 57 %»). В рассматриваемой же нами области юридической науки от степени допустимости напрямую зависит степень ограничения прав и свобод.

Телеологический подход подразумевает, что цели введения ограничений конституционных прав и свобод указаны, в Конституции Российской Федерации. При обращении к тексту российской Конституции, мы видим, что прямо цели ограничения прав и свобод человека и гражданина с кризисной ситуацией никак не увязаны: ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предполагает ограничение прав и свобод человека и гражданина, во-первых, лишь в некоторой необходимой мере (степени), но не полностью, и, во-вторых, в целях защиты а) основ конституционного строя, б) нравственности, в) здоровья, г) прав и законных интересов других лиц, д) обеспечения 1) обороны страны и 2) безопасности государства. Тем не менее противоречия здесь нет, поскольку именно в отношении основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства и возникают угрозы, вызванные кризисной ситуацией.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 2022. Толковый словарь русского языка. М. : Наука. С. 43.

² Философский энциклопедический словарь. 2022. М., Наука. С. 47.

³ Энциклопедический словарь. 2018. М., Наука. С. 98.

⁴ Даль В.И. 2021. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М. : Просвещение. С. 102.

⁵ Ушаков Д.Н. 2020. Толковый словарь. М. : Академия. С. 49.

⁶ Ефремова Т.Ф. 2020. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Наука. С. 187.

⁷ Лапузина Е.Н., Лобода А.И., Романов Ю.А., Романова Е.А. 2022. Учебный математический словарь. М. : Просвещение. С. 56.

⁸ Суменко Л.Г. 2022. Англо-русский словарь по информационным технологиям. М. : ГП ЦНИИС. С. 17.

В этой связи интересно, что конституционным законодательством антикризисные цели введения особых (специальных) правовых режимов формулируются более узко. Например, ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹ указывает, что чрезвычайное положение применяется исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации, то есть речи о защите нравственности и здоровья граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства не идет. В ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»² указывается нам только одна цель: создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации; такая же цель продублирована и в ч. 1 ст. 5 Закона. В ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³ предусмотрены цели введения правового режима контртеррористической операции, к которым закон относит пресечение и раскрытие террористического акта, минимизацию его последствий и защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Противоречия между целями ограничения прав, указанными в Конституции, и целями введения особых правовых режимов, определенными специальным законодательством, не усматривается, поскольку права и свободы человека и гражданина могут ограничиваться далеко не только в условиях кризисной ситуации и в рамках соответствующих специальных (особых) правовых режимов.

Определение категории «допустимость ограничения конституционных прав и свобод личности в условиях кризисных ситуаций»

Полагаем, что при конструировании дефиниции, пригодной в дальнейшем применении, мы должны определить то, как соотносится ограничение прав с решением задачи по преодолению кризисной ситуации и минимизации ее последствий. Если такого рода соотношение позитивно, то право должно «позволить» государству временно ограничить отдельные права и свободы.

В связи с указанным обстоятельством допустимостью ограничения конституционных прав личности в условиях кризисных ситуаций мы предлагаем считать дозволяемое (разрешаемое, допускаемое) правом соотношение исходящих от государственной власти и выраженных в правовых актах действий (решений), направленных на временное ограничение прав и свобод человека и гражданина вследствие кризисной ситуации в целях предотвращения большего, сравнительно с принятыми ограничениями, нарушения его прав и свобод в будущем, минимизации вызванного последствиями кризисной ситуации вреда, с одной стороны, и возможного ущерба вследствие непринятия ограничительных мер для личности, общества и государства, с другой стороны.

Данное определение наиболее полно отражает юридическую сущность допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина. Кратко (хотя и не полностью верно и правильно) мы можем обозначить допустимость как разрешенное правом соотношение между текущим реальным (ограничение прав и свобод) и будущим потенциальным (любые негативные последствия кризисной ситуации для личности, общества и государства) вредом.

Представляется, что такого рода соотношение должно быть менее единицы, то есть вред предотвращенный, безусловно, должен быть значительно больше вреда причиненного.

¹ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 29.05.2023) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

² Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. от 29.05.2023) // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

³ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

Однако сложность здесь заключается в двух моментах: во-первых, как причиненный, так и предотвращенный вред сложно измерить – выразить в количественных показателях – и, следовательно, сложно объективно сравнить (сравнение качественных показателей всегда оценочно и субъективно) и, во-вторых, установление объема предотвращенного вреда всегда затруднено, поскольку последствия глобальных кризисных ситуаций трудно оценить даже как потенциальные. Иными словами, предложенная формула относительно точно действует в условиях кратковременной кризисной ситуации локального характера, вроде террористических действий в небольшом населенном пункте или эпидемии на территории муниципального образования, тогда как по мере «разрастания» кризисной ситуации степень ее точности значительно снижается. Но другой формулы у нас пока нет.

Основания допустимости ограничения прав и свобод личности

Установление допустимости ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина зависит от конкретных юридических и фактических обстоятельств. По нашему мнению, у допустимости ограничения прав и свобод личности должны быть фактические и юридические (правовые) основания.

Фактическое основание допустимости ограничения прав и свобод личности выражается в непосредственной связи такого рода ограничений как с самой кризисной ситуацией, так и с действиями (решениями) органов государственной власти и должностных лиц [Попов, 2006, с. 59]. Таким образом, мы наблюдаем множественность фактических оснований допустимости ограничения прав, которые нельзя свести в единый перечень (список), однако вполне можно и нужно охарактеризовать основные из них.

Мы предлагаем выделять субъективные и объективные фактические основания допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина. К *субъективным фактическим основаниям* мы относим действия самой власти, направленные на преодоление (снятие) кризиса, минимизацию его вредных последствий и выражающиеся, помимо прочего, в ограничении прав и свобод; конечные и траекторные (промежуточные) цели государственной власти, ее планы и программы («расчеты»), иные элементы государственной стратегии выхода из кризиса и т.п. Среди основных *объективных фактических оснований* мы видим саму кризисную ситуацию, точнее, ее содержательные характеристики (предполагаемую пространственную и временную протяженность, вероятность реализации угроз, виды причиняемого ущерба, долгосрочность преодоления вредных последствий и проч.), объективную неспособность власти обеспечить прежний уровень реализации прав личности и пользование ею свободами (очевидная недостаточность ресурсов для этих целей, отрицательная динамика притока ресурсов и обеспечения реализации прав, неблагоприятные прогнозы в этой сфере) и другие.

Правовое основание допустимости ограничения прав и свобод личности мы видим единым; оно выражается в гарантированности прав и свобод государством с помощью правовых и иных (но все-таки выраженных с помощью правовых способов и средств, например, зафиксированных в нормативном правовом акте) механизмов.

Разумеется, сама по себе гарантированность прав и свобод личности государством значительно шире по объему, чем просто ее свойство быть правовым основанием допустимости ограничения прав и свобод личности; это отдельная государственно-правовая категория. Вместе с тем при рассмотрении допустимости ограничения прав и свобод личности ее правовое основание может заключаться только в гарантированности этих прав в целом, когда ограничение прав и свобод будет оправданным, временным, происходить лишь в минимально необходимых для преодоления кризисной ситуации пределах, совершаться в установленном законом процессуальном порядке и немедленно прекращаться, как только в этом отпадает необходимость для целей борьбы с кризисом и его последствиями [Максуров, 2022, с. 148]. Как справедливо пишет Н.Г. Жаворонкова, «рассматривая "право чрезвычайных ситуаций" как право "экстремальное"... приостанавливающее

или даже отменяющее обычные институты права, мы, как в зеркале, можем увидеть ту ничтожную грань, отделяющую право от бесправия, закон от беззакония» [Жаворонкова, 2007, с. 195].

Мы полагаем, что гарантированность прав и свобод человека и гражданина может быть условной и безусловной.

Безусловная гарантированность существует в отношении тех прав и свобод, которые не могут быть ограничены при любой кризисной ситуации.

В частности, ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации предусматривает, что не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 Конституции Российской Федерации. Среди них можно назвать право на жизнь (статья 20), охрану достоинства личности, запрет пыток, насилия, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, принудительного участия в медицинских, научных или иных опытах (ст. 21), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23) и другие фундаментальные права и свободы личности, большей частью в основе своей имеющие естественные права человека.

Необходимо отметить, что буквальным толкованием российской Конституции можно прийти к выводу, что такого рода права не могут быть ограничены только в условиях чрезвычайного положения, которое прямо упоминается в ч. 1 ст. 56 Конституции РФ [Максуров, 2023, с. 79]. Усматривается ограничение этих «не ограничиваемых ни при каких условиях» прав при иных особых (специальных) правовых режимах, например, при режиме военного положения [Громов, 2008, с. 274]. Так, например, в п. 9, п. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении» предусмотрено запрещение или ограничение проведения собраний, а также иных массовых мероприятий, а подпунктом 5 того же пункта той же статьи – приостановление деятельности религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации.

На первый взгляд, эта норма не коррелируется со ст. 28 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Вместе с тем противоречия здесь нет: сама свобода совести и вероисповедания, право исповедовать ту или иную религию или не исповедовать никакой не ограничиваются как таковые, ограничиваются собрания (как форма распространения религиозных и иных убеждений) и деятельность религиозных организаций – иных субъектов права. Проведением дальнейшего анализа специальных (особых) правовых режимов (например, режима контртеррористической операции, вводимого в соответствии с положениями Федерального закона «О противодействии терроризму») мы установили, что нормы федеральных законов на права и свободы, не подлежащие ограничению в условиях кризиса, не посягают и их не умаляют.

В результате системного толкования мы можем утверждать, что положение ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации о запрете на ограничение прямо поименованных в ней прав и свобод человека и гражданина абсолютно независимо от указания в ч. 1 ст. 56 Конституции РФ именно на чрезвычайное положение как особый (специальный) правовой режим, в период действия которого не могут быть ограничены упомянутые в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ права и свободы.

Разумеется, указанную (ч. 1 ст. 56 Конституции РФ) норму нельзя признать совершенной с точки зрения требований юридической техники. Универсальность данного положения требует ее изменения в виде дополнения. В то же время российская Конституция не оперирует термином «кризисная ситуация» (в отличие, кстати, от конституционных актов некоторых других государств), родовым для чрезвычайных и иных ситуаций, дей-

ствуется в паре понятий «право (свобода)» – «правовой режим», в связи с чем мы полагаем возможным дополнение ч. 1 и 2 ст. 56 Конституции РФ лишь указанием на иные правовые режимы, а также на дополнительный акт – федеральный закон, предусматривающий обстоятельства и порядок введения особого правового режима контртеррористической операции, а именно, предлагаем изложить ч. 1 и 2 ст. 56 Конституции Российской Федерации в следующей редакции:

«1. В условиях чрезвычайного или военного положения, режима контртеррористической операции для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом и федеральным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

2. Чрезвычайное или военное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях, а также режим контртеррористической операции могут вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленных федеральным конституционным законом и федеральным законом».

Полагаем, что именно такой подход будет соответствовать логике построения юридических конструкций, о чем уже указывалось в науке [Максуров, 2013, с. 299]. Все остальные права и свободы человека и гражданина, помимо указанных в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, в кризисной ситуации могут быть ограничены посредством федерального конституционного закона или федерального закона, однако при наличии определенных условий и в прямо установленном законом порядке [Фомин, 2002]. Такую гарантированность мы называем *условной*, так как ее объем, а также качественные характеристики не абсолютны сами по себе, а зависят от различных факторов, таких как конкретная кризисная ситуация и соответствующий особый (специальный) правовой режим, решения уполномоченного на введение специального правового режима лица о применении тех или иных предусмотренных законом ограничительных мер из всего «арсенала» таких мер, характерного для конкретной кризисной ситуации, и других факторов.

Заключение

В результате применения в комплексе метода системного анализа, формально-логических приемов толкования норм Конституции РФ и федерального законодательства, этимологического и телеологического подходов можно определить допустимость ограничения конституционных прав личности в условиях кризисных ситуаций как дозволяемое (разрешаемое, допускаемое) правом соотношение исходящих от государственной власти и выраженных в правовых актах действий (решений), направленных на временное ограничение прав и свобод человека и гражданина вследствие кризисной ситуации в целях предотвращения большего, сравнительно с принятыми ограничениями, нарушения его прав и свобод в будущем, минимизации вызванного последствиями кризисной ситуации вреда, с одной стороны, и возможного ущерба вследствие непринятия ограничительных мер для личности, общества и государства, с другой стороны.

Установить допустимость возможно с помощью исследования ее фактических и правовых оснований. Фактические основания могут быть субъективными (действия самой власти) и объективными (содержательные характеристики кризисной ситуации). Правовое основание на практике выражается в гарантированности прав и свобод государством с помощью правовых и иных механизмов.

Гарантированность прав и свобод государством может быть безусловной (права и свободы, которые не могут быть ограничены при любой кризисной ситуации) и условной (права и свободы, которые могут быть ограничены в силу закона).

Нами предложено дополнение ч. 1 и 2 ст. 56 Конституции РФ с указанием на иные правовые режимы, а также на дополнительный акт – федеральный закон, предусматривающий обстоятельства и порядок введения особого правового режима контртеррористической операции.

Список литературы

- Громов М.А. 2008. О понятии «чрезвычайные правовые режимы», их виды и характеризующие признаки. *«Черные дыры» в российском законодательстве*, 2: 274–275.
- Жаворонкова Н.Г. 2007. Роль права в обеспечении безопасности при чрезвычайных ситуациях. *«Черные дыры» в российском законодательстве*, 3: 194–196.
- Максуров А.А. 2013. Техника построения юридических конструкций (на примере координационной юридической практики). *Юридическая техника*, 7: 299–308.
- Максуров А.А. 2022. Координация действий субъектов права в условиях кризиса. М., ИНФРА-М, 260 с.
- Максуров А.А. 2023. Проблемы реализации прав граждан на участие в управлении государством в условиях кризиса. М., Русайнс, 172 с.
- Попов С.Е. 2006. Кризисные ситуации и конституционные права граждан. «Черные дыры» в российском законодательстве, 2: 59–60.
- Фомин А.А. 2012. Конституционно-правовые основы реализации мер безопасности в условиях кризисных ситуаций. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 5: 11–17.
- Фомин А.А. 2002. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве: Теория. История. Практика. Пенза, Издательство Пенз. гос. ун-та, 246 с.

References

- Gromov M.A. 2008. O ponyatii «chrezvychajnye pravovye rezhimy», ih vidy i harakterizuyushchie priznaki. [On the concept of "extraordinary legal regimes", their types and characteristics]. *«Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve*, 2: 274–275.
- Zhavoronkova N.G. 2007. Rol' prava v obespechenii bezopasnosti pri chrezvychajnyh situacijah. [The role of law in ensuring security in emergency situations]. *«Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve*, 3: 194–196.
- Maksurov A.A. 2013. Tehnika postroeniya yuridicheskikh konstrukcij (na primere koordinacionnoj yuridicheskoy praktiki). [Techniques for constructing legal structures (using the example of coordination legal practice)]. *Yuridicheskaya tehnika*, 7: 299–308.
- Maksurov A.A. 2022. Koordinaciya dejstvij subektov prava v usloviyah krizisa. [Coordination of actions of legal entities in times of crisis]. Moscow, Publ. INFRA-M, 260 p.
- Maksurov A.A. 2023. Problemy realizacii prav grazhdan na uchastie v upravlenii gosudarstvom v usloviyah krizisa. [Problems of realizing the rights of citizens to participate in government during a crisis]. Moscow, Publ. Ru-Science, 172 p.
- Popov S.E. 2006. Krizisnye situacii i konstitucionnye prava grazhdan. [Crisis situations and constitutional rights of citizens] *«Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve*, 2: 59–60.
- Fomin A. A. 2012. Konstitucionno-pravovye osnovy realizacii mer bezopasnosti v usloviyah krizisnyh situacij. [Constitutional and legal bases for the implementation of security measures in crisis situations]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*, 5: 11–17.
- Fomin A. A. 2002. Chrezvychajnoe zakonodatel'stvo v Rossijskom gosudarstve: Teoriya. Istoriya. Praktika [Emergency legislation in the Russian State: Theory. History. Practice]. Penza, Publishing House of Penza State University, 246 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.11.2023

Поступила после рецензирования 20.12.2023

Принята к публикации 25.12.2023

Received November 25, 2023

Revised December 20, 2023

Accepted December 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фомин Алексей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры конституционного и административного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Захарихина Анастасия Андреевна, аспирант кафедры конституционного и административного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey A. Fomin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia.

Anastasiia A. Zakharikhina, Postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia.

УДК 341

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-107-119

Системы коллективной безопасности: исторический и сравнительно-правовой аспекты

¹ Ромашов Р.А. , ² Кириловская Н.Н.

¹ Мурманский арктический университет,
Россия, 183038, Мурманск, ул. Спортивная, 13

² Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний,
Россия, 160002, Вологда, ул. Щетинина, 2
romashov_tgp@mail.ru; natasha.8172@mail.ru

Аннотация. Основные принципы международной безопасности, сформировавшиеся на протяжении XX века, такие как принцип равной безопасности, принцип неделимой безопасности, в XXI веке нивелируются западными странами и прежде всего США, что недопустимо в многополярном мире. В связи с этим возникает необходимость пересмотра принципов безопасности с учетом новой архитектуры международных отношений. Целью исследования является выявление особенностей и проблем систем коллективной безопасности в рамках Лиги Наций и Организации Объединенных Наций. Посредством сравнительно-правового анализа функционирования данных систем в разные исторические периоды было установлено, что присутствует преемственность двух систем коллективной безопасности. Несмотря на существенные изменения современная система коллективной безопасности, действующая в рамках ООН, сохраняет серьезный недостаток, который выражается в прямой зависимости ее результативного функционирования от волеизъявления представителей ведущих государств мира, а иногда и одного государства, постоянного члена Совета Безопасности ООН, что превращает данную систему в «мертвый» механизм. С точки зрения авторов, современная система коллективной безопасности, действующая в рамках ООН, должна быть скорректирована в соответствии с новыми условиями многополюсного мира, основанного на национально-культурных традициях и основополагающих принципах и нормах международного права, выступающих базисом международных отношений.

Ключевые слова: национальная безопасность, Лига Наций, Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, разоружение, антропоцентризм, принципы международного права, агрессия, ядерное оружие, оружие массового поражения, региональная система коллективной безопасности

Для цитирования: Ромашов Р.А., Кириловская Н.Н. 2024. Системы коллективной безопасности: исторический и сравнительно-правовой аспекты. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(1): 107–119. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-107-119

Collective Security Systems: Historical and Comparative Legal Aspects

¹ Roman A. Romashov , ² Natalia N. Kirilovskaya

¹ Murmansk Arctic University

13 Sport St, Murmansk 183038, Russia,

² Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service

2 Shchetinina St, Vologda 160002, Russia

romashov_tgp@mail.ru; natasha.8172@mail.ru

Abstract: The basic principles of international security that were formed during the 20th century, such as the principle of equal security, the principle of indivisible security, are being leveled by Western countries in the 21st century and, above all, the United States, which is unacceptable in a multipolar world. In this

regard, there is a need to revise the principles of security, taking into account the new architecture of international relations. The purpose of this work is to identify the features and problems of collective security systems within the framework of the League of Nations and the United Nations. In the course of the study, through a comparative legal analysis of the functioning of these systems in different historical periods, it was found that there is a continuity of two systems of collective security. Despite significant changes, the modern system of collective security operating within the framework of the United Nations retains a serious drawback, which is expressed in the direct dependence of its effective functioning on the will of representatives of the leading states of the world, and sometimes even one state, a permanent member of the UN Security Council, which turns this system into a "dead" mechanism. The authors formulated a proposal that the modern system of collective security operating within the framework of the United Nations should be adjusted in accordance with the new conditions of a multipolar world based on national and cultural traditions and the fundamental principles and norms of international law, acting as the basis of international relations.

Keywords: national security, League of Nations, United Nations, United Nations Security Council, disarmament, anthropocentrism, principles of international law, aggression, nuclear weapons, weapons of mass destruction, regional collective security system

For citation: Romashov R.A., Kirilovskaya N.N. 2024. Collective Security Systems: Historical and Comparative Legal Aspects. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 107–119 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-107-119

Введение

Безопасность как юридический феномен представляет важную составляющую любой правовой системы – как национальной, так и международной. Теоретические представления о сущности безопасности, ее структуре и условиях обеспечения формируются в процессе исторического развития, постоянно изменяются и совершенствуются. В современной России Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности на различных уровнях (государственном, общественном, личном), однако не дает определения самой безопасности. В ранее действовавшем законе (от 05.03.1992) под безопасностью понималось «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Таким образом, применительно к государственной политике безопасность рассматривается как защитная реакция субъекта (государства, общества, личности) на опасность потенциальной либо реальной угрозы негативного воздействия агрессивной среды (социальной, природной, технической), влекущей наступление вредоносных результатов [Белхароев, 2007].

Внимание исследователей привлекает международная безопасность и в качестве объекта государственной политики, и как сложное политико-правовое явление, имеющее конкретно-исторический характер. Если ранее международная безопасность рассматривалась как система мероприятий, направленных на предупреждение угрозы миру или актов агрессии [Малинин, 2003], то сейчас под международной безопасностью понимается учеными юристами-международниками миропорядок, в котором созданы благоприятные международные условия для свободного развития государств и иных субъектов международного права¹.

Проблемы безопасности как отдельного государства, так и всего международного сообщества всегда привлекали внимание ученых: юристов, политологов, историков и т.д. Особый вклад в разработку данной темы внесли отечественные юристы-международники как советского периода, так и российского [Верещетин, Славин, Тузмухамедов, 1987; Чернов, 2009; Суслов, 2022; Цыбаков, 2022]. Однако в современной юридической науке

¹ Моисеев Е.Г. 2010. Право международной безопасности. В кн.: Международное публичное право. М., Проспект, 484 с.

отсутствует исследование, раскрывающее на основе сравнительно-правового аспекта перспективы системы коллективной безопасности в условиях меняющейся архитектуры международных отношений. В этой связи важно проанализировать в ретроспективе системы коллективной безопасности, создаваемые государствами; выявить их юридическую природу и предназначение; определить причины распада, неудач, найти тот баланс взаимодействия государств, который будет способен обеспечить жизнеспособность и продуктивность функционирования системы коллективной безопасности.

Объекты и методы исследования

Объектом научного исследования стала система коллективной безопасности в ее историческом ракурсе. В качестве методов исследования задействованы как общенаучные, так и частно-научные. В числе последних выступили историко-правовой и сравнительно-правовой, позволившие раскрыть заявленные аспекты генезиса и компаративистики системы коллективной безопасности.

Система коллективной безопасности Лиги Наций: юридическая природа и предназначение

Мировая история знает несколько попыток создания межгосударственных объединений, руководствующихся в своей деятельности целевыми установками, связанными с обеспечением безопасности в сфере международных отношений. Первая такая попытка была связана с созданием международной организации – Лиги Наций – в 1919 году. Создателями Лиги Наций выступили страны-победители в Первой мировой войне – США, Великобритания, Франция, Италия, Япония. Устав Лиги Наций изначально подписали 44 государства, большую часть из которых составляли страны, принимавшие участие в войне на стороне Антанты или присоединившиеся к ней. США, в связи с занятой правящими кругами Америки позицией «изоляции», остались формально вне Лиги Наций, хотя и принимали непосредственное участие в ее создании. Изначально создатели Лиги Наций заняли антибольшевистскую политику, что стало причиной неприсоединения Советской России к Лиге Наций, и только после выхода из Лиги Наций Германии и Японии в 1934 году СССР присоединился к этой международной организации, а уже в 1939 году в связи с советско-финской войной был из нее исключен.

Целью создания Лиги Наций являлось формирование международной площадки для укрепления сотрудничества народов и создания безопасного мира. Достичь цели основатели организации стремились путем принятия ее членами обязательств не прибегать к войне, а также поддерживать в полной гласности и открытости международные отношения, которые должны были быть основаны на справедливости, чести и добросовестности исполнения международных обязательств¹. Реализация вне всякого сомнения прогрессивной цели осложнялась рядом обстоятельств, характерных для того времени, а также неготовностью и, что немаловажно, нежеланием ведущих государств мира принимать кардинальные изменения. Прежде всего следует выделить отсутствие императивного запрета агрессивной войны в международных отношениях, что, конечно же, создавало серьезные препятствия эффективному функционированию складывающейся системы коллективной безопасности. Следует подчеркнуть, что, не запрещая в целом войну как средство для разрешения международных споров, государства – члены Лиги Наций готовы были обсуждать и предпринимать, насколько это возможно, действия по разоружению. Идея разоружения, получившая международное признание на рубеже XIX–XX веков, в период проведения первой и второй Гаагских конференций мира (1899, 1907 гг.), способствовала гуманизации ведения военных действий, а также определению некоторых правил их ведения (прообраз системы военного права). Положения Устава Лиги Наций закрепляли обя-

¹ Устав Лиги Наций от 10.01.1920. URL: <http://doc20vek.ru/node/451> (дата обращения: 28.09.2023).

зательство государств-членов по ограничению их вооружений: «...ограничение национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением» (п. 1 ст. 8 Устава Лиги Наций). «Минимум» определялся Лигой Наций исходя из географического и военно-политического положения конкретных государств, однако ключевая роль в принятии соответствующего решения принадлежала самому государству, что отводило системе коллективной безопасности в лице Лиги Наций всего лишь роль наблюдателя без права вмешательства [Магадеев, 2020].

Следующее обстоятельство, снижающее эффективность Лиги Наций как коллективной организации обеспечения международной безопасности, это ограниченный в геополитическом плане характер создаваемой системы, которая преимущественно действовала в регионе Континентальной Европы, что не способствовало ее эффективности в «мировом» масштабе. Так, например, в сентябре 1925 г. представитель Китая Чао Шинчу говорил о том, что «китайский народ не ощущает руки Лиги на Азиатском континенте» [Илюхина, 1982, с. 176].

Стремление сделать систему коллективной безопасности информационно-открытой так и не было реализовано на практике. Полагаем, в период существования Лиги Наций государства еще были не готовы к открытым и доверительным отношениям в вопросах военной сферы, хотя понимание того, что это важная составляющая процесса обеспечения коллективной безопасности уже сформировалось.

Отмечая серьезные недостатки в организации и деятельности Лиги Наций, нельзя не отметить и того, что механизм коллективной международной безопасности, сложившийся в процессе функционирования этого международного объединения, впоследствии был взят за основу при разработке аналогичной конструкции в рамках Организации Объединенных Наций (ООН).

Система коллективной безопасности Организации Объединенных Наций: юридическая природа, предназначение и структура

Организация объединенных наций (далее – ООН) была создана 26 июня 1945 года. Устав организации был первоначально подписан 51 государством, сегодня ее членами являются 193 государственно организованные нации.

Формирование системы международной коллективной безопасности в рамках ООН проходило вследствие катастрофических разрушений, произошедших в мире после Первой и Второй мировых войн. По данной причине государства-основатели постарались учесть как позитивный, так и негативный опыт первой системы коллективной международной безопасности, что в итоге позволило ООН на протяжении длительного временного периода выступать достаточно эффективным средством предотвращения глобальных конфликтов в сфере международных отношений.

В п. 1. ст. 1 Устава Организации Объединенных Наций (далее – Устав ООН) отражено несколько ключевых идей новой системы коллективной безопасности, к числу которых следует отнести: глобальность, эффективность, превентивность, принципиальность, справедливость, миролюбие. Идея справедливости присутствовала и в Уставе Лиги Наций. Однако идеалистические воззрения, господствующие в период создания как Лиги Наций, так и ООН не смогли стать той основой, на которой должна функционировать система коллективной безопасности. Сама же категория «справедливость» вызывает до сих пор жаркие споры и дискуссии в научной среде ¹ [Ромашов, 2018; Бабурин, 2016; Бекашев, 2015; Исмагилов, 2009].

¹ Зорькин В.Д. 2018. Справедливость – императив цивилизации права. 2018. URL.: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/spravedlivost_imperativ_tsivilizatsii_prava_2401/ (дата обращения: 10.12.2022).

Важным шагом в построении новой системы международной коллективной безопасности стало запрещение агрессивной войны, закрепленное в Уставе ООН, которое носило императивный характер, однако имело несколько исключений: право на самооборону в случае вооруженного нападения (ст. 51); применение вооруженных мер со стороны Совета Безопасности в качестве санкции к государству-правонарушителю (ст. 42). Таким образом, запрещая агрессивную войну, авторы Устава ООН предусмотрели законные возможности применения вооруженной силы, регламентация которых в последнее время трактуется некоторыми государствами в достаточно произвольной форме [Логинов, 2017].

Определение организационной основы системы коллективной безопасности стало центральным вопросом в ее формировании. Данная задача была возложена на один из главных органов ООН – Совет Безопасности. Данный Совет состоит из 15 членов, пять из которых постоянные члены и десять – непостоянные. К числу постоянных членов относятся государства – создатели организации: Россия, Великобритания, Китай, США и Франция. Непостоянные члены избираются Генеральной Ассамблеей ООН сроком на два года с учетом двух факторов: географического и военно-политического (степень участия в поддержании мира и безопасности и в достижении других целей Организации). Ключевую роль играют постоянные члены Совета Безопасности ООН, обладая правом вето, блокирующим то или иное решение Совета Безопасности ООН, если они считают, что оно не соответствует Уставу ООН. Практика показывает, что в период обострения отношений между ведущими государствами мира среди постоянных членов ООН имеются расхождения в толковании положений Устава ООН [Хохлышева, 2012], в приоритетности тех или иных его положений. Как следствие, право вето используется постоянными членами Совета Безопасности ООН, исходя из складывающихся конфронтационных межгосударственных отношений, без фактического учета норм Устава ООН.

Совет Безопасности ООН как главный орган по поддержанию безопасности мира был наделен полномочиями, которые позволяют ему контролировать ситуации, связанные с угрозой миру. В частности, Совет Безопасности ООН на основе Устава ООН принимает решения обязательного характера для государств-членов (ст. 25); имеет право определять характер международного спора (ст. 39); применять меры временного характера для поддержания или восстановления мира и безопасности (ст. 40); меры невооруженного (ст. 41) и вооруженного характера (ст. 42). Однако для реализации всех этих полномочий необходимо единое мнение постоянных членов, а если их мнения расходятся, то весь возможный функционал Совета Безопасности ООН сводится к нулю и весь механизм оказывается неспособным [Карташкин, 2013].

Организационный механизм системы коллективной безопасности в рамках ООН включает два компонента: универсальную систему коллективной безопасности и региональную подсистему. Если универсальная система коллективной безопасности едина и функционирует в рамках ООН, то региональная подсистема коллективной безопасности, действующая на основании ст.ст. 52–54 Устава ООН, может быть представлена либо в виде международной организации, созданной на основании международного договора, или в виде международного органа, действующего в данных целях, т. е. этот компонент системы коллективной безопасности в количественном выражении неограничен. Устав ООН устанавливает единые требования для всех региональных подсистем коллективной безопасности: во-первых, действие в соответствии с целями и принципами Устава ООН; во-вторых, приоритетность мирных средств разрешения международных споров; в-третьих, необходимость передачи международного спора, угрожающего миру и безопасности, Совету Безопасности ООН; в-четвертых, действие с согласия или под руководством Совета Безопасности ООН в случаях применения мер принудительного или иного характера; в-пятых, полная информированность Совета Безопасности о всех предпринимаемых или планируемых действиях; в-шестых, применение мер вооруженного характера должно быть ограничено временным параметром – до принятия мер Советом Безопасности ООН.

В настоящее время в качестве региональных подсистем коллективной безопасности выступает несколько организаций: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организация Договора коллективной безопасности (ОДКБ), Северо-Атлантический альянс (НАТО); Африканский союз (АС); Лига арабских государств (ЛАГ), Организация американских государств (ОАГ), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и другие. Следует отметить, что все региональные структуры заключили декларации о сотрудничестве с ООН, в которых определяются задачи и направления сотрудничества. ООН заинтересована в углублении такого сотрудничества, так как перечисленные структуры являются удобным способом продвижения мира и безопасности в регионе. Большой плюс в их деятельности – это оперативность. В то же время со стороны ряда региональных подсистем коллективной безопасности наблюдается произвольность в решении некоторых вопросов, что противоречит положениям Устава ООН. Так, НАТО неоднократно применялись меры вооруженного характера в обход согласия Совета Безопасности ООН. К сожалению, положения Устава ООН не регламентируют такую ситуацию, это правовой пробел, который был использован Северо-Атлантическим альянсом для решения своих задач, прежде всего в интересах США. В связи с этим требуется научное переосмысление базовых принципов формирования и функционирования региональных подсистем коллективной безопасности [Лазутин, 2018], которые должны не конфликтовать, а, напротив, взаимодействовать и дополнять друг друга.

Следует также отметить еще одну важную особенность системы коллективной безопасности в рамках ООН – это ее человекоцентричность (антропоцентризм). Человек, его права и интересы были обозначены как ядро данной системы, ее стержень и основа. Принятие Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года продемонстрировало важность реализации принципа уважения прав и свобод человека через призму любой деятельности государства как на национальном, так и на международном уровнях. В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года, принятом главами государств и правительств на Генеральной Ассамблее ООН, признано, что *«мир и безопасность, развитие и права человека являются теми опорами, на которых покоится система Организации Объединенных Наций, и основами коллективной безопасности и благосостояния... Развитие, мир, безопасность и права человека являются взаимосвязанными и взаимоусиливающими»* (п. 9)¹.

Формирование новой системы коллективной безопасности ознаменовало новый подход к ее содержанию. Если раньше акцент делался на военную составляющую, то в рамках ООН было признано, что система коллективной безопасности должна быть активной и способной реагировать во всех сферах взаимодействия государств: военной, политической, экономической, экологической, гуманитарной, информационной, демографической, продовольственной, биологической и других. Концепция всеобъемлющей системы безопасности получила принципиальное одобрение международного сообщества уже во второй половине 80-х годов XX века. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Советского Союза и стран социалистического блока 04.12.1986 (A/RES/41/92) и 07.12.1987 (A/RES/42/93) приняла специальные резолюции о создании всеобъемлющей системы международного мира и безопасности. Генеральная Ассамблея ООН, принимая 25.09.2015 Резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», подтвердила необходимость всеобщего подхода к созданию прочного всеобщего мира. Военно-политическая составляющая безопасности, как показало время, не является единственным и ключевым фактором обеспечения международной безопасности, в связи с этим необходимо бороться и устранять другие угрозы современ-

¹ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch3.shtml (дата обращения: 02.09.2023).

ности. К числу таковых, согласно мнению Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам¹, относятся шесть основных вызов для системы международной безопасности, которые имеют место сейчас и будут являться актуальными на протяжении нескольких десятилетий: экономические и социальные угрозы, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию; межгосударственный конфликт; внутренний конфликт, включая гражданскую войну, геноцид и другие массовые зверства; ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие; терроризм; транснациональная организованная преступность. Таким образом, система коллективной безопасности должна быть скорректирована с учетом данных вызов и угроз для полноценного обеспечения международной безопасности.

Ключевым элементом новой системы коллективной безопасности остался вопрос разоружения, сохраняющий свою актуальность и в данный момент, поскольку имеется оружие массового поражения (биологическое, химическое, ядерное). Именно по этой причине в новой системе коллективной безопасности акцент в процессе разоружения сделан на две составляющие: во-первых, всеобщее и полное разоружение; а во-вторых, под строгим и эффективным международным контролем. Обе составляющие процесса разоружения являются важными и взаимодополняющими. В рамках ООН подготовлена правовая база по разоружению, касающаяся оружия массового поражения. Так, в настоящее время имеются договоры, запрещающие бактериологическое и химическое оружие, и проводится работа в рамках ООН по их полному исполнению². Однако устанавливаются факты применения химического оружия, включая токсичные химикаты, во враждебных целях в Сирийской Арабской Республике, Ираке, Малайзии и других государствах. Что касается ядерного оружия, то общепризнанного запрета на его применение сегодня нет. Однако предприняты попытки по установлению запрета на его распространение, в частности приняты «Договор о нераспространении ядерного оружия» от 12.06.1968 (ДНЯО); «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой» от 05.08.1963. В 1996 году был подписан «Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний» (ДВЗЯИ), однако он до сих пор в силу не вступил в связи с отсутствием ратификации со стороны ряда государств, согласие которых является обязательным для вступления Договора в силу. С учетом необходимости полного комплекта документов по запрету ядерного оружия, в рамках ООН была проведена работа по подготовке и принятию 21.01.2021 Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Следует отметить, что к договору пока не присоединились ядерные державы. Согласно данному Договору запрещается применять ядерное оружие, угрожать его применением, разрабатывать, испытывать, изготавливать, приобретать, иметь во владении или накапливать. Ядерные державы, согласно данному Договору, обязаны будут уничтожить свое ядерное оружие. Ядерные державы уже выразили свое мнение по Договору, указав на его противоречие с уже действующими в этой области международными актами, и несогласие таким образом решать проблему ядерного разоружения³. В настоящее время данная проблема является наиболее сложной, дискуссионной, и пока компромисс между ядерными и неядерными державами не найден.

¹ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instate/Runhighpanelreport.pdf> (дата обращения: 10.10.2023)

² Резолюция Генеральной Ассамблеи от 6 декабря 2021 г. «Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/385/73/PDF/N2138573.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.09.2023).

³ См.: Лавров С.В. Выступление Министра иностранных дел в рамках совместного проекта ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН и ИА «Интерфакс» на заключительной онлайн-сессии международного форума «Примаковские чтения – 2020» на тему «Россия и постковидный мир». URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/special-online-session-of-the-primakov-readings> (дата обращения: 05.09.2023).

Важное место в ходе процесса разоружения занимают вопросы, связанные с созданием безъядерных зон. Создание безъядерных в военном отношении зон является не самоцелью, а важным промежуточным шагом на пути к обеспечению ядерного разоружения и полной ликвидации ядерного оружия¹. На территории безъядерных зон запрещено размещение ядерного оружия и средств его доставки к целям, не допускается производство и проведение испытаний ядерных боеприпасов. Данный процесс носит исключительно договорной характер. В настоящее время к таким территориям относятся: космос, Антарктика, Латинская Америка (Договор Тлателолко 1967 года), южная часть Тихого океана (Договор Раротонга 1985 года), Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор 1995 года), Африка (Договор Пелиндаба 1996 года); Средняя Азия (Семипалатинский договор 2007 года) и другие.

В рамках Генеральной Ассамблеи ООН продолжается работа по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока. Работа началась еще в 1974 году и ведется до сих пор, принято значительное количество резолюций. Вопрос остается открытым в связи с ядерным статусом Израиля и его неприсоединением к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Особенностью процесса разоружения в рамках новой системы безопасности стало введение института эффективного международного контроля, который реализуется в рамках Международного агентства по атомной энергии (далее – МАГАТЭ). Государства, как обладающие, так и не обладающие ядерным оружием, подписали с МАГАТЭ соглашения, на основании которых МАГАТЭ получает право проверки объектов, использующих ядерную энергию, на предмет ее применения исключительно в мирных целях. В настоящее время таких соглашений у МАГАТЭ 185. В соответствии с ними организация осуществляет предусмотренное гарантирование. Подчеркнем, что гарантии МАГАТЭ являются неотъемлемой составляющей международной системы безопасности.

Эффективность системы коллективной безопасности, основанной на открытости и гласности между ее участниками, была признана еще в период Лиги Наций, но не была реализована. В период функционирования системы коллективной безопасности в рамках ООН институт мер доверия стал активно развиваться. Предложения относительно мер по укреплению доверия между государствами были выдвинуты Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое было организовано 33 европейскими странами, а также Канадой и США в целях смягчения напряженности и укрепления духа разрядки. Результатом работы Совещания стало подписание в 1975 году итогового документа – Заключительного акта, в который было включено обязательство уведомлять о крупных военных учениях войск общей численностью более 25 000 человек по меньшей мере за 21 день до их начала.

В число других согласованных мер входил обмен наблюдателями этих учений и другие добровольные меры по смягчению напряженности в Европе. Институт мер доверия, заложенный в Заключительном акте 1975 года, получил развитие в дальнейших принимаемых в рамках СБСЕ/ОБСЕ итоговых документах. Все вместе они повышают предсказуемость, прозрачность и военную стабильность и уменьшают риск серьезного конфликта в Европе. Однако в настоящее время эта важная правовая составляющая института мер доверия приостановила свою деятельность, что создало прямую угрозу стабильности и безопасности как в Европе, так и в целом в мире, а также зримую опасность для существования человеческой цивилизации.

¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока» от 12 июля 2022 г. URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/7905918.95580292.html> (дата обращения: 01.09.2023).

Функционирование системы коллективной безопасности в новых условиях: запросы, ожидания, реальность

Современная система коллективной безопасности неотделима от ключевых факторов, определяющих текущие процессы международного развития. В числе таких факторов «растущий общественный запрос на справедливость» [Бекашев, 2015]. Происходит смещение ценностного идеала со свободы в сторону справедливости. Представляется, принцип справедливости, положенный в основу обеих систем коллективной безопасности, должен стать тем фундаментом, на котором будет строиться и функционировать современная система коллективной безопасности, главное назначение которой состоит в ограничении и сдерживании войны или вооруженного конфликта, что является частью общего миротворческого процесса [Walzer, 1977]. В то же время для прочности фундамента системы коллективной безопасности необходимо признание всеми членами международного сообщества верховенства общепризнанных принципов и норм международного права в международных отношениях [Альбов, Булавина, 2017], так как это является одним из основных компонентов мира, безопасности и устойчивого развития; приведение к единообразию применения международного права всеми членами международного сообщества [Бокерия, 2017]; укрепление и развитие института мер доверия, при котором будут учтены интересы всех участников международных отношений, их национальная идентичность и культурное многообразие [Бабурин, 2016]. В этой связи, на наш взгляд, государства должны объединиться для разработки новой концепции безопасности, основанной на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве, а также урегулировании споров посредством диалога, и никогда не применять силу и не прибегать к угрозе ее применения против других стран, независимо от предлога. Полагаем, открытость и сотрудничество в военных вопросах также могут понизить степень неопределенности и непредсказуемости и подкрепить мирные заявления и намерения государств. Осуществление мер укрепления доверия должно происходить таким образом, чтобы обеспечить право каждого государства на безопасность с гарантией того, что ни одно отдельное государство или группа государств не получит преимуществ над другими ни на одном этапе процесса укрепления доверия.

История показывает, что эффективность системы коллективной безопасности зависит от ряда факторов, но прежде всего от целеполагания государственных правовых систем в этом вопросе. С одной стороны, государства стремятся обеспечить свою и международную безопасность, но с другой стороны, националистически подходят к самому процессу решения этого вопроса. Международная безопасность обеспечивается рядом важных принципов, которые необходимо соблюдать всем государствам: принцип равной безопасности (право каждого государства на безопасность); принцип не нанесения ущерба безопасности государств (нельзя укреплять безопасность за счет безопасности других); принцип равенства и одинаковой безопасности (принцип равновесия). Соблюдение данных принципов, по нашему мнению, позволит обеспечить баланс сил в международном сообществе, который является одним из критериев ее стабильности. Так, система коллективной безопасности, действующая в рамках Лиги Наций, не имела баланса сил, поэтому ее жизнеспособность была мала. Система коллективной безопасности, созданная в рамках ООН, была биполярной, ее центрами выступали СССР и США, это позволяло ей балансировать. После распада СССР послевоенный миропорядок потерял равновесие и стал искажаться так называемым «однополярным моментом» (*термин был введен в 1990 г. американским политическим аналитиком Ч. Краутхаммером*) с выдвиганием Западом тезиса о «порядке, основанном на правилах», без упоминания международного права, центральной

роли ООН и важности универсальных инструментов, коллективно выработанных мировым сообществом¹. Такая ситуация продолжалась ровно до того момента, когда Россия показала, что может применять военную силу для обеспечения собственной и региональной безопасности. С утратой биполярности современный мир становится многополярным, формируются новые мировые и региональные центры развития, что в условиях глобализации является неизбежным.

Заключение

По итогам исследования сформулируем следующие выводы:

Во-первых, существует преимущество концепции коллективной международной безопасности – от Лиги Наций до ООН, несмотря на проблемы, оказавшие влияние на эффективность Лиги Наций. В числе таких проблем – отсутствие императивного запрета агрессивной войны в международных отношениях; ограниченный в геополитическом плане характер системы; несостоявшаяся информационно-открытая политика.

Во-вторых, современная система коллективной безопасности охватывает два уровня – универсальный во главе с ООН и региональный. Однако новый миропорядок существует в «переходном» состоянии, когда порядок мироустройства, сложившийся по результатам Второй мировой войны, находится в кризисе, а новая конструкция международных отношений еще только формируется. Все более отчетливой становится тенденция многополярности международного сообщества, выраженная в совокупности национальных (суверенных государственных) и интернациональных (региональных межгосударственных) «центров силы». По нашему мнению, в складывающихся обстоятельствах ООН должна сохранить свою ведущую роль в системе коллективной международной безопасности, поскольку равнозначной альтернативы ей в сегодняшней ситуации не существует. Международная безопасность как коллективное право человечества, обеспеченное эффективной системой защиты, должна быть адаптирована под современные условия цивилизационного развития, в противном случае наступление мирового апокалипсиса перестает быть предметом творчества писателей-фантастов, а приобретает характер реально ощущаемой угрозы.

В-третьих, многочисленные действующие региональные вооруженные конфликты и вооруженный конфликт на Украине, в который втянуты уже около десятка государств, свидетельствуют о системном кризисе коллективной безопасности в рамках ООН. Сегодня становится очевидным, что практическая реализация системы коллективной безопасности зависит напрямую от самих государств, особенно от ведущих государств международного сообщества. В настоящее время во внешней политике США и западных стран преобладает нездоровый национальный эгоизм, который не позволяет этой системе функционировать в полном объеме, а их действия могут привести к краху всю систему коллективной безопасности и создать угрозу всему человечеству.

Список литературы

- Альбов А.П., Булавина М.А. 2017. Современное международное право и глобальная справедливость: оксюморон или новая нормальность. *Российский журнал правовых исследований*, 4(1): 192–203. DOI: 10.17816/RJLS18255
- Бабурин С.Н. 2016. Современное общество между несправедливым законом и справедливым беззаконием. В кн.: *Европейское измерение. Сборник научных трудов под общей редакцией С.Н. Бабурина и З.А. Станкевича*. М., Книжный мир, Европейский институт JUSTO: 318–327.
- Бекяшев К.А. 2015. Сможет ли глобализация изменить международное право? *Вестник университета имени О.Е. Кутафина*, 6: 38–53.

¹ Яковенко А.В. 2022. Мир вступил в фазу поиска нового баланса развития. URL.: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-12-15/3_8617_kb.html (дата обращения: 10.09.2023)

- Белхароев Х.У. 2007. Безопасность как система отношений в общей теории национальной безопасности государства. *Юридические науки*, 2(24): 27–28.
- Бокерия С.А. 2017. Концепция личностной безопасности в практике ООН. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 17(2): 312–324. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324.
- Верещетин В.С., Славин М.М., Тузмухамедов Р.А. 1987. Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., Институт государства и права Академии наук СССР, 124 с.
- Глазунова Е.Н. 2018. К вопросу о генезисе понятия «устойчивая безопасность». *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*, 10(2): 3–32.
- Емельянова Н.Н. 2012. Международно-правовые проблемы обеспечения глобальной безопасности на современном этапе. Дис. ... док. юрид. наук. М., 404 с.
- Илюхина Р.М. 1982. Лига Наций 1919–1934. М., Наука, 357 с.
- Исмагилов Н.О. 2009. Справедливость как мера равенства. *Социология власти*, 8: 95–103.
- Карташкин В.А. 2013. Права человека и международная безопасность. *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 1: 33–59.
- Кулагин В.М. 2012. Современная международная безопасность. М., КНОРУС, 432 с.
- Лазутин Л.А. 2018. Международная безопасность и ответственность. В кн.: Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: материалы Международной научно-практической конференции: к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Ю.И. Скуратова, 14 июня 2018 г., Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова: 28–34.
- Логинов А.В. 2017. Оправдание войны: дебаты о легитимности. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 3(167): 37–45.
- Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е., 2017. Право международной безопасности (противодействие криминальным угрозам государству и моровому сообществу). М., РИО Российской таможенной академии. 72. с.
- Магадеев И.Э. 2020. Лига наций как инструмент обеспечения коллективной безопасности в Европе: просчеты и достижения. В кн.: Вторая мировая война: защита памяти и противодействие ее фальсификации. Под ред. А.И. Балашова. СПб., Изд-во Коновалова А.М.: 11–31.
- Малинин С.А. 2003. Избранное: статьи и отрывки из книг: Право международной безопасности и межгосударственных организаций; договорное, морское, атомное право. СПб., Санкт-Петербургский университет. 444 с.
- Моисеев Е.Г. 2010. Право международной безопасности. В кн.: Международное публичное право. М., Проспект: 1008 с.
- Ромашов Р.А. 2018. Право: нормативность и девиантность. СПб., Алетейя, 274 с.
- Суслов Е.В. 2022. Внешнеполитические усилия СССР по созданию системы коллективной безопасности в 30–40-х годах XX века. *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*, 8(4): 397–406. DOI: 10.30914/2411-3522-2022-8-4-397-406
- Ходнев А.С. 1996. Лига Наций в международных отношениях 1919–1939 гг.: проблемы соотношения политической и гуманитарной деятельности. *Ярославский педагогический вестник*, 2: 28–33.
- Хохлышева О.О. 2012. Всеобъемлющая безопасность и ее международно-правовое обеспечение в условиях глобализации. *Международные отношения. Политология. Регионоведение Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 3(1): 323–331.
- Цыбаков Д.Л. 2022. Эволюция системы коллективной безопасности постсоветского пространства на рубеже XX и XXI столетий. *Среднерусский вестник общественных наук*, 17(2): 42–53. DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-2-42-53
- Чернов В.А. 2009. Формирование системы коллективной безопасности постсоветских государств. *Власть*, 8: 98–101.
- Walzer M. 1977. Just and Unjust wars. New York: Basic books: 329–335.

References

- Albov A.P., Bulavina M.A. 2017. Modern International Law and Global Justice: Oxymoron or New Normality. *Russian Journal of Legal Studies*, 4(1): 192–203. DOI: 10.17816/RJLS18255 (In Russian).
- Baburin S.N. 2016. Sovremennoe obshchestvo mezhdunarodnoy bezopasnosti i spravedlivym bezzakoniem [Modern Society – Between Unjust Law and Just Lawlessness. In: The European Dimension]. In: *Evropejskoe izmerenie [The European Dimension]*. Collection of scientific papers under the general editorship of S.N. Baburina i Z.A. Stankevicha. M., Publ. Knizhnyj mir, Evropejskij in-stitut JUSTO: 318–327..
- Bekyashev K.A.1. 2015. Can the globalization of international law change? *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina*, 6: 38–53. (In Russian).
- Belharoev H.U. 2007. Bezopasnost' kak sistema otnoshenij v obshchej teorii naci-onal'noj bezopasnosti gosudarstva [Security as a System of Relations in the General Theory of National Security of the State]. *YUridicheskie nauki*, 2 (24): 27–28. (In Russian)
- Bokeriya S.A. 2017. Human security concept in the un practice. *Vestnik RUDN. International Relations*: 17(2): 312–324. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324. (In Russian)
- Vereshchetin B.C., Slavin M.M., Tuzmuhamedov P.A. 1987. Vseob'emlyushchaya sistema mezhdunarodnoj bezopasnosti i mezhdunarodnoe pravo [The Comprehensive System of International Security and International Law]. M., Institut gosudarstva i prava Akademii nauk SSSR. 124 p. (In Russian)
- Glazunova E.N. 2018. On the Genesis of the 'Sustainable Security' Concept. *Lomonosov World Politics Journal*, 10(2): 3–32. (In Russian)
- Emel'yanova N.N. 2012. Mezhdunarodno-pravovye problemy obespecheniya global'noj bezopasnosti na sovremennoy etape [International Legal Problems of Ensuring Global Security at the Present Stage]. M., 404 p.
- Ilyuhina R.M. 1982. Liga Nacij 1919–1934 [The League of Nations 1919–1934]. M., Publ. Nauka, 357 p.
- Ismagilov N.O. 2009. Spravedlivost' kak mera ravenstva [Justice as a Measure of Equality]. *Sociologiya vlasti*, 8: 95–103.
- Kartashkin V.A. 2013. Human rights and international security. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, 1: 33–59. (In Russian).
- Kulagin V.M. 2012. Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost' [Modern International Security]. M., KNORUS, 432 p.
- Lazutin L.A. 2018. Mezhdunarodnaya bezopasnost' i otvetstvennost' [International Security and Responsibility]. In.: Aktual'nye problemy sovremennoj yuridicheskoy nauki i praktiki: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual Problems of Modern Legal Science and Practice]: k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federacii YU.I. Skuratova [Materials of the International Scientific and Practical Conference: On the Anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation Yu.I. Skuratov]. Ulan-Ude: Buryatskij gosudarstvennyj universitet imeni Dorzhi Banzarova: 28–34.
- Loginov A.V. 2017. Justifying war: debates over legitimacy. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 3(167): 37–45. (In Russian)
- Lyahov E.G., Lyahov D.E., 2017. Pravo mezhdunarodnoj bezopasnosti (protivodej-stvie kriminal'nym ugrozam gosudarstvu i morovomu soobshchestvu) [The Law of International Security (Countering Criminal Threats to the State and the Maritime Community)]. M., Publ. RIO Rossijskoj tamozhennoj akademii. 72 p.
- Magadeev I.E. 2020. Liga nacij kak instrument obespecheniya kollektivnoj bezopasnosti v Evrope: proshchety i dostizheniya [The League of Nations as an Instrument for Ensuring Collective Security in Europe: Miscalculations and Achievements]. In: *Vtoraya mirovaya vojna: zashchita pa-myati i protivodejstvie ee fal'sifikacii [The Second World War: Protection of Democracy and Countering Its Falsification]*. Pod red. A.I. Balashova. SPb., Publ. Konovalova A.M.: 11–31.
- Malinin S.A. 2003. Izbrannoe: stat'i i otryvki iz knig: Pravo mezhdunarodnoj bezopasnosti i mezhdunarodnykh organizacij; dogovornoe, morskoe, atomnoe pravo [Favorites: Articles and Excerpts from the Book: The Law of International Security and Interstate Organizations; Treaty, Maritime, Atomic Law]. SPb., Publ. Sankt-Peterburgskij universitet. 444 p.

- Moiseev E.G. 2010. Pravo mezhdunarodnoj bezopasnosti [The Law of International Security]. In: *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo*. M., Publ. Prospekt: 100 p.
- Romashov R.A. 2018. Pravo: normativnost' i deviantnost' [Law: Normativity and Deviance]. SPb., Publ. Aletejya, 274 p. (In Russian)
- Suslov E.V. 2022. Foreign policy efforts of the USSR to create a collective security system in the 1930s–1940s. *Vestnik of the Mari State University. Chapter History. Law*, 8(4): 397–406. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-4-397-406> (In Russian)
- Hodnev A.S. 1996. Liga Nacij v mezhdunarodnyh otnoshenij 1919–1939 gg.: problemy sootnosheniya politicheskoy i gumanitarnoj deyatelnosti [The League of Nations in International Relations 1919–1939: Problems of Correlation Between Political and Humanitarian Activities]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2: 28–33. (In Russian)
- Khokhlysheva O.O. 2012. Comprehensive security and its support by international law under globalization. *Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 3(1): 323–331. (In Russian)
- Tsybakov D.L. 2022. Evolution of the collective security system of the post-Soviet space at the turn of the XX and XXI centuries. *Central russian journal of social sciences volume*, 17(2): 42–53. DOI: [10.22394/2071-2367-2022-17-2-42-53](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-2-42-53) (In Russian)
- СНернов В.А. 2009. Formirovanie sistemy kollektivnoj bezopasnosti postsovetskikh gosudarstv [Formation of the Collective Security System of Post-Soviet States]. *Vlast'*, 8: 98–101. (In Russian)
- Walzer M. 1977. Just and Unjust wars. New York: Basic books: 329–335.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.10.2023

Поступила после рецензирования 07.11.2023

Принята к публикации 15.11.2023

Received October 2, 2023

Revised November 7, 2023

Accepted November 15, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-9777-8625](https://orcid.org/0000-0001-9777-8625)

Roman A. Romashov, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of Theory and History of State and Law, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-9777-8625](https://orcid.org/0000-0001-9777-8625)

Кириловская Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, г. Вологда, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-9031-5182](https://orcid.org/0000-0002-9031-5182)

Natalia N. Kirilovskaya, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State Law Disciplines of the Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-9031-5182](https://orcid.org/0000-0002-9031-5182)

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-120-128

Право национальной безопасности как комплексная отрасль российского законодательства: проблемы формирования и содержательного наполнения

Чапчиков С.Ю.

Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
chapchikov@mail.ru

Аннотация. В современных условиях, когда необходимость правового обеспечения состояния защищенности национальных интересов Российской Федерации от внутренних и внешних угроз, а также достойные качество и уровень жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны выходят на первый план, необходимо четкое, системное и комплексное правовое регулирование в сфере национальной безопасности. Целью настоящей статьи является исследование права национальной безопасности как комплексной отрасли российского законодательства, позволяющее создать предпосылки для упорядочения и систематизации правового регулирования в данной сфере, в связи с чем автором изучены закономерности формирования отраслей законодательства в отечественной правовой системе, соотношение отраслей права и отраслей законодательства; основы построения комплексных отраслей законодательства; проблемы формирования и содержательного наполнения права национальной безопасности. В результате, автор приходит к выводу о наличии объективных предпосылок для оформления права национальной безопасности в полноценную комплексную отрасль российского законодательства, основанных на представлениях о централизованном, обладающем большим общесоциальным и государственным значением, предмете правового регулирования; необходимом объеме нормативного материала – правовых актов, оказывающих регулирующее воздействие, и специализированном методе правового регулирования. Представлены тенденции и перспективы развития права национальной безопасности как отрасли отечественного законодательства.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, право национальной безопасности, отрасль законодательства, комплексная отрасль законодательства

Для цитирования: Чапчиков С.Ю. 2024. Право национальной безопасности как комплексная отрасль российского законодательства: проблемы формирования и содержательного наполнения. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(1): 120–128. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-120-128

National Security Law as a Complex Branch of Russian Legislation: Problems of Formation and Content

Sergey Yu. Chapchikov

Southwest State University,
94 50 let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russia,
chapchikov@mail.ru

Abstract. In modern conditions, when the need for legal provision of the state of protection of the national interests of the Russian Federation from internal and external threats, as well as decent quality and standard of living, civil peace and harmony in the country, protection of the sovereignty of the Russian Federation, its independence and state integrity, socio-economic development of the country come to the fore, a clear, systematic and comprehensive legal regulation in the field of national security.

The purpose of this article is to consider the law of national security as a complex branch of Russian legislation, in connection with which the author examines the regularities of the formation of branches of legislation in the domestic legal system, the ratio of branches of law and branches of legislation; the foundations of the construction of complex branches of legislation; the problems of the formation and content of national security law. As a result, the author comes to the conclusion that there are objective prerequisites for the formation of the right of national security into a full-fledged complex branch of Russian legislation, based on the ideas of a centralized subject of legal regulation with great social and state significance; the necessary amount of regulatory material – legal acts, on the basis of which the regulatory impact is provided and a specialized method of legal regulation. The trends and prospects of the development of national security law as a branch of domestic legislation are presented.

Keywords: security, national security, national security law, branch of legislation, complex branch of legislation

For citation: Chapchikov S.Yu. 2024. National Security Law as a Complex Branch of Russian Legislation: Problems of Formation and Content. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 120–128 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-120-128

Введение

Предваряя исследование проблемы, заявленной в названии работы, отметим, что автор настоящей работы не раз обращался к научной общественности с мотивированным предложением о выделении права национальной безопасности в качестве самостоятельной комплексной отрасли российского законодательства [Чапчиков, 2012; Беляев, Чапчиков, 2018]. Данное предложение вызвало у коллег положительный отклик и поддержку [Беляева, 2012; Фомин, 2023; Иншаков, 2022]. Однако следует констатировать, что до настоящего времени концептуально нельзя говорить о существовании права национальной безопасности ни в качестве системной юридической доктрины, ни комплексной отрасли российского законодательства; более того, само понятие национальной безопасности с правовым состоянием, институтом, правовым режимом или соответствующим циклом [Вербицкая, 2015; Хохлова, 2017; Хабриева, 2019; Путинцев, 2020].

Дополнительно актуализирует проблему тот факт, что в условиях, когда современный мир переживает эпоху трансформации, политической, социальной и экономической нестабильности, слома традиционных ценностей, игнорирования прав и свобод человека, основными приоритетами государственной политики Российского государства в сфере обеспечения национальной безопасности является «обеспечение внутренней стабильности, наращивание экономического, политического, военного и духовного потенциала России, необходимого для укрепления ее роли как одного из влиятельных центров современного мира»¹. В этой связи процитируем слова Президента Российской Федерации В.В. Путина из его Послания к Федеральному Собранию: «Мы знаем, что необходимо делать для уверенного поступательного развития России, причем именно суверенного, независимого развития, вопреки любому внешнему давлению и угрозам, с надежной гарантией безопасности и интересов государства... При этом ведущие политические силы консолидированы и едины в главном, а главное, основополагающее для всех нас – это безопасность и благополучие народа, суверенитет и национальные интересы»².

В сложившихся условиях, полагаем, имеются все предпосылки как субъективного, так и объективного плана для формирования в системе российского законодательства новой комплексной отрасли – права национальной безопасности, проблемам формирования и содержательному наполнению которой на современном этапе и будет посвящено настоящее исследование.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021 № 27 (часть II). Ст. 5351.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 // Российская газета, № 39, 22.02.2023.

Непосредственно приступая к исследованию права национальной безопасности как отрасли российского законодательства, необходимо определиться, что из себя представляет данное понятие, каковы его особенности, помогающие отграничить последнее от смежных юридических категорий.

Особенности формирования отраслей законодательства

Прежде всего следует различать такие понятия, как «отрасль права» и «отрасль законодательства», так же как систему права и систему законодательства. Вопрос о соотношении вышеназванных категорий – весьма сложный и дискуссионный в юридической науке, прошедший в своем развитии не один десяток лет. Ученые-юристы и практики, при общем единодушии в вопросе о необходимости различения отраслей права и отраслей законодательства, предлагают собственные, иногда противоположные критерии для подобного разграничения. Приведем некоторые из них.

Так, А.В. Четвернин полагает, что отрасли права различаются наукой (доктриной), а отрасли законодательства – законодателем на основе научных обобщений по мере развития правовых систем: «Совокупность отраслей права и совокупность отраслей правового законодательства объемлют один и тот же нормативно-правовой материал, но структурируют его по-разному. Различение отраслей правового законодательства дает более дробное и более сложное структурирование права» [Четвернин, 2003, с. 88]. Поверхностный анализ цитируемого материала может привести нас к ошибочному выводу о том, что если формирование отраслей права происходит объективно, на основе выявляемых наукой закономерностей, то образование отраслей законодательства зависит целиком и полностью от воли законодателя, так сказать «обусловлены его прихотью». Но это не совсем так.

В отечественной юридической доктрине не оспаривается тот факт, что формирование отраслей законодательства идет объективным путем под воздействием усложняющихся общественных отношений, влекущих увеличение правового регулирующего материала и обособление внутри традиционных отраслей права соответствующих подотраслей и сложных правовых институтов. Их как раз и использует законодатель в случае необходимости специфического регулятора для формирования самостоятельных отраслей российского законодательства.

Подобные процессы и границы законодательного усмотрения иллюстрирует следующее высказывание видного ученого-теоретика права Н.И. Матузова: «Конечно, субъективность системы законодательства всё же относительна, ибо она не может отрываться от объективных корней системы права, поэтому законодатель в своих желаниях и стремлениях вынужден действовать в заданных пределах» [Матузов, 2005, с. 331].

Современный исследователь отраслеобразования А.В. Леженин предлагает развернутую классификацию подходов к формированию отраслей законодательства, к которым он относит: 1) «доктринальный» подход, основанный на множественности национальных отраслей права; 2) «легистский» подход, предполагающий директивное установление отраслей законодательства по воле высших лиц государства; 3) либертарно-юридический подход с делением отраслей законодательства на «правовые» (обусловленные правом) и «неправовые» (установленные законодателем); 4) вытекающий из предыдущего подход, согласно которому отрасли законодательства «привязываются» к соответствующим отраслям права, и в особых случаях допускается формирование т. н. комплексных отраслей права [Леженин, 2019, с. 124].

Полагаем, что данные подходы системно характеризуют основные тенденции образования отраслей отечественной системы законодательства, при этом совершенно необязательно их разграничивать, поскольку в каждом отдельном случае при формировании конкретной отрасли законодательства на первый план может выходить или один подход, или другой. Более того, в данном вопросе мы разделяем точку зрения М.И. Байтина и Д.Е. Петрова, согласно которой в основе формирования отраслей

законодательства лежит структурно-функциональный подход, из составляющих которого структурный отвечает за выделение отраслей законодательства, выступающих внешним выражением отраслей права, а функциональный – за обособление отраслей, соответствующих основным направлениям (функциям) деятельности государства [Байтин, Петров, 2004, с. 33].

Соотношение отрасли права и отрасли законодательства

Дискуссия относительно определения понятия отрасли законодательства и ее соотношения с отраслью права в отечественном правоведении (сначала советском, потом российском, поскольку в этом аспекте между ними наблюдается четкое правопреемство) насчитывает практически столетие. Не вдаваясь в суть дискуссий относительно становления рассматриваемого нами понятия, заметим только, что юридическая наука по их итогам в 60-е гг. прошлого века выдвинула весьма важный и актуальный для настоящего времени тезис, согласно которому систематизация законодательства должна происходить на началах сближения его отраслей с отраслями права [Теоретические вопросы систематизации..., 1962].

Достаточно часто отрасль законодательства является правовой формой отрасли права, и тогда они соотносятся как форма и содержание, но это не всегда так. Это лишь один из вариантов соотношения. Например, гражданское право и гражданское законодательство, гражданское процессуальное право и гражданское процессуальное законодательство. В ряде случаев часть норм правовой отрасли находят свое выражение в одной (или нескольких) отраслях законодательства, соответствующих данной отрасли, а вторая часть – в одной или нескольких комплексных отраслях законодательства. Например, нормы гражданского и административного права содержатся в земельном, водном, экологическом законодательстве.

Не менее важным моментом в дифференциации правового материала по отраслям законодательства выступает наличие (отсутствие) кодификации как обязательного признака отрасли законодательства. Полагаем, что само по себе существование соответствующего кодекса не является основополагающим и исключительным признаком обособления соответствующей отрасли, иначе наличие признаваемых большинством ученых медицинского, образовательного, экологического и т. д. законодательства ставилось бы под вопрос, ибо кодексы по данным сферам отсутствуют.

Резюмируя вопрос о соотношении отрасли права и отрасли законодательства, справедливо заметить, что отрасль права можно определить как совокупность правовых норм, объединенных единым предметом, принципами и функциями, и направленных на регулирование специфическими способами и средствами качественно однородных общественных отношений. Соответственно, отрасль законодательства – это внешняя форма выражения правовой отрасли (комплексного, межотраслевого правового института), объективированная в системе нормативных правовых актов (включая кодифицированные), регулирующих определенную сферу общественных отношений.

Комплексные отрасли российского законодательства

Существование комплексных отраслей законодательства (наличие которых, в отличие от комплексных отраслей права, большинством ученых не оспаривается) обусловлено влиянием правотворческих процессов на систему законодательства и ее внутреннее строение – отрасли, институты и т. д. [Тонков, Синенко, 2016]

Достаточно детальную разработку учение о комплексных образованиях в праве получило в трудах С.С. Алексеева, который наряду с существованием основных (фундаментальных, профилирующих) отраслей права допускал комплексные образования, обязанные своим появлением целенаправленной работе по кодификации нормативного матери-

ла [Алексеев, 1981, с. 243]. Как известно, кодификация законодательства предусматривает не только внешнюю компоновку правового материала, но и значительную его внутреннюю обработку в соответствии со спецификой предмета правового регулирования. По словам ученого, «лишь кодифицированные комплексные акты, вносящие в правовую ткань новые элементы – специфические системные нормативные обобщения, – могут привести к тому, что складывается комплексное нормативное образование» [Алексеев, 1981, с. 253].

Однако правовые нормы, которые включаются кодификатором в новую особую общность (комплексное образование) не теряют свою связь с соответствующими отраслями права и не разрушают внутреннее строение последних, все также подчиняясь тем же методам, механизмам, принципам и режиму правового регулирования.

Соответственно, с нашей точки зрения, применительно к комплексным образованиям корректнее использовать термин не «комплексная отрасль права», а именно «комплексная отрасль законодательства», поскольку в основе формирования последней находятся не единые предмет, метод и режим правового регулирования, а соответствующий кодифицированный правовой акт и (или) группа «комплексных» правовых актов, регулирующих разнородные общественные отношения, связанных признаком функционального единства (например, Водный кодекс Российской Федерации, Лесной кодекс Российской Федерации).

Следовательно, есть все основания признать право национальной безопасности комплексной отраслью российского законодательства и представить свой авторский взгляд на его сущностно-содержательное наполнение.

Проблемы формирования и содержательного наполнения права национальной безопасности

Признавая структурирование права достаточно сложным по своей природе процессом, попытаемся выявить некоторые закономерности в образовании комплексных отраслей законодательства.

Для того, чтобы та или иная совокупность правовых норм составляла самостоятельную отрасль законодательства, необходимы следующие три условия:

- во-первых, централизация, а также большое социальное и общегосударственное значение регулируемых общественных отношений;
- во-вторых, самостоятельное законодательное регулирование данного комплекса общественных отношений в виде отдельных федеральных законов, кодексов;
- в-третьих, наличие специального метода правового регулирования, применяемого для данной группы общественных отношений [Чапчиков, 2012, с. 105].

Первые две названные нами закономерности определяют специфику предмета правового регулирования права национальной безопасности, третья – характеризует особенности приемов и способов осуществления правового воздействия на общественные отношения в сфере безопасности.

Для того, чтобы определить сферу централизации общественных отношений, составляющих предмет права национальной безопасности как отрасли российского законодательства, обратимся к Классификатору правовых актов, утвержденному Указом Президента РФ от 15.03.2000 № 511 (ред. от 28.06.2005)¹. Согласно данному документу в классификаторе выделяется специальный раздел 160.000.000 Безопасность и охрана правопорядка, куда входят такие подразделы, как общие положения в сфере обеспечения безопас-

¹ Указ Президента РФ от 15.03.2000 № 511 (ред. от 28.06.2005) «О классификаторе правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 20.03.2000. № 12. Ст. 1260.

ности государства, общества и личности; силы обеспечения безопасности (включающие уполномоченные действовать в данной сфере органы государственной власти); безопасность государства; безопасность общества (безопасность дорожного движения, информационная, пожарная, промышленная, радиационная, экологическая и др.); безопасность личности (паспортно-визовая служба, регистрационный учет); средства обеспечения безопасности (оперативно-разыскная деятельность; честная детективная и охранная деятельность, специальные средства и др.) и некоторые другие.

Предмет регулирования права национальной безопасности также очерчен в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности»: «основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее – безопасность, национальная безопасность), полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета Безопасности Российской Федерации»¹.

Даже самый беглый взгляд на представленный в Классификаторе правовых актов и Федеральном законе № 390-ФЗ перечень обуславливает не только централизацию, но и важное социальное и общегосударственное значение регулируемых общественных отношений. При этом круг анализируемых отношений составляет предмет правового регулирования норм различных по принадлежности отраслей права – конституционного, административного, гражданского, уголовного, экологического и других. Налицо тем самым комплексный характер права национальной безопасности как отрасли российского законодательства.

Относительно метода правового регулирования права национальной безопасности также оговоримся, что данная проблематика становилась темой нашего отдельного научного исследования [Беляев, Чапчиков, 2018]. Уточним лишь, что методы правового регулирования в сфере национальной безопасности мы определяем как обусловленную спецификой отрасли систему правовых средств, приемов и способов, с помощью которых упорядочиваются и охраняются общественные отношения. Метод данной отрасли имеет комплексный императивно-диспозитивный характер, с преобладанием императивных начал, обязывания, запрещения, дозволения (с обязательным указанием условий совершения определенных действий).

Что касается систематизированного характера совокупности правовых актов, составляющих источниковую базу данной отрасли российского законодательства, то здесь еще необходимо предпринять некоторые шаги, среди которых: а) создание единого понятийного аппарата в сфере национальной безопасности; б) уточнение принципов правового регулирования в указанной сфере (авторский взгляд на данную проблему отражен в отдельной статье [Чапчиков, 2017]); в) определение круга отношений и объектов правового регулирования, подлежащих включению в предмет права национальной безопасности; г) формирование системы законодательства на федеральном, региональном и местном уровнях и достижение ее сбалансированности; д) утверждение организационной основы обеспечения национальной безопасности в лице системы органов государственного управления в данной сфере; е) установление оснований, условий и форм юридической ответственности за противоправное поведение субъектов национальной безопасности; ж) детальное законодательное определение объектов национальной безопасности.

¹ Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 2.

Заключение

По итогам проведенного исследования полагаем необходимым в систематизированном виде изложить некоторые итоги и перспективы формирования и концептуализации права национальной безопасности как комплексной отрасли российского законодательства.

Проведенный анализ в сфере отечественного отраслевого образования последних десятилетий с очевидностью показывает, что классический подход к отраслевому делению (по предмету и методу правового регулирования) утратил свою строгость. Существенная модернизация и усложнение общественных отношений требует, наряду с системным, комплексного подхода к правовому регулированию; особенно это касается сферы государственного управления.

Объединение системы правовых норм, регулирующих отношения в сфере безопасности, является объективной закономерностью, поскольку национальная безопасность выступает категорией, опосредующей состояние защищенности национальных интересов, реализацию конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрану суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Право национальной безопасности как отрасль законодательства обладает, на наш взгляд, основными признаками комплексного образования – централизованным, имеющим большое общесоциальное и государственное значение предметом правового регулирования; необходимым объемом нормативного материала – правовых актов, на основе которого оказывается регулирующее воздействие (требующих дальнейшей концептуализации и систематизации); специализированным методом правового регулирования.

Считаем, что в результате научных исследований должна быть выстроена концептуальная модель права национальной безопасности, на основе которой следует упорядочить соответствующую нормативно-правовую базу и деятельность органов государственной власти в данном направлении. Совершенствование правового регулирования в сфере обеспечения национальной безопасности следует строить на основах комплексности и системности построения правового материала, в противном случае достичь общегосударственных целей правового обеспечения национальной безопасности и эффективной реализации национальных интересов не представляется возможным.

Список литературы

- Алексеев С.С. 1981. Общая теория права: Курс: В 2 т. Т. 1. Москва: Юридическая литература, 359 с.
- Байтин, М.И., Петров Д.Е. 2004. Соотношение отрасли права и отрасли законодательства. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 4(255): 29-40.
- Беляев В.П., Чапчиков С.Ю., 2018. Национальная безопасность и механизм ее обеспечения: общетеоретический ракурс. М., Юстиционформ. 258 с.
- Беляева, Г.С. 2012. Правовой режим как комплексное средство правовой политики. *Правовая политика и правовая жизнь*, 3: 16–20.
- Вербицкая Т.В., 2015. Национальная безопасность как институт конституционного права. М., Мир науки 94 с.
- Иншаков С.М. 2022. Формирование права национальной безопасности: методологические проблемы. *Научный портал МВД России*, 3 (59): 7–13.
- Леженин А.В. 2019. Отрасли законодательства: подходы к формированию и развитию. *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*, 5-3: 120–125.
- Путинцев А.В. 2020. Право национальной безопасности: институт, отрасль, правовой режим. *Вопросы безопасности*, 4: 17–27.
- Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. 1962. Под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М., Госюриздат. 575 с.
- Тонков Е.Е., Синенко В.С. 2016. Комплексные отрасли права: проблемы формирования и структурирования (часть 2). *Современное общество и право*, 1(22): 3–13.

- Фомин А.А. 2023. Правовое обеспечение национальных интересов и национальной безопасности как самостоятельный модуль в структуре высшего юридического образования. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 3(63): 169–172.
- Хабриева Т.Я. 2019. Циклические нормативные массивы в праве. *Журнал российского права*, 12: 5–18. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.1
- Хохлова Е. М., 2017. Правовой режим как общетеоретическая категория. *Проблемы в российском законодательстве*, 6: 139–141.
- Чапчиков С.Ю. 2012. Становление новой комплексной отрасли права – права национальной безопасности. *Известия Юго-Западного государственного университета*, 4–1: 102–112.
- Чапчиков С.Ю., 2017. Принципы механизма обеспечения национальной безопасности. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 6(85): 70–73.

References

- Alekseev S.S. 1981. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. V. 1. Moscow: YUridicheskaya literatura. 359 p.
- Bajtin, M. I., Petrov D.E., 2004. Sootnoshenie otrasli prava i otrasli zakonodatel'stva [The ratio of the branch of law and the branch of legislation]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 4(255): 29–40.
- Belyaev V.P., Шапчиков S.YU. 2018. Nacional'naya bezopasnost' i mekhanizm ee obespecheniya: obshcheteoreticheskij rakurs [National security and the mechanism of its provision: a general theoretical perspective]. M., YUsticionform. 258 p.
- Belyaeva, G.S. 2012. Pravovoj rezhim kak kompleksnoe sredstvo pravovoj politiki [The legal regime as a comprehensive means of legal policy.]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 3: 16–20.
- Verbickaya T.V. 2015. Nacional'naya bezopasnost' kak institut konstitucionnogo prava [National security as an institution of constitutional law]. Moscow: Mir nauki 94 p.
- Inshakov S.M., 2022. Formirovanie prava nacional'noj bezopasnosti: metodologicheskie problem [Formation of national security law: methodological problems]. *Nauchnyj portal MVD Rossii*, 3(59): 7–13.
- Lezhenin A.V. 2019. Otrasli zakonodatel'stva: podhody k formirovaniyu i razvitiyu [Branches of legislation: approaches to formation and development]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii*, 5-3: 120–125.
- Putincev A.V. 2020. Pravo nacional'noj bezopasnosti: institut, otrasl', pravovoj rezhim [National security law: institute, branch, legal regime]. *Voprosy bezopasnosti*, 4: 17–27.
- Teoreticheskie voprosy sistematizacii sovetskogo zakonodatel'stva [Theoretical issues of systematization of Soviet legislation], 1962 / Edited by S. N. Bratusya, I. S. Samoshchenko. Moscow: Gosyurizdat. 575 p.
- Tonkov E.E., Sinenko V.S. 2016. Kompleksnye otrasli prava: problemy formirovaniya i strukturirovaniya (chast' 2) [Complex branches of law: problems of formation and structuring (part 2)]. *Sovremennoe obshchestvo i pravo*, 1(22): 3–13.
- Fomin A.A. 2023. Pravovoe obespechenie nacional'nyh interesov i nacional'noj bezopasnosti kak samostoyatel'nyj modul' v strukture vysshego yuridicheskogo obrazovaniya [Legal support of national interests and national security as an independent module in the structure of higher legal education]. *YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, 3(63): 169–172 (in Russian).
- Habrieva T.YA. 2019. Ciklicheskie normativnye massivы v prave [Cyclic normative arrays in law]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 12: 5–18.
- Hohlova E.M. 2017. Pravovoj rezhim kak obshcheteoreticheskaya kategoriya [The legal regime as a general theoretical category]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 6: 139–141 (in Russian).
- Шапчиков S.YU. 2012. Stanovlenie novoj kompleksnoj otrasli prava – prava nacional'noj bezopasnosti [The formation of a new complex branch of law – national security law]. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 4–1: 102–112 (in Russian).
- Шапчиков S.YU. 2017. Principy mekhanizma obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Principles of the mechanism for ensuring national security.]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 6(85): 70–73.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2023
Поступила после рецензирования 03.12.2023
Принята к публикации 30.01.2024

Received September 03, 2023
Revised December 03, 2023
Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чапчиков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey Yu. Chapchikov, Doctor of Law, associate professor, Professor of the Department of State Theory and History and Law, Southwestern State University, Kursk, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ **HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY**

УДК 32

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-129-138

Роль информационной политики в управлении государством и формировании национальной безопасности

Ковалев А.А.

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Россия, 199178, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43
kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Перед современным государством стоит задача по организации жизнеспособного общественно-государственного диалога, обеспечению собственной устойчивости и удержанию контроля над гражданским обществом с помощью регулирования такого значимого элемента государственного управления, как информационная политика. Широкие возможности, предоставляемые информационным развитием современному обществу, одновременно несут и высокие риски, преодолеть которые возможно с помощью сочетания инноваций и традиций, а также повышения управляемости с целью контроля информационных потоков и информационного развития общества и государства в целом. Комплексных исследований на рассматриваемую тему в настоящее время нет. При этом теоретико-методологические разработки по каждому из направлений, входящих в эту тему (государственная политика, информационная политика и национальная безопасность), могут стать основой для дальнейшего их изучения в совокупности с ориентацией на конъюнктурные изменения в различных областях жизнедеятельности. В данной работе впервые представлено комплексное исследование роли информационной политики как в управлении государством, так и в формировании национальной безопасности, которая является неотъемлемым условием сохранения устойчивости государственной власти и самого государства в целом. Автор делает заключение, что на современном этапе развития общества информационная политика является неотъемлемой частью государственной политики и должна быть одной из важнейших областей контроля со стороны государства. Для сохранения своей устойчивости государство обязано не только формировать информационную политику, но и заниматься постоянным ее развитием с учетом как технологических инноваций, так и национальных принципов, обычаев и традиций с целью сохранения у представителей данного гражданского общества национальной идентичности и корректного с позиции государства мировоззрения.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, государственное управление, национальная идентичность

Для цитирования: Ковалев А.А. 2024. Роль информационной политики в управлении государством и формировании национальной безопасности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 129–138. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-129-138

The Role of Information Policy in the State Management and National Security Formation

Andrey A. Kovalev

Northwestern Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation
57/43 Sredny V.O. Av., St. Petersburg 199178, Russian Federation
kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. Information policy in government plays a significant role, which should be investigated and taken into account in the formation and development of the national policy of the country. Thus, the modern state faces the responsible task of organizing a viable public-state dialogue, ensuring its own stability and maintaining control over civil society by regulating such an important element of public administration as information policy. The purpose of the study was to determine the role and importance of information policy in the field of public administration and national security. The work is based on a systematic approach to the study of information policy, which allows us to consider it as an important part of public administration in the context of ensuring national security. The broad opportunities provided by information development to modern society at the same time carry high risks, which can be overcome by combining innovations and traditions, as well as increasing manageability in order to control information flows and information development of society and the state as a whole. There are currently no comprehensive studies on the topic under consideration. At the same time, theoretical and methodological developments in each of the areas included in this topic (state policy, information policy and national security) can become the basis for further study of them in conjunction with orientation to conjunctural changes in various areas of life. The article presents for the first time a comprehensive study of the role of information policy both in state governance and in the formation of national security, which is an essential condition for maintaining the stability of state power and the state itself as a whole. The author concludes that at the present stage of society's development, information policy is an integral part of state policy and should be one of the most important areas of state control. In order to maintain its stability, the state is obliged not only to form an information policy, but also to engage in its constant development, taking into account both technological innovations and national principles, customs and traditions in order to preserve national identity and a correct worldview from the position of the state among representatives of this civil society.

Keywords: information, information technology, public administration, national identity

For citation: Kovalev A.A. 2024. The Role of Information Policy in the State Management and National Security Formation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 129–138 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-129-138

Введение

Информационная политика в управлении государством играет значительную роль, которая должна быть исследована и учтена в формировании и развитии национальной политики страны. Информационная политика является нематериальной постоянно изменяющейся и развивающейся в рамках государственной политики категорией, требующей хорошей ориентации власти в тенденциях трансформации как видов информации, так и информационных технологий в мировом пространстве. Государство, уделяющее должное внимание формированию информационной политики и контролю за исполнением основных принципов, заложенных в нее, способно обеспечить свою устойчивость к внешним и внутренним силам влияния на гражданское общество, направленным на дискредитацию или разрушение государственной власти.

Информационное развитие расширяет границы в разных областях жизнедеятельности общества и государства. Оно направляет общественное развитие, позволяет государству оптимизировать и упорядочить процессы управления, а также налаживать общественно-

государственный диалог. Однако широкие возможности одновременно несут и высокие риски, преодолеть которые возможно с помощью сочетания инноваций и традиций, а также повышения управляемости с целью контроля информационных потоков и информационного развития общества и государства в целом. Таким образом, информационная политика является одной из наиболее актуальных областей государственного управления и становится важным аспектом в обеспечении национальной безопасности.

Информационная политика является предметом различных научных исследований. В последние годы исследовательский интерес к ней возрастает, потому что информационное развитие во всех областях становится неотъемлемым качеством современного общества. Так, среди последних работ можно назвать труды таких авторов, как О.Ф. Волочаева [Волочаева, 2020], Е. Долженкова и др. [Долженкова, Межевич, Хлутков, 2022], Л.Р. Эльбиева [Эльбиева, 2023] и мн. др. Особую актуальность в контексте настоящего исследования представляют труды, посвященные соотношению информационной политики (в том числе информационной безопасности) и государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Среди них работы М.М. Кучерявого [Кучерявый, 2013; Кучерявый, 2014], Д.В. Перковой и А.Н. Худолева [Перкова, Худолеев, 2017], О.А. Судоргина и др. [SudorGIN, Ivanov, Nitsevich, Nesterchuk, 2023], Н.В. Фролова [Фролов, 2016] и пр.

Рассмотрение информационной политики как важной части государственного управления в контексте обеспечения национальной безопасности только начинает входить в сферу научных интересов современных исследователей. Поэтому комплексных исследований на эту тему в настоящее время нет. Безусловно, теоретико-методологические разработки по каждому из этих направлений могут стать основой для дальнейшего их изучения в совокупности с ориентацией на конъюнктурные изменения в различных областях жизнедеятельности.

Целью исследования является определение роли и значения информационной политики в сфере государственного управления и национальной безопасности.

Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении роли информационной политики как в управлении государством, так и формировании национальной безопасности, которая является неотъемлемым условием сохранения устойчивости государственной власти и самого государства в целом.

В ходе исследования были использованы материалы научных трудов отечественных и зарубежных исследователей в области философской антропологии, социологии и политологии, в том числе, работы В.М. Родачина, Г.Л. Купряшина, А. Моля, А.И. Стрельцова, С. Брамман (S. Braman), М. Мейсона (M.G. Mason), П. Палери (P. Paleri).

Информационная политика как часть государственной политики

Информационная политика – это совокупность всех государственных законов, постановлений и политик, которые поощряют, препятствуют или регулируют создание, использование, хранение, доступ, а также передачу и распространение информации [Weingarten, 1989, p. 97]. По мнению Сандры Брамман, она охватывает любую другую практику принятия решений с общеорганизационными усилиями, которые связаны с потоком информации и тем, как она обрабатывается [Braman, 2011].

Есть несколько фундаментальных составляющих информационной политики. Наиболее важной является область государственной политики, связанная с использованием информации для демократизации и коммерциализации общественной жизни. К ней относятся цифровая среда, интеллектуальная собственность, экономическое регулирование, свобода выражения мнений, конфиденциальность информации, информационная безопасность, управление доступом и регулирование процесса распространения публичной информации.

Определенные категории информации имеют особое значение для информационной политики, так как представляют интерес для населения и позволяют ему получать данные

(информацию) о важных областях жизнедеятельности. К ним относятся новостная информация, информация о состоянии здоровья и информация о переписи населения.

Информационная политика является центральной проблемой современных информационных обществ. По мере того как страны совершают переход от индустриализма к постиндустриализму, информационные проблемы становятся все более актуальными. По словам социолога Дэниела Белла, сейчас важна не грубая сила, а информация [Bell, 1973, p. 37]. В то время как все виды современных обществ в той или иной степени основаны на информации, информационные общества почти полностью зависят именно от компьютеризированной информации. Марк Ури Порат, первый исследователь, использовавший термин «информационная политика», писал, что «основой информационной экономики, новым центральным фактом реальности является компьютер. Его способность манипулировать информацией и обрабатывать ее представляет собой фундаментальный отход от человеческих способностей, а сочетание компьютера с телекоммуникациями создает «политические проблемы будущего» [Porat, 1976, p. 205].

Информационная политика стала важной областью изучения во второй половине XX века, когда произошел переход от индустриального общества к информационному. Она превратилась из второстепенной в имеющую всеобъемлющее стратегическое значение, поскольку теперь определяет условия, «при которых происходит принятие всех других решений, публичный дискурс и политическая активность» [Braman, 2011].

Хотя информационная политика, как правило, имеет более широкое определение и включает в себя множество компонентов, ее масштабы и воздействие могут варьироваться в зависимости от контекста. Например, в контексте жизненного цикла информации данный вид политики относится к законам, которые касаются трансферных этапов, начиная с ее создания, через ее сбор, организацию, распространение и, наконец, ее уничтожение [Mason, 1983, p. 77]. С другой стороны, информационная политика позволяет субъектам государственного управления адаптироваться к быстро меняющейся среде и использовать информацию для принятия решений [Троянская, 2020]. Можно видеть, что эти два контекста предлагают различные области применения понятия «информационная политика».

Информационная политика представляет собой комбинацию нескольких различных научных областей деятельности общества, включая информатику, экономику, юриспруденцию и государственную политику. Информационные науки сосредоточены на технических достижениях и том, как они влияют на информационную политику, в то время как, например, право на неприкосновенность частной жизни и интеллектуальная собственность являются не менее важной составляющей информационной политики [Hill, 1995].

Информационная политика является частью государственной политики. В свою очередь, государственная политика немаловажна без информации, т. к. предусматривает, например, работу по предварительному сбору необходимых данных, которые направлены на то, чтобы помогать ответственным лицам принимать решения, и изучение различных процессов, направленных на улучшение систем, влияющих на формирование политики [Hodwood, 1989, p. 29].

Очевидно, что каждое отдельно взятое государство строит свою политику, исходя из уникальных свойств собственной культуры, истории, актуальных проблем и потребностей и прочих факторов. Однако общим для всех государств в сфере формирования и реализации государственной политики является прохождение минимум трех основных этапов, среди которых формулирование целей и задач, практическая реализация и оценка полученных результатов. Каждый из названных этапов дополняется промежуточными стадиями в зависимости от поставленных целей. В процессе разработки и реализации государственной политики важно максимально учесть интересы всех заинтересованных акторов, необходимо сформулировать актуальность и своевременность принимаемых политических решений в конкретной сфере, разработать альтернативу, возможные сценарии. Для этого требуется проработка и совершенствование информационной политики, способствующей быстрой передаче необходимой информации акторам.

Информационная политика в системе национальной безопасности

Таким образом, государственная политика представляет собой комплекс мероприятий, проводимых на государственном уровне, удовлетворяющих запросы различных акторов и представляющих их интересы на высшем уровне, решающих проблемы в конкретных областях общественно-государственной жизни как внутри страны, так и за ее пределами. Комплекс всех проводимых государственных политик – в социальной сфере, сфере политики, экономики, права, культуры – входит в общую систему национальной политики государства, то есть государственная политика является частью общей политики в стране, направленной на решение конкретных вопросов в определенный промежуток времени, что требует оперативности, защищенности и верификации информации, предоставляемой для эффективного функционирования.

При этом эффективную государственную политику отличает соответствие четко сформулированным демократическим целям с привлечением к их разработке общества, частного сегмента и профессионалов в каждом обсуждаемом вопросе. Она должна содержать планирование, согласование ресурсов, обсуждение и прогноз результатов и альтернатив [Lahera Parada, 2004, p. 12]. Государственная политика всегда должна ориентироваться на конъюнктуру в каждой из областей жизнедеятельности, т. к. она направлена на решение конкретных назревших в определенной сфере общественных отношений проблем и задач. Демократические основы государственной политики предполагают не только многоканальность доступа к информации, но и ее постоянную верификацию на предмет искусственного искажения, альтернативного трактования, подделки в форме дезинформации и удаления из информационного поля. Поэтому государственная политика при продвижении демократической повестки крайне нуждается в хорошо проработанной информационной политике, которая, в свою очередь, соответствует принципам национальной безопасности государства.

Отметим, что основной вектор государственной политики в современной России сменился в период распада Советского Союза и перехода российской экономики от административно-плановой к рыночной модели, а также появилась возможность перенимать опыт передовых западных государств в сфере всей системы государственного управления [Позднякова, 2015]. Однако западные модели предполагают активное взаимодействие в процессе принятия решений множества заинтересованных акторов, в том числе и гражданского общества, которое в нашей стране не было развито, поэтому государственная политика в подобных условиях воплощается не как ответ на реальные запросы из внешней среды, а как воля представителей власти и властных институтов. Информационная политика государства вообще не была сформулирована, поэтому позволяла реализовывать не столько транспарентность мнений, сколько комплекс одностороннего влияния на гражданское общество и акторов власти.

В дальнейшем активность гражданского общества стала возрастать, что позволило говорить о развитии институтов демократии в государственном управлении. Однако данный процесс не развился в полной мере, т. к. российский национальный менталитет исторически тяготеет к иерархии, бюрократии, централизованной власти и соборности. Нередко бюрократия оказывает гораздо большее влияние на формирование и реализацию государственной политики, чем население. Так, по мнению профессора кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления МГУ им. М.В. Ломоносова Г.Л. Купряшина, в России действует так называемая бюрократическая модель принятия решений [Купряшин, 2012, с. 135]. Следовательно, исторически российская информационная политика также во многом не совпадает с западной моделью, предусматривающей хотя бы визуальную полную свободу прессы и информационных потоков, право на приватность, но в то же время и право на информацию о том, что может считаться актуальным для общества или государства. В российском обществе сохраняется принцип высокого уровня доверия «официальной» информации, которую генерирует власть. Тем самым аль-

тернативные информационные потоки постепенно становятся неформальными для гражданского общества и воспринимаются либо как категория интересного, либо как категория «дезинформации». Во многом именно эта тенденция и закладывается в механизмы контроля за информацией со стороны национальной безопасности.

В современной научной литературе имеется ряд разночтений относительно того, как классифицировать государственную политику. Так, профессор В.М. Родачин утверждает, что, согласно документам и данным из научной литературы, можно выделить более 50 видов государственной политики в различных областях регулирования [Родачин, 2021]. Следовательно, различные авторы выделяют разные критерии для такой классификации. В рамках данного исследования наиболее подходящим является критерий дифференциации государственной политики по сферам и объектам целеполагания, планирования и регулирующего воздействия, согласно которому государственная политика делится:

- 1) на экономическую – аграрную, промышленную, налоговую и т. д.;
- 2) на социальную – национальную, демографическую, молодежную и т. д.;
- 3) на национальной безопасности – военную, информационную, правоохранительную и т. д. [Родачин, 2021].

Следовательно, в сферу государственной политики национальной безопасности входят военная и информационная политики, объединяющий смысл которых сходится на предотвращении войны (ее недопущения). Информационная политика государства в сфере национальной безопасности направлена на предотвращение начала войны, а война – это угроза для национального менталитета.

Как говорилось выше, одной из важнейших составляющей информационной политики государства является информация. Современная наука дает множество определений категории «информация». Так, Леон Бриллюэн рассматривал информацию как отрицание энтропии [Бриллюэн, 2006, с. 46]. Для Норберта Винера информация – это обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему [Винер, 2003, с. 56]. В передаче разнообразия окружающего мира видел суть информации Уильям Эшби [Ashby, 1962]. Информация – мера сложности структур, по мнению Абраама Моля [2008, с. 125]. Информация – коммуникация и связь, осуществляя которую устраняется неопределенность, считал Клод Шеннон [1963, с. 45-46]. Большинство зарубежных ученых, изучающих проблемы информации и информационной политики, придерживаются схожего с Клодом Шенноном понимания информации. Об этом пишет Петер Кайнц в своей работе «Неограниченные возможности? Проблемы и апории индивидуализма» [Kainz, 2012, p. 74].

Необходимо уточнить, что ни одно из представленных определений не может считаться правильным или исчерпывающим, т. к. в каждом из них раскрывается определенная специфическая черта полиаспектного явления под названием информация, связанная с той или иной сферой общественной жизнедеятельности, среди которых и политическая сфера. С прагматической точки зрения, информация – это сведения, которые включаются в имеющиеся данные, предназначенные для практического использования. Информация помогает ее получателю освободиться от неопределенности в процессе принятия решения. Именно с помощью информации становится возможным наладить адекватную коммуникацию, предполагающую обратную связь между государством и обществом, а также иными акторами, так или иначе имеющими отношение к проведению государственной политики в той или иной сфере. Особенностью государственной информационной политики является обеспечение обратной связи с обществом посредством налаживания качественного информационного обмена с различными акторами на предмет выявления их потребностей и запросов. Следовательно, именно устранение неопределенности является главным фактором, отличающим информацию от обычных данных.

Согласно А.И. Стрельцову, информационная политика государства имеет три объекта в зависимости от поставленных целей:

1) все процессы и явления, которые связаны с развитием общества в информационной сфере;

2) гарантии и обеспечение свободы массовой информации, которые становятся реальными в результате расширения возможностей для граждан в области доступа к информации;

3) возможности технического оснащения граждан, которые расширяют информационную инфраструктуру [Стрельцов, 2010].

Следовательно, это требует от государственного управления технологического совершенствования и в то же время модернизации механизмов и методов национальной безопасности, чтобы информационная политика, с одной стороны, развивалась в рамках потребности гражданского общества в доступности информации, а с другой стороны, не становилась оружием влияния внешних сил на представителей данного общества и тем более на такие категории, как молодежь и сотрудники государственного и муниципального аппарата. В связи с этим необходимо уточнить понятие национальной безопасности. Вальтер Липман дал первое структурное понятие национальной безопасности как процесса опасения нации за свою безопасность, за чем следует необходимость жертвования своими законными интересами, чтобы избежать войны, и фактора способности в случае необходимости поддержать интересы с помощью войны [Romm, 1993, p. 5]. Группа исследователей с участием Арнольда Оскара Вулферса расширила это понятие, определив, что «национальная безопасность объективно означает отсутствие угроз приобретенным ценностям, а субъективно – отсутствие страха, что такие ценности подвергнутся нападению» [Wolfers, Nitze, King, 1959, p. 27]. Прабахакан Палери в 2008 году объединил различные направления трактовки феномена национальной безопасности и определил, что это «поддающееся измерению состояние способности нации преодолевать многомерные угрозы очевидному благополучию своего народа и выживанию как национального государства в любой момент времени, уравнивая все инструменты государственной политики посредством управления» [Paleri, 2008, p. 52].

В разряд угроз входит несовершенство информационной политики государства. Например, в Российской Федерации на протяжении более чем 30 лет информационная политика предусматривала достаточно широкие возможности для различных центров генерации информационных потоков и сфер влияния. Это привело к тому, что гражданское общество стало получать одну и ту же информацию из десятков источников в различной интерпретации и трактовке, что породило тяжелейшие последствия в формах социального извращения, потери национальной идентичности, искажения мировоззрения. Это, в свою очередь, стало подрывать основы государственности, исторической традиции соборности [Vitruk, Buychik, 2021], снижать уровень доверия к власти, т. к. началась массированная атака по её дискредитации. В этих условиях роль разработки и применения эффективных механизмов и методов национальной безопасности в рамках государственной политики в сфере информации стала не только актуальной с точки зрения времени, но с точки зрения устойчивости российского государства и его выживания.

Заключение

Таким образом, на современном этапе развития общества информационная политика является неотъемлемой частью государственной политики и должна быть одной из важнейших областей контроля со стороны государства как часть структуры национальной безопасности. Для сохранения своей устойчивости государство обязано не только формировать информационную политику, но и заниматься постоянным ее развитием с учетом как технологических инноваций, так и национальных принципов, обычаев и традиций с целью сохранения у представителей данного гражданского общества национальной идентичности и корректного с позиции государства мировоззрения.

Информационная политика основывается на принципах развития информации, информационных технологий и компьютерных технологий. Информация сама по себе

трансформируется из печатной в цифровую, при этом сохраняя основные категории – символичность и вербальность – что способствует достаточно хорошей адаптации механизмов и методов обеспечения национальной безопасности в сфере информационной политики. Однако развитие информационных технологий с каждым десятилетием ускоряется, в том числе и методы информационного воздействия на индивида. Поэтому именно информационные технологии становятся главной проблемой государственного управления в сфере национальной безопасности, что, в свою очередь, требует постоянного развития и совершенствования механизмов и методов обеспечения национальной безопасности в сфере контроля за исполнением информационной политики.

Список литературы

- Бриллюэн Л. 2006. Научная неопределённость и информация. М., Наука, 272 с.
- Винер Н. 2003. Творец и Будущее. М., АСТ, 733 с.
- Волочаева О.Ф. 2020. Активность акторов политики в информационном обществе: практики и тенденции развития. *Евразийский союз ученых*, 5-11(74): 54–57.
- Долженкова Е., Межевич Н.М., Хлутков А.Д. 2022. Секьюризация информационной политики: обобщая накопленный опыт 2022 года. *Управленческое консультирование*, 12(168): 10–17.
- Купряшин Г.Л. 2012. Модернизация государственного управления: институты и интересы. М., Издательство Московского университета, 312 с.
- Кучерявый М.М. 2013. Основные факторы влияния политики информационной безопасности на национальную безопасность современной России. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 14: 164–168.
- Кучерявый М.М. 2014. Роль информационной составляющей в системе политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 164: 155–163.
- Мараховский Е.Л. 2018. К вопросу методологий исследования современной информационной политики. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*, 2: 86–91.
- Моль А. 2008. Социодинамика культуры. М., Издательство ЛКИ, 416 с.
- Перкова Д.В., Худолеев А.Н. 2017. Информационная безопасность и противодействие экстремизму в контексте реализации государственной национальной политики. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, 3(38): 74–81.
- Позднякова А.Э. 2015. Особенности разработки и реализации государственной политики в России. *Теория и практика общественного развития*, 17: 122–124.
- Родачин В.М. 2021. Феномен государственной политики: сущность и виды. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*, 6(11): 46–53.
- Стрельцов А.И. 2010. Государственная информационная политика: основы теории. М., МЦНМО, 107 с.
- Троянская М.А. 2020. Зарубежный опыт информационного обеспечения деятельности органов государственного управления. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 2(31): 340–343.
- Фролов Н.В. 2016. Проблемы реализации государственной политики России в сфере информационной безопасности. *Теории и проблемы политических исследований*, 4: 84–96.
- Шеннон К. 1963. Работы по теории информации и кибернетике. М., Изд-во иностранной литературы, 832 с.
- Эльбивеа Л.Р. 2023. Государственная информационная политика Российской Федерации. *Тенденции развития науки и образования*, 98-6: 135–138.
- Ashby W.R. 1962. Principles of the self-organizing system. *Principles of Self-Organization: Transactions of the University of Illinois Symposium*, H. Von Foerster and G. W. Zopf, Jr. (eds.), Pergamon Press: London, UK, pp. 255–278.
- Bell D. 1973. *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting*. N.Y., Publ. Basic Books, 507 p.
- Braman S. 2011. Defining information policy. *Journal of Information Policy*, 1(1): 1–5.
- Hill M. W. 1995. Information Policies: premonitions and prospects. *Journal of Information Science*, 21(4): 273–282.
- Hodwood B., Gunn L. 1989. *Policy Analysis of the Real World*. Publ. Oxford University Press, 289 p.

- Kainz P. 2012. Unbegrenzte Möglichkeiten? Probleme und Aporien des Individualismus. Baden-Baden, Publ. Nomos, 367 p.
- Mason M.G. 1983. The federal role in library and information services. White Plains, N.Y., Knowledge Industry Publishers Inc., 150 p.
- Lahera Parada E. 2004. Política y política pública. Santiago, Publ. Naciones Unidas, CEPAL, División de Desarrollo Social, 32 p.
- Paleri P. 2008. National security: Imperatives and challenges. New Delhi, Publ. Tata McGraw-Hill, 285 p.
- Porat M.U. 1976. The Information Economy. Washington, Publ. Office Press, 118 p.
- Romm J.J. 1993. Defining national security: the nonmilitary aspects. Pew Project on America's Task in a Changed World (Pew Project Series). New York, Council on Foreign Relations, 122 p.
- Sudorgin O., Ivanov V., Nitsevich V., Nesterchuk O. 2023. Information policy as a resource for state management. *UPRAVLENIE / MANAGEMENT (Russia)*, 11: 139–148.
- Weingarten F.W. 1989. Federal Information Policy Development: The Congressional perspective. In: C. McClure, P. Hernon, and H. Relyea (Eds.), United States Government Information Policies: views and Perspectives. N.J., Norwood, Publ. Ablex, 349 p.
- Wolfers, A.O., Nitze, P.H., King, J.E. 1959. Developments in military technology and their impact on United States strategy and foreign policy. Washington Center of Foreign Policy Research for U.S. Senate Foreign Relations Committee, 73 p.

References

- Brilluen L. 2006. Nauchnaya neopredelennost' i informatsiya [Scientific Uncertainty and Information]. M., Nauka, 272 p.
- Viner N. 2003. Tvorts i Budushchee [The Creator and the Future]. M., AST, 733 p.
- Volocheva O.F. 2020. Aktivnost' aktorov politiki v informatsionnom obshchestve: praktiki i tendentsii razvitiya [Political Actors' Activity in the Information Society: Practices and Development Trends]. *Eurasian Union of Scientists*, 5-11(74): 54–57.
- Dolzhenkova E., Mezhevich N.M., Khlutkov A.D. 2022. Sek'yurizatsiya informatsionnoy politiki: obobshchaya nakopleny opyt 2022 goda [Securitization of Information Policy: Summarizing the Accumulated Experience of 2022]. *Management Consulting*, 12(168): 10–17.
- Kupryashin G.L. 2012. Modernizatsiya gosudarstvennogo upravleniya: instituty i interesy [Modernization of Public Administration: Institutions and Interests]. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 312 p.
- Kucheryavy M.M. 2013. Osnovnye faktory vliyaniya politiki informatsionnoy bezopasnosti na natsional'nuyu bezopasnost' sovremennoy Rossii [Key Factors of the Influence of Information Security Policy on the National Security of Modern Russia]. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 14: 164–168.
- Kucheryavy M.M. 2014. Rol' informatsionnoy sostavlyayushchey v sisteme politiki obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [The Role of the Information Component in the System of Policy Ensuring the National Security of the Russian Federation]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 164: 155–163.
- Marakhovskiy E.L. 2018. K voprosu metodologiy issledovaniya sovremennoy informatsionnoy politiki [On the Issue of Methodologies of Studying Modern Information Policy]. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2: 86–91.
- Mol A. 2008. Sotsiodinamika kul'tury [Sociodynamics of Culture]. M., Izdatel'stvo LKI, 416 p.
- Perkova D.V., Khudoleev A.N. 2017. Informatsionnaya bezopasnost' i protivodeystvie ekstremizmu v kontekste realizatsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki [Information Security and Counteraction to Extremism in the Context of the Implementation of State National Policy]. *Questions of National and Federal Relations*, 3(38): 74–81.
- Pozdnyakova A.E. 2015. Osobennosti razrabotki i realizatsii gosudarstvennoy politiki v Rossii [Features of the Development and Implementation of State Policy in Russia]. *Theory and Practice of Social Development*, 17: 122–124.
- Rodachin V.M. 2021. Fenomen gosudarstvennoy politiki: sushchnost' i vidy [The Phenomenon of State Policy: Essence and Types]. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 6(11): 46–53.
- Streltsov A.I. 2010. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika: osnovy teorii [State Information Policy: Fundamentals of Theory]. M., MCNMO, 107 p.
- Troyanskaya M.A. 2020. Zarubezhny opyt informatsionnogo obespecheniya deyatelnosti organov gosudarstvennogo upravleniya [Foreign Experience in Information Support of the Activities of

- Public Administration Bodies]. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, 2(31): 340–343.
- Frolov N.V. 2016. Problemy realizatsii gosudarstvennoy politiki Rossii v sfere informatsionnoy bezopasnosti [Problems of Implementation of Russia's State Policy in the Field of Information Security]. *Theories and Issues of Political Studies*, 4: 84–96.
- Shannon K. 1963. Raboty po teorii informatsii i kibernetike [Works on the Theory of Information and Cybernetics]. M., Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 832 p.
- Elbivea L.R. 2023. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika Rossiyskoy Federatsii [State Information Policy of the Russian Federation]. *Trends in Science and Education*, 98-6: 135–138.
- Ashby W.R. 1962. Principles of the self-organizing system. In: Principles of Self-Organization: Transactions of the University of Illinois Symposium, H. Von Foerster and G. W. Zopf, Jr. (eds.), Pergamon Press: London, UK, pp. 255–278.
- Bell D. 1973. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, 507 p.
- Braman S. 2011. Defining information policy. *Journal of Information Policy*, 1(1): 1–5.
- Hill M.W. 1995. Information Policies: Premonitions and Prospects. *Journal of Information Science*, 21(4): 273–282.
- Hodwood B., Gunn L. 1989. Policy Analysis of the Real World. Oxford University Press, 289 p.
- Kainz P. 2012. Unbegrenzte Möglichkeiten? Probleme und Aporien des Individualismus. Baden-Baden, Nomos, 367 p.
- Mason M.G. 1983. The Federal Role in Library and Information Services. White Plains, N.Y., Knowledge Industry Publishers Inc., 150 p.
- Lahera Parada E. 2004. Política y política pública. Santiago, Naciones Unidas, CEPAL, División de Desarrollo Social, 32 p.
- Paleri P. 2008. National Security: Imperatives and Challenges. New Delhi, Tata McGraw-Hill, 285 p.
- Porat M.U. 1976. The Information Economy. Washington, Office Press, 118 p.
- Romm J.J. 1993. Defining National Security: The Nonmilitary Aspects. Pew Project on America's Task in a Changed World (Pew Project Series). New York, Council on Foreign Relations, 122 p.
- Sudorgin O., Ivanov V., Nitsevich V., Nesterchuk O. 2023. Information policy as a resource for state management. *UPRAVLENIE / MANAGEMENT (Russia)*, 11: 139–148.
- Weingarten F.W. 1989. Federal Information Policy Development: The Congressional Perspective. In: C. McClure, P. Hemon, and H. Relyea (Eds.), United States Government Information Policies: Views and Perspectives. N.J., Norwood, Ablex, 349 p.
- Wolfers, A.O., Nitze, P.H., King, J.E. 1959. Developments in Military Technology and Their Impact on United States Strategy and Foreign Policy. Washington Center of Foreign Policy Research for U.S. Senate Foreign Relations Committee, 73 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2023

Поступила после рецензирования 03.12.2023

Принята к публикации 30.01.2024

Received September 03, 2023

Revised December 03, 2023

Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковалев Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Kovalev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 316.722

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-139-150

Идейно-теоретические предпосылки антропологии ненасилия в раннем исламе

Резник С.В., Жилина М.А., Резник Н.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород 308015, Россия
1668865@bsu.edu.ru; 1327175@bsu.edu.ru; reznik@bsu.edu.ru

Аннотация. На основе изучения вероучительных первоисточников ислама (Корана и Сунны), трудов средневековых исламских богословов авторами рассмотрены идейно-теоретические предпосылки антропологии ненасилия в раннем исламе, определены его особенности, основные источники. С опорой на антропологическую концепцию Т. Асада намечены методологические подходы к исследованию идеологии и практики ненасильственных религиозно-реформаторских движений ислама. Сделан вывод о том, что принцип ненасилия заложен в коранической антропологии и основан на положениях о безгрешной природе человека и божественном доверии к человеку; не является пассивным подчинением воле агрессора, но основан на активном неприятии агрессии и несправедливости и сопротивлении им. Такое понимание ненасилия вполне совместимо с кораническими нормами. Теология классического ислама не предъявляла требований безоговорочного соблюдения принципа ненасилия, но ограничивала насилие жесткими рамками мусульманского права.

Ключевые слова: антропология ненасилия, ранний ислам, особый статус человека, личность в исламе, кораническая антропология, Коран, Сунна

Для цитирования: Резник С.В., Жилина М.А., Резник Н.С. 2024. Идейно-теоретические предпосылки антропологии ненасилия в раннем исламе. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 139–150. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-139-150

Ideological and Theoretical Prerequisites for the Anthropology of Nonviolence in Early Islam

Sergey V. Reznik, Margarita A. Zhilina, Nikita S. Reznik

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
1668865@bsu.edu.ru; 1327175@bsu.edu.ru; reznik@bsu.edu.ru

Abstract. In this article, based on the study of the doctrinal primary sources of Islam (the Koran and the Sunnah), the works of medieval Islamic theologians, the authors consider the ideological and theoretical prerequisites for the anthropology of nonviolence in early Islam. The features and main sources of the anthropology of nonviolence in early Islam are identified. Considering the historical and theoretical prerequisites of the anthropology of nonviolence in Islam, the authors of the article, based on the anthropological concept of T. Asad, outline methodological approaches to the study of the ideology and

practice of nonviolent religious reform movements of Islam. Revealing the specifics of the anthropology of nonviolence in early Islam, the authors of the article come to the conclusion that the principle of nonviolence is embedded in Quranic anthropology and it is based on the provisions of the sinless nature of man and divine trust in man. It is concluded that the principle of nonviolence is not passive submission to the will of the aggressor, but is based on active rejection of aggression and injustice, and resistance to them. This understanding of nonviolence is quite compatible with Quranic norms. The theology of classical Islam did not demand unconditional observance of the principle of nonviolence, but limited violence to the rigid framework of Muslim law.

Keywords: anthropology of nonviolence, early Islam, the special status of man, personality in Islam, Quranic anthropology, the Koran, the Sunnah

For citation: Reznik S.V., Zhilina M.A., Reznik N.S. 2024. Ideological and Theoretical Prerequisites for the Anthropology of Nonviolence in Early Islam. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 139–150 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-139-150

Введение

Главной проблемой данного исследования является теоретическое выявление ненасилия не только как социального феномена, репрезентирующего современное общество, но и как антропологического феномена, который затрагивает сущность бытия каждого человека. Обращение к теме возможностей религии и религиозных институтов в противодействии насилию и поддержании мира в наше время остается по-прежнему открытой, учитывая непрекращающиеся конфликты на конфессиональной почве и продолжающиеся акты террористического насилия, которые совершаются под религиозными лозунгами. Вопрос заключается не только в том, способна ли религия как социальный феномен противостоять насилию в условиях, когда последнее оформлено в институты политической власти и экономически сконцентрировано в руках отдельных субъектов, но и в том, может ли религия способствовать изменению представлений человека о насилии в сторону отказа от последнего. На наш взгляд, данная проблема является одной из фундаментальных.

Важное значение для нашей работы имеет концептуальный подход к антропологическому исследованию ислама современного зарубежного антрополога Т. Асада: «Ислам как объект антропологического знания должен изучаться как *дискурсивная традиция*, разнообразно связанная с такими процессами, как формирование моральных самосознаний, манипулирование населением (и сопротивление ему), а также производство соответствующих знаний» [Асад, 2017, с. 48]. Сам автор дает следующее определение ключевого понятия своей концепции: «Исламская дискурсивная традиция — это просто традиция мусульманского дискурса, связывающая себя с концепциями исламского прошлого и будущего с отсылками к конкретным исламским практикам в настоящем» [Асад, 2017, с. 56]. Следует отметить, что при таком подходе разница между классическим и современным исламом становится не существенной, естественной же частью любой традиции становится практика. Зарубежный ученый задает следующий вектор антропологических исследований ислама: «Изучение антропологии ислама следует начинать, как делают сами мусульмане, с *концепции дискурсивной традиции*, включающей в себя и возводящей себя к базовым текстам Корана и хадисов. Ислам не является ни особой социальной структурой, ни гетерогенной совокупностью верований, артефактов, обычаев и нравов. Ислам — это традиция» [Асад, 2017, с. 55]. Следуя логике концепции дискурсивной традиции Т. Асада, вначале мы обратимся к базовым сакральным текстам ислама с целью выявить исторические и теоретические источники антропологии ненасилия в исламе, чтобы затем перейти к анализу культурных практик бытования ислама, поскольку, как отмечает Т. Асад, «антрополог ислама должен начинать с изучения организованных практик (помещенных в конкретный контекст, с конкретной историей), внутри которых мусульмане выступают в качестве мусульман» [Асад, 2017, с. 56].

Как справедливо, на наш взгляд, отмечено в диссертационном исследовании О.С. Давлатовой, «распространение ислама, например, в раннем средневековье, <...> происходило посредством исламизации, а в некоторых случаях и арабизации региона, что не обошлось без насилия ни физического, ни эпистемологического. Для понимания этого <...> необходимо глубже изучить вопрос о насилии и ненасилии в исламе и задать дополнительные вопросы об онтологии и антропологии этих феноменов: является ли насилие и ненасилие существенным и неискоренимым компонентом бытия общества? Всегда ли существовали и будут существовать конфликты в исламском мире или же они случайны и их можно преодолеть? Какова логика их возникновения и существования, если таковая имеет место?» [Давлатова, 2022, с. 53].

Итак, с целью выявления исторических и теоретических предпосылок антропологии ненасилия в исламе, следуя исследовательской логике Т. Асада, мы должны обратиться к первоисточникам исламского вероучения – Корану и Сунне. Прежде всего мы должны обратиться к теме образа человека в исламской классической антропологии, то есть к той совокупности духовных учений о человеке, которые были созданы исламской традицией.

Истоки антропологии ненасилия в раннем исламе

Одной из ключевых проблем исламской антропологии является разработка понятия «личность». Проблема уникальности человека в исламе решается иначе, чем в христианстве, так как, в отличие от последнего, в исламе отсутствует представление о сотворении человека по божественному образу и подобию. Базовыми категориями исламской антропологии выступают *воля*, *совесть*, *сознание*, которые согласно мусульманскому учению даны человеку Аллахом при рождении. Сознание делает человека отличным от животного, способным создавать культуру и преобразовывать окружающий его мир. Совести же в данной иерархии антропологических категорий отводится второстепенное место, поскольку, хотя она и признается общечеловеческим свойством, сам человек при этом не считается существом высокоморальным.

Из данного положения вытекает одна из антропологических концепций раннего ислама, согласно которой человек является существом духовно чистым, но при этом слабым от природы, не способным самостоятельно (без божественной помощи) разбираться в нравственных проблемах. Из этого следует, что истинной сущностью человека является его устремленность к богу. Кроме того, человек от природы является существом духовным и религиозным. Существенными признаками религиозности человека выступают вера и знание, из чего следует, что исламская антропология рассматривает человека как существо, способное самостоятельно, но с опорой на веру и знание совершенствовать свои личностные качества.

Что касается воли как качества, дарованного человеку божеством от рождения, она призвана побуждать человека к созидательной деятельности. Согласно еще одной антропологической концепции ислама, выработанной исламскими богословами, человек есть динамично развивающееся существо, способное самостоятельно определять свою судьбу и нести ответственность за совершенные поступки. В то же время следует отметить, что данная концепция была выработана мусульманскими учеными, стоявшими на противоположных позициях по отношению к официальному исламскому духовенству, и противоречила традиционалистской концепции о полной зависимости человека от божественной воли.

Следует отметить, что в исламе требование покориться воле Аллаха вовсе не означает, что человек должен быть пассивным, бездействующим существом. Напротив, человек обязан вести активную борьбу с грехами сего мира, следуя религиозным предписаниям и божественным заповедям. «Статус человека в исламе определен ключевыми принципами: человек – раб Аллаха, человек – наместник Аллаха на земле. Понятие *раб* в арабской культуре имеет совершенно иное значение, чем в европейской. Здесь раб – это не закре-

пощенное и полностью лишенное свободной воли существо, рассматриваемое как "вещь", полностью подчиненное внешней воле хозяина, а человек, занимающий активную позицию поклонения Богу, а не пассивного подчинения и смирения» [Поломошнов, Поломошнов, 2017, с. 11].

Как уже было отмечено, воля как божественный дар человеку должна побуждать человека к созиданию. Но при этом данная антропологическая концепция легла в основу ряда политических концепций ислама, которые обосновывали политическую активность верующих, в том числе оправдывали насилие в отношении властных структур, если те не соответствовали их представлениям о справедливом мусульманском правлении. И все же мы должны отметить, что антропологическая концепция, обосновывающая свободу выбора человека, сыграла существенную роль в дальнейшем развитии исламской антропологии и оказала влияние на появление религиозно-реформаторских движений в исламе, в идеологию которых были положены принципы свободомыслия, религиозной терпимости и ненасильственного разрешения политических и социальных вопросов.

Однако прежде всего мы должны обратиться к первоисточникам исламской антропологии – Корану и Сунне. Следует отметить, что Священное Писание и Священное Предание ислама имеют древнюю историю и допускают различные толкования в самых разных контекстах. Историческое развитие породившей их цивилизации неизбежно сопровождалось адаптацией богословских интерпретаций оригинального текста к меняющейся социокультурной реальности. Поэтому, анализируя Коран и Сунну как основные первоисточники, не представляется возможным и корректным игнорирование конкретных исторических социокультурных коннотаций, сформировавшихся в конкретных исторических условиях.

Одним из положений, отличающих коранический образ человека от библейского, является то, что человек сотворен безгрешным. Человек согласно Корану занимает высшее место в иерархии божественных творений. В Коране человек обретает особый гносеологический статус: *«И вот, сказал Господь твой ангелам: «Я установлю на земле наместника». Они сказали: «Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя?» Он сказал: «Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!». И научил Он Адама всем именам, а потом предложил их ангелам и сказал: «Сообщите Мне имена этих, если вы правдивы»»* (2:28(30), 29(31)) [Коран, 1990, с. 18]. Таким образом, среди всех божественных творений только человеку дарована возможность осознанного личного отношения со Всевышним. Онтологический статус человека ничем не отличается от статуса всего остального тварного мира, поскольку человек также является сотворенным, но он превосходит все остальные творения по гносеологическому статусу. Адам обретает данный статус благодаря знанию имен, которое ставит его выше ангелов.

Особый статус человека среди остальных божественных творений возлагает на него и особую роль – наместника на земле (*халифа*). Данное кораническое положение является отличительной чертой исламской антропологии. Согласно Корану вся Вселенная находится в ведении Аллаха: *«Аллаху принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле; и к Аллаху возвращаются дела»* (3:105(109)) [Коран, 1990, с. 59]. Однако некоторые сферы были переданы человеку: его внутренняя составляющая (*нафс*), межличностные отношения, взаимоотношения с окружающим миром. Итогом возложенной на человека божественной миссии должно стать очищение его души от пороков; построение совершенного общества, лишенного расовых и социальных предрассудков; сбережение и приумножение природных ресурсов, дарованных богом.

Тем не менее священная книга мусульман указывает на такие черты человеческой сущности, как слабость – *«ведь создан человек слабым»* (4:32(28)) [Коран, 1990, с. 73], торопливость – *«ведь человек тороплив»* (17:12(11)) [Коран, 1990, с. 221], склонность к моральным колебаниям – *«Ведь человек создан колеблющимся»* (70:19(19)) [Коран, 1990, с. 460].

Здесь мы подходим к еще одной специфической особенности исламской антропологии, отличающей ее от других авраамических религий (иудаизма и христианства) – отсутствию в исламе концепции первородного греха. Согласно Корану акт личного неповиновения Адама не приобрел последствий в масштабе всего человечества, как об этом говорит Библия. Таким образом в исламе отсутствует представление об испорченности первозданной человеческой природы (*фитра*) грехом. Напротив, первозданная природа человека связана с вневременным заветом (*ахд*) с богом, который был заключен еще до появления человечества на земле: «*И вот, Господь твой извлек из сынов Адама, из спин их, их потомство и заставил их засвидетельствовать о самих себе: «Разве не Господь ваш Я?» Они сказали: «Да, мы свидетельствуем...» Чтобы вы не сказали в день воскресения: «Мы были небрежны к этому»»* (7:171(172)) [Коран, 1990, с. 138].

Проблема заключается в том, что людские души при рождении не помнят данный первоначальный завет. Таким образом речь идет не об испорченности человеческой первозданной природы грехом. «Человек забывает о том, что Аллах есть его Господь, при этом первоначальное знание никуда не исчезает, а оказывается погребенным под слоем земной рутины. Следовательно, решением проблемы должно стать воспоминание, на что и направлены все столпы ислама и его ритуалы: *шахада* – вербальное напоминание, *намаз* – вербальное и физическое, Коран – напоминание вербальное, физическое и интеллектуальное» [Музыкаина, 2017, с. 110]. В каком-то смысле данная концепция схожа с платоновской теорией идей, в которой речь идет о том, что душа человека изначально содержит в себе знания, но забывает их при вселении в тело.

Исходя из указанных характеристик человека, приписываемых ему священной книгой мусульман, мы можем прийти к выводу о том, что согласно кораническим представлениям человеческая природа амбивалентна. Являясь своего рода венцом божественного творения, человек наделен волей и способен отвечать за свои поступки. Кроме того, согласно кораническим представлениям о человеке он создан свободным: «*Истина – от вашего Господа: кто хочет, пусть верует, а кто хочет, пусть не верует*» (18:28(29)) [Коран, 1990, с. 232]. Волевое начало в человеке предполагает возможность выбора (свободу воли), следовательно, в природе человека заложено разделение на веру и безверие, преданность Богу и духовное падение.

Антропология ненасилия в исламе просматривается уже в требованиях, предъявляемых богом к его творению. Прежде всего священная книга ислама учит человека быть милосердным. Милосердие является одним из качеств Аллаха: «*...Аллах избирает Своим милосердием, кого пожелает: ведь Аллах – обладатель великой милости!*» (2:99(105)) [Коран, 1990, с. 26]; «*Поистине, Аллах с людьми кроток, милосерд!*» (2:138) [Коран, 1990, с. 30]. Милосердие выражается прежде всего в «укротении сердца», т. е. стремлении подавить свои страсти – жадность, мстительность и прочее. Данное кораническое требование продиктовано стремлением воспитания людей с целью выживания человеческого рода.

Говоря об антропологии ненасилия в исламе, мы не можем не коснуться темы насилия, как она раскрыта в Коране и Сунне. Коран, как и Библия, дает четкое разграничение насилия: насилие, которое угодно Богу, и насилие, неужодное Богу. К первому относится насилие, которое человек совершает над самим собой, дабы следовать божественным заповедям держаться добра и сторониться зла. Второе – насилие, направленное против другого человека, против дарованной Богом человеку жизни. Таким образом, в Коране насилие не получает моральной санкции, ненасилие превалирует над насилием, поскольку сама жизнь во всех ее проявлениях есть созидание, а значит ненасилие. Милосердие, прощение, стремление к добру есть не только божественные качества, но и те главные качества человека, которые воспитывает в нем священное писание ислама.

Как утверждал выдающийся исламский мыслитель второй половины IX – начала X века Абу Бакр ар-Рази, «если человек будет проявлять справедливость и скромность, будет менее придирчив к людям, менее упрям и назойлив с ними, то он в большей степени

будет уважаем ими. Если же он добавит к этому благородство, искренность и сострадание по отношению к ним, то без сомнения заслужит их любовь. Но именно те два качества — справедливость и скромность — и есть два плода добродетельного и благородного образа жизни» [ар-Рази, 1990, с. 83]. Вот те качества, в которых проявляется ненасилие.

И все же следует задаться вопросом о том, можем ли мы найти в священных текстах ислама некий аналог принципа ненасилия, подобный древнеиндийскому *ахимса* (невреждение) или даосскому *у-вэй* (недеяние). Казалось бы, данный вопрос должен поставить исследователя в тупик, и на этом данное исследование должно быть закончено как не имеющее перспектив. Тем не менее мы должны помнить о том, что такое ключевое понятие древнеиндийской религиозно-философской мысли, как *ахимса*, имело свои особенности и отнюдь не означало радикального отказа от насилия. В религиозно-этических воззрениях джайнизма, буддизма, индуизма практика принципа *ахимса* не исключала применения насилия в случае самообороны, исполнения воинского долга, наказания преступников [Резник, 2022].

Антропология ненасилия, как она заложена в Коране и Сунне, должна быть рассмотрена не как политическое средство или нравственно-этическое предписание, но как экзистенциальный феномен.

Как считает зарубежный исследователь Мохаммед Абу-Нимер, «чтобы понять совместимость исламских ценностей и верований с ненасилием, мы должны сначала развеять миф о том, что ненасилие – это форма капитуляции, при которой жертва ожидает, что ее убьют, и принимает такую судьбу. Это неправильное представление ошибочно ассоциируется с миротворческой деятельностью и группами сторонников мира. <...> Ненасилие – это активное неприятие насилия и полное участие в сопротивлении угнетению с помощью правдоподобных средств, которые бросают вызов доминированию и любой другой форме несправедливости, не причиняя вреда оппоненту. <...> Существует полная совместимость между такими методами ненасилия и исламскими ценностями и верованиями. Они учат верующих сопротивляться несправедливости и угнетению, стремиться к справедливости и *сабру* (терпению), защищать святость человеческого достоинства и быть готовыми пожертвовать своей жизнью ради этого дела. Чтобы соответствовать этим ценностям и следовать им, исламский подход к ненасилию может основываться только на активном неприятии *зульм* (агрессии) и несправедливости и сопротивлении им» [Abu-Nimer, 2000].

Священное Писание ислама содержит сущностные ценности, определяющие единую структуру человечества, это вера, жизнь, знание, человеческое достоинство. Очевидно, что религия ислама явилась результатом исторического и культурного развития народов, попавших в сферу ее влияния. Ценности, сформированные исламской традицией, являются универсальными, ориентированными на все человечество, вне зависимости от расы, пола, социальной и конфессиональной принадлежности. Человек как родовое понятие занимает особое место в исламе. Текст Корана содержит идею единства всех людей, поскольку они произошли от одного прародителя – Авраама.

В иерархии ценностей, провозглашаемых религией ислама, на первом месте, стоит религиозная вера, являющаяся исходным общечеловеческим началом. Духовно-религиозные искания человечества на всем протяжении его истории служили источником историко-культурного развития цивилизации. Религиозная вера и основанные на ней религиозные чувства продолжают играть важную роль в современном постсекулярном мире, им присущ вневременной характер, они лежат в основании общечеловеческих культурных ценностей, определяют культурно-исторические практики и по-прежнему имеют влияние в политической, экономической, социальной, правовой сферах жизни современных людей.

Жизнь является в исламе важнейшей ценностью, поскольку является божественным даром всем живым существам. В Коране убийство одного человека приравнивается к убийству всего человечества, а оживление одного человека – с возвращением жизни всему

человечеству: *«По этой причине предписали Мы сынам Исра'йла: кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех. А кто оживил ее, тот, как будто бы оживил людей всех»* (5:35(32)) [Коран, 1990, с. 94]. Таким образом, тот кто совершил убийство не в целях возмездия за преступление или дозволил убийство без причины и преступления, тот как бы убил всех людей, поскольку нет разницы между одной душой и многими душами. Оживление души в данном контексте следует понимать, как отказ от убийства или препятствование убийству.

Третьей общечеловеческой ценностью является знание. Именно благодаря знанию человечество обретает возможность преодолевать ограниченность, осуществлять целесообразную и целеполагающую деятельность, духовно расти. Наличие активного разума является свидетельством того, что человек наделен сознанием и свободной волей. Наличие последней говорит об ответственности каждого человека за свои поступки.

Традиционный ислам утверждает идею единой сущности всего людского рода, которая рассматривается выше расовой, этнической, государственной и религиозной принадлежности. Эту же идею провозглашает основатель ислама в своей проповеди, произнесенной им в Мекке на восьмом году хиджры, в которой утверждается ключевая для коранической антропологии идея единства всех людей. Универсализм мусульманской религии может быть расценен как важное устремление, предлагающее человечеству путь к построению солидарности между людьми в планетарном масштабе, не взирая на расовые, национальные и иные различия. Как отмечает отечественный философ и исламовед, специалист в области арабо-мусульманской философии Ибрагим Тауфик Камель, «с учением о единстве Бога, общим для всех трех авраамических религий (иудаизма, христианства и ислама), сопряжена концепция о единстве человечества. Подобно Библии, Коран провозглашает метафизическое единство/равенство людей как творений единого Бога, призванных служить Ему. Как и Библия, Коран проповедует этническое единство человечества, ибо все люди составляют одну семью, будучи сыновьями общих прародителей – Адама и Евы. Но именно в Священном Писании мусульман универсалистское понимание монотеизма четко дополняется двумя новыми измерениями — ревелативистским (или профетологическим) и сотериологическим» [Ибрагим, 2015, с. 10].

Коранический монизм, исходящий из тезиса: «Единый Бог – единое человечество», ошибочно воспринимается сторонниками буквалистского понимания коранических откровений как необходимость утвердить тотальное единообразие во всех сферах общественной жизни. Однако монизм мусульманской религии предполагает только единство божественного (трансцендентного) в человеке, во всем же остальном предполагается плюрализм. По этой причине человеческий род представляет собой единство в многообразии, в его различных проявлениях. Таким образом, этническое и религиозное многообразие людей не является случайностью, но является божественным замыслом. Согласно последнему же людское многообразие во всех аспектах призвано способствовать социальной гармонии, взаимообогащению культур и солидарности человечества.

Как утверждает Т.К. Ибрагим, «коранические откровения пронизаны мыслью о двух базисных принципах ислама — вере в единого Бога и добродетели к Его творениям» [Ибрагим, 2015, с. 32]. Ссылаясь на средневековых исламских богословов ат-Табари (ум. 923) и аль-Куртуби (ум. 1272), написавших комментарии к аяту: *«И поклоняйтесь Аллаху и не придавайте Ему ничего в сотоварищи, — а родителям — делание добра, и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу близкому по родству, и соседу чуждому, и другу по соседству, и путнику, и тому, чем овладели десницы ваши. Поистине, Аллах не любит тех, кто горделиво хвастлив»* (4:40(36)) [Коран, 1990, с. 74], отечественный исламовед приходит к выводу о том, что смысл данного аята заключается в том, что под «близким соседом» следует понимать единоверцев, а под «соседом чужим» — иноверцев, «причем не только христиан и иудеев, но и язычников» [Ибрагим, 2015, с. 33]. Также Т.К. Ибрагим приводит слова из послания последнего из числа праведных халифов Али к египетскому наместни-

ку аль-Аштару ан-Нахи: «...люди суть двух категорий — либо братья тебе по вере, либо подобны тебе по творению» [Ибрагим, 2015, с. 13]. Этими словами халиф Али призывает наместника проявить милосердие ко всем подданным вне зависимости от того мусульмане они или иноверцы.

Коран согласно мусульманской традиции есть божественное слово, обращенное ко всем людям. Коранический императив ненасилия заключается в идее о том, что все люди на Земле есть одна большая семья, поскольку все они являются потомками общих для всех предков – Адама и Евы. «*О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и сотворил из нее пару ей, а от них распространил много мужчин и женщин. И бойтесь Аллаха, которым вы друг друга управляете, и родственных связей. Поистине, Аллах – над вами надсмотрщик!*» (4:1(1)) [Коран, 1990, с. 69]. Таким образом, Священное Писание ислама говорит о том, что, раз род человеческий восходит к одной супружеской чете, то все люди равны перед Богом, а значит в исламе нет места расовым предрассудкам. Коран не двусмысленно указывает на то, что ближе к Богу тот человек, кто является благочестивым: «*О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. Ведь самый благородный из вас перед Аллахом – самый благочестивый. Поистине, Аллах – знающий, сведущий!*» (49:13(13)) [Коран, 1990, с. 411].

В одном из сборников хадисов «Муснад» выдающегося мусульманского ученого и хадисоведа имама Ахмада Ибн-Ханбали аш-Шайбани (780–855) приводятся слова Пророка Мухаммеда, произнесенные им в Мекке во время его Прощального паломничества: «О люди, воистину у вас один Господь и один прародитель, а потому нет превосходства араба над неарабом, неараба – над арабом, светлокожего – над темнокожим, темнокожего – над светлокожим, разве только по их благочестию»; «все вы произошли от Адама, сам же он вышел из праха» (Ибн-Ханбаль. Муснад. № 22391) [Ибрагим, 2015, с. 12]. В самом малом из шести канонических сборников хадисов «Сунан», собранном другим выдающимся хадисоведом Абу Даудом, приводятся следующие слова Пророка ислама: «Боже, Господь наш и владыка всего, я свидетельствую, что все рабы [Божьи] (‘ибад) – братья» (Абу-Дауд. Сунан. № 1289) [Ибрагим, 2015, с. 13].

Заложенная в Коране и Сунне идея единства всего человечества предполагает уважение достоинства как всех представителей рода человеческого, поскольку все они являются «сыновьями Адама», так и каждого человека в отдельности, безотносительно к его социальному статусу, расовой принадлежности, полу или вероисповеданию. Данная идея была отражена в Каирской Декларации прав человека в исламе 1990 г.: «Все люди составляют единую семью, которую объединяет рабство Божье и Адамово сыновство, все они равны в отношении человеческого достоинства... Нет превосходства кого-либо из них над другим, иначе как по благочестию и добротворчеству» [Ибрагим, 2015, с. 14]. Во втором по достоверности, согласно мусульманской традиции хадисоведения, сборнике преданий о словах и действиях Пророка ислама «Сахих» Муслима приводятся слова Аллаха: «Воистину всех рабов Моих Я создал правоверными» (Муслим. Сахих. № 2865) [Ибрагим, 2015, с. 16]. С точки зрения исламских богословов все люди сотворены Богом изначально правоверными, то есть мусульманами. Однако под влиянием иной религиозной и культурной среды они могут отклоняться от ислама. Все люди до своего совершеннолетия считаются мусульманами, в случае их преждевременной смерти считается, что они обретут рай как правоверные мусульмане.

Некоторые мусульманские богословы склонны толковать учение о *фитре* (т.е. изначальной природе человека, заложенной в него Богом при рождении) как сохранение истинной веры в людях, даже в случаях их обращения в иную религию. Согласно Корану *фитра* человека не пострадала в результате грехопадения первых людей, ибо она неизменна. Как полагает Т.К. Ибрагим: «субстанциальная природа человека благостна, а зло (грех, неверие) представляет собой лишь нечто вторичное, акцидентальное, то это откры-

вайт широчайшыя прасторы як для толерантна-плюралістычнага адносіна ко ўсім інаверным, так і для сотэрыялагічнага опцімізма – для ўверанай надзежы на спасенне в канечным счэце ўсех без ісклучэння людзей» [Ібрагім, 2015, с. 18].

Согласно Корану, все пророки, почитаемые в авраамических религиях, проповедовали единую религию, ядром которой выступает вера в единого Бога. Общая для всех пророков приверженность единобожию и есть «ислам». Таким образом, все религии откровения равны между собой и ни одна из них не может обладать монополией на истину. Вот, что говорит по этому поводу Коран: *«Скажите: "Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку, Йа'кубу и коленам, и что было даровано Мусе и Исе, и что было даровано пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему мы предаемся"»* (2:130(136)) [Коран, 1990, с. 29].

Также кораническая традиция говорит о необходимости соблюдения верности всем пророческим миссиям, которые несли людям Божие откровение. В исламе одним из необходимых условий спасения является вера в посланническую миссию пророков других религий. Приверженцы иных религий наряду с мусульманами также имеют надежду на спасение, что подтверждается строками из Корана: *«Поистине, те, которые уверовали и которые исповедуют иудейство, и сабии, и христиане, – кто уверовал в Аллаха и последний день и творил благое, – нет страха над ними, и не будут они печальны!»* (5:73(69)) [Коран, 1990, с. 99].

Итак, согласно Корану, свободная воля и разум являются даром Бога своим творениям, земная жизнь которых предназначена им во испытание, для того чтобы проверить насколько правильно люди сумеют воспользоваться Его дарами. Плюрализм религий является Божественным замыслом, на что недвусмысленно указывает Коран: *«А если бы пожелал твой Господь, то Он сделал бы людей народом единым. А они не престают разногласить, кроме тех, кого помиловал твой Господь. Для этого Он их создал. И исполнилось речение Господа твоего: «Наполню Я геенну духами и людьми вместе»* (11:120 (118)) [Коран, 1990, с. 184].

Таким образом Коран предостерегает от попыток упразднения религиозного плюрализма, а уже тем более от насильственного обращения людей в религию. Во многих местах Корана Бог указывает, что если бы Он желал, чтобы все люди приняли одну истинную веру и не поклонялись бы более иным божествам, то Он сделал бы это Сам: *«Если бы захотел Аллах, они не придавали бы Ему сотоварищей. Мы не делали тебя хранителем их, и ты над ними не надсмотрщик»* (6:107(107)) [Коран, 1990, с. 115]; *«А если бы пожелал твой Господь, тогда уверовали бы все, кто на земле, целиком. Разве ж ты вынудишь людей к тому, что они станут верующими?»* (10:99 (99)) [Коран, 1990, с. 172]; *«А если бы Аллах пожелал, Он сделал бы вас одним народом. Однако, Он сбивает, кого хочет, и ведет прямым путем, кого хочет, и будете вы спрошены о том, что творили»* (16:95(93)) [Коран, 1990, с. 217].

Антропология ненасилия в кораническом учении выражается также в аятах, повествующих о всеобщем спасении всех верующих. Прежде всего данное положение выражено в указании на конечность адских мучений, причем круг спасенных не ограничивается только приверженцами ислама. Сунна Пророка также подтверждает указанное кораническое обещание. В одном из хадисов, содержащемся в «Сахихе» аль-Бухари, говорится: *«Выведите из Ада [в Рай] того, в чьем сердце была [хоть] крупница веры!»* (Бухари. Сахих. № 22) [Ибрагім, 2015, с. 114].

Положение о конечности божественного наказания адскими мучениями вытекает также из коранического представления о всеблагодати и всемилости Творца и о чистоте человеческой природы (*фитра*), дарованной ему Богом при творении. Кораническая антропология развивает идею о предвечном стремлении человеческих душ к вере в Бога, а также неизменности и неиспорченности человеческой природы, дарованной ему при творении, в результате акта грехопадения первых людей. Об универсальности божествен-

ной милости говорит многократно повторяемый в Коране эпитет «*ар-Рахман*» («Всемиловитивый»), который является вторым собственным именем Аллаха: «Скажи: «*О рабы Мои, которые преступили против самих себя, не отчаивайтесь в милости Аллаха! Поистине, Аллах прощает грехи полностью: ведь Он — прощающий, милостивый*» (39:54(53)) [Коран, 1990, с. 369]. Коранические знамения предупреждают тех, кто посмел усомниться в Божьей милости, о том, что это является тяжким прегрешением и свидетельством маловерия: «*О сыны мои! ступайте и разузнайте о Иусуфе и его брате и не отчаивайтесь в утешении Божиим. Поистине, отчаиваются в утешении Аллаха только люди неверующие!*» (12:87(87)) [Коран, 1990, с. 192]; «*Он сказал: «А кто отчаивается в милости Господа своего, кроме заблудших?»* (15:56(56)) [Коран, 1990, с. 207].

Кроме того, поскольку Сам Бог милостивый и милосердный и Его милость носит универсальный характер, то есть охватывает все Его творения, то в Священной Книге ислама звучит требование проявлять милосердие к другим, в том числе к своим обидчикам и врагам: «*И за то, что они нарушили свой договор, Мы их прокляли и сделали сердца их жестокими: они искажают слова, (переставляя их) с их мест. И забыли они часть того, что им было упомянуто. И ты не престаешь узнавать об измене с их стороны, кроме немногих из них. Прости же и извини, – ведь Аллах любит добродетельных!*» (5:16(13)) [Коран, 1990, с. 92]; «*И пусть не престают обладающие щедростью из вас и достатком давать родственникам и бедным и выселившимся по пути Аллаха, и пусть они прощают и извиняют. Разве вы не хотите, чтобы Аллах простил вам? Поистине, Аллах – прощающий, милосердный!*» (24:22(22)) [Коран, 1990, с. 278]; «*И воздаянием зла – зло, подобное ему. Но кто простит и уладит, – награда его у Аллаха. Он ведь не любит несправедливых!*» (42:38(40)) [Коран, 1990, с. 386]; «*Но, конечно, тот, кто терпит и прощает... Поистине, это – из твердости в делах*» (42:41(43)) [Коран, 1990, с. 386] и др.

Ту же мысль проводит Священное Предание ислама. В одном из хадисов повествуется о том, как Бог, сотворив милость, разделил ее на сто частей. Одну сотую часть Он распространил в сотворенном Им мире, дабы Его творения проявляли милость друг другу, остальные девяносто девять частей Он оставил при себе, чтобы в Судный день явить милость всем своим творениям. В «Сахихе» аль-Бухари сказано: «...если бы неверный (*кафир*) знал обо всей имеющейся у Бога милости, он никогда не потерял бы надежды на обречение Рая» (Бухари. Сахих. № 6000, 6469) [Ибрагим, 2015, с. 119].

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что принцип ненасилия заложен в коранической антропологии и основан на положениях о безгрешной природе человека и божественном доверии к человеку. Как уже было сказано, принцип ненасилия не является пассивным подчинением воле агрессора, но основан на активном неприятии агрессии и несправедливости и сопротивлении им. Такое понимание ненасилия вполне совместимо с кораническими нормами.

Теология классического ислама не предъявляла требований безоговорочного соблюдения принципа ненасилия, но ограничивала насилие жесткими рамками мусульманского права.

Антропология ненасилия в исламе проявляется в положениях, заложенных в основных источниках мусульманского вероучения – Коране и Сунне: единство всего рода людского на основе божественного творения; признание религиозного плюрализма и доступность спасения для всех людей независимо от вероисповедания; возможность для творения уподобиться Творцу в проявлении милосердия и прощения не только по отношению к братьям по вере, но и к врагам. Все вышеперечисленные положения коранической антропологии заложили фундамент антропологии ненасилия в исламе.

Список источников

- Абу Бакр ар-Рази, Мухаммед ибн Закария. 1990. Духовная медицина. Перевод с араб. Т. Мардонова. Душанбе, Ирфон, 87 с.
Коран. 1990. Пер. с араб. И.Ю. Крачковского. М., Раритет, 528 с.

Список литературы

- Асад, Талал. 2017. Идея антропологии ислама. *Islamology*, 7(1): 42–60.
Давлатова О.С. 2022. Трансформация концепции насилия и ненасилия в исламской философии (историко-философский анализ). Дис... кандидата философ. наук. Душанбе, 152 с.
Ибрагим, Тауфик Камель. 2015. Коранический гуманизм: толерантно-плюралистические установки. М., Медина, 571 с.
Музыкаина Е.В. 2017. Концепция человека в исламской антропологии. *Исламоведение*, 8(1): 105–111.
Поломошнов П.А., Поломошнов А.Ф. 2017. Исламская и христианская антропология как альтернативные версии религиозного гуманизма. *Исламоведение*, 8(1): 5–18.
Резник С.В. 2022. Трансформация смыслов насилия и ненасилия в современных направлениях буддизма. Материалы XXIX междунар. науч.-практ. конф., «Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований» Bengaluru, India, 27-28 июня 2022 г Bengaluru, Науч.-издат. центр «Академический»: 177–181.
Mohammed Abu-Nimer. 2007. Nonviolence in the Islamic Context. URL: <https://web.archive.org/web/20070701052717/http://www.forusa.org/fellowship/sept-oct-04/abu-nimer.html> (дата обращения: 06.11.2023)

References

- Asad, Talal. 2017. Ideya antropologii islama [The idea of the anthropology of Islam]. *Islamology*, 7(1): 42–60.
Davlatova O.S. 2022. Transformatsiya kontseptsii nasiliya i nenasiliya v islamskoy filosofii (istoriko-filosofskiy analiz) [Transformation of the concept of violence and nonviolence in Islamic philosophy (historical and philosophical analysis)]. Dis. ... cand. filosof. sciences. Dushanbe, 152 p.
Ibragim, Taufik Kamel'. 2015. Koranicheskiy gumanizm: tolerantno-plyuralisticheskiye ustanovki [Quranic humanism: tolerant and pluralistic attitudes]. Moscow, Publ. Medina, 571 p.
Muzykina Ye.V. 2017. Kontseptsiya cheloveka v islamskoy antropologii [The concept of man in Islamic anthropology]. *Islamovedeniye*, 8(1): 105–111.
Polomoshnov P.A., Polomoshnov A.F. 2017. Islamskaya i khristianskaya antropologiya kak al'ternativnyye versii religioznogo gumanizma [Islamic and Christian anthropology as alternative versions of religious humanism]. *Islamovedeniye*, 8(1): 5–18.
Reznik S.V. 2022. Transformatsiya smyslov nasiliya i nenasiliya v sovremennykh napravleniyakh buddizma [Transformation of the meanings of violence and nonviolence in modern directions of Buddhism]. Materialy XXIX mezhdunar. nauch.-prakt. konf., «Aktual'nyye napravleniya fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy» Bengaluru, India, 27–28 iyunya 2022 g. [Materials of the XXIX International Scientific and Practical Conference «Current directions of fundamental and applied research», Bengaluru, India, June 27–28, 2022. Bengaluru, Publ. «Akademicheskii»: 177–181.
Mohammed Abu-Nimer Nonviolence in the Islamic Context. URL: <https://web.archive.org/web/20070701052717/http://www.forusa.org/fellowship/sept-oct-04/abu-nimer.html> (accessed: 06 November 2023)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.09.2023

Поступила после рецензирования 16.12.2023

Принята к публикации 30.01.2024

Received September 17, 2023

Revised December 16, 2023

Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Резник Сергей Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Sergey V. Reznik, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Жилина Маргарита Александровна, магистрант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Margarita A. Zhilina, Graduate student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Резник Никита Сергеевич, магистрант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Nikita S. Reznik, Graduate student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 130.2; 808.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-151-158

Понятия «инновация» и «творчество» в философском дискурсе

Анисимов Н.О.

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, д. 7

nik.anisimov.o@bk.ru

Аннотация. Понятия «инновация» и «творчество», помимо эпистемологической плоскости, в философии имеют измерение в контексте развития истории философии как особой формы мыслительной деятельности. Инновации и творчество тесно связаны с понятиями прогресса и перемен. Именно эта связь особенно актуализирует необходимость постоянного осмысления данных понятий. Автором показано, что изучение понятий «инновация» и «творчество» имеет ряд упущений. Так, например, «особое» отношение философии к «новому» либо совсем упускается при рассмотрении данных понятий, либо не обосновывается в достаточной мере. И, напротив, в самой истории философии как взаимосвязи концепций и учений реализуется особое отношение философии к новому, что отображено в трудах и биографиях многих знаковых философов. Сделан вывод о том, что понять специфику творческого акта философского знания невозможно без концептуализации понятий «инновация» и «творчество» ввиду их фундаментальной роли в философском дискурсе.

Ключевые слова: инновация, творчество, философия, новое, концепт

Для цитирования: Анисимов Н.О. 2024. Понятия «инновация» и «творчество» в философском дискурсе. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право*, 49(1): 151–158. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-151-158

The Concept of "Innovation" and "Creativity" in Philosophical Discourse

Nikita O. Anisimov

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russia

nik.anisimov.o@bk.ru

Abstract. The notions of "innovation" and "creativity", apart from the epistemological plane, in philosophy have a dimension in the context of the development of the history of philosophy as a special form of thought activity. Innovation and creativity are closely related to the notions of progress and change. It is this connection that make the need for constant reflection on these concepts particularly urgent. The author shows that the study of the concepts of "innovation" and "creativity" has a number of omissions. Thus, for example, the "special" attitude of philosophy to the "new" is either completely omitted when considering these concepts or is not sufficiently substantiated. And, on the contrary, in the history of philosophy itself as an interrelation of concepts and doctrines the special attitude of philosophy to the new is realised, which is reflected in the works and biographies of many significant philosophers. It is concluded that it is impossible to understand the specificity of the creative act of philosophical

knowledge without conceptualising the notions of "innovation" and "creativity" due to their fundamental role in philosophical discourse.

Keywords: innovation, creativity, philosophy, new, concept

For citation: Anisimov N.O. 2024. The Concept of "Innovation" and "Creativity" in Philosophical Discourse. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 151–158 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-151-158

При размышлении о понятиях «инновация» и «творчество» философами часто упускается то, что, по нашему мнению, определение данных понятий складывается одновременно в двух плоскостях: во-первых, принципиальным является вопрос появления новизны в философском опыте, во-вторых, статус и значение таких понятий, как инновация и творчество на обыденном и научном уровнях понимания могут пересекаться довольно условно. Разбирая данные понятия с позиции философии нам сперва требуется уточнить в самых общих чертах, что мы понимаем под философией.

Мы определяем философию, исходя из кантовской парадигмы, как логически строгое знание, полученное посредством всеобщих категорий, актуальность которого заключается в способности порождать понятия, которые одновременно являются общими и полезными [Кант, 2022, с. 102]. «Полезность» таких понятий состоит в том, что они позволяют людям судить и действовать.

Возьмем два важных современных примера: на эпистемологическом уровне причинность и на политическом уровне общественный договор – два понятия, которые буквально заставляют некоторые другие принимать свое значение, и именно здесь их «всеобщность» вступает в игру. Сама по себе философия не измеряет то, что намеревается познать, следовательно, несмотря на то что она не вписывается в экспериментальный канон, в строгом смысле этого слова философия представляет собой интеллектуальную деятельность, часто отсылающую к знанию наук достаточно точных, гуманитарных и социальных. Более того, философия принципиально определяется и как описательное или критическое, и как оценочное или предписывающее знание. Концепции, которые философия предлагает, могут быть восприняты в соответствии с их способностью сделать реальность известной или интерпретировать ее, а также с точки зрения их категориально-понятийного потенциала для улучшения реальности.

Это понимание философии, каким бы классическим оно ни было, тем не менее подлежит осмыслению, потому как есть и другие, более конкретные, то есть отвечающие историческим философским системам, способы определения философии, предложенные, например, Д. Юмом, А. Шопенгауэром, Ф. Ницше, А. Бергсоном, Ж.-П. Сартром, М. Хайдеггером и др. Несмотря на различия подходов этих мыслителей, общим для всех философских учений пунктом, который дает нам право говорить о «философии» как вообще о чем-то общем, является то, что каждой великой системе свойственно пробуждать свое происхождение в уникальном мысленном эксперименте. Это понятие мысленного эксперимента является решающим, потому как от его подлинности зависит способность стать философом, то есть построить оригинальное и плодотворное мысленное представление реальности для себя и, возможно, для других, которые затем воспользуются этим представлением.

Речь идет прежде всего об особом субъективном состоянии, которое выражается отсутствием спокойствия, рассеянным и вначале бессознательным вопрошанием относительно нормального хода вещей или нормального хода событий. Несколько авторов среди основоположников философской дисциплины пытались сформулировать это первоначальное движение. Так, Д. Локк, когда он хочет понять мотив, определяющий или приводящий в движение силу действия и мысли, обнаруживает его в беспокойстве или отсут-

ствии спокойствия, «отсутствие легкости» или «неблагополучие» (беспокойство) [Локк, 2022, с. 117].

Однако начать следует с того, как данную проблему осмыслил Платон, который предполагал, что двигателем философской деятельности является нечто вроде нового взгляда на вещи. Это то, что Платон перевел как «удивляться», «дивиться» или «поражаться» (три возможных значения греческого глагола θαυμάζειν) [Платон, 2011, с. 29]. В этом аспекте философия глубоко касается возникновения новизны в действительности. Нет ничего более «обновляющего» для последней, чем вопрос, который философ адресует ей в ответ на испытываемое им чувство.

Что именно характеризует дискомфорт, испытываемый Д. Локком, или вызываемое у Платона «удивление» перед философским опытом?

Две этих формы отношения к философии формируют два взаимодополняющих аспекта, характеризующих инновационность философской деятельности, несмотря на различия от автора к автору.

С одной стороны, новаторство в философии характерно прежде всего для «опыта» философа. Это связано с тем, что для порождаемого беспокойства или удивления трудно указать причинную связь, потому как решающим тут является интуиция. В самом деле, трудно определить, является ли первоначальное удивление причиной фундаментальной и решающей для интеллектуальной деятельности или причиной удивления являются предпосылки последней. В любом случае эта решающая интуиция лежит в основе любого великого философского положения, как свидетельствует история философии.

Приведём несколько примеров, все из которых должны быть поняты и рассмотрены относительно их способности разрушить старое на пути создания нового в мысли и рассуждении (дискурсе):

– материалистическое положение (Демокрит, Эпикур) о том, что душа смертна [Адо, 1999, с. 68];

– макиавеллистский тезис о том, что иллюзия представляет собой непревзойденную данность политической реальности [Макиавелли, 2022];

– картезианская теория субъективной способности основываться в вопросах познания на врожденных идеях, отменяя установленное схоластикой отношение авторитета к знанию (тезис следует понимать на эпистемологическом уровне, а на практическом уровне главное утверждение – это индивидуальная свобода воли [Декарт, 2021];

– попытка Т. Гоббса обосновать гражданское обязательство на договоре, а именно на прямой связи между рациональностями и их частными интересами, без обращения к религиозным авторитетам, которые до сих пор призывались для обеспечения политического порядка: к авторитету Бога, авторитету Библии, авторитету церкви или авторитету дарованного Богом превосходства королей и знати [Гоббс, 2022];

– внешне скромное предложение эмпириков (Д. Локк [2022], Д. Юм [2022]), согласно которому для любой идеи целесообразно найти первое впечатление, породившее ее;

– кантовская критика, методически доказывающая пределы понимания и познания понятий и, соответственно, переориентация метафизики на практический уровень [Кант, 2022];

– ницшеанская интуиция согласно которой мысль и жизнь подвижны «волей к власти» [Ницше, 2018];

– стремление М. Фуко (постницшеанское) отправить мысль обратно в свои архивы, чтобы установить, что знание чаще всего оказывается связанным с властью и т. д. [Фуко, 2018].

Эти классические и хорошо известные примеры составляют, по сути, саму историю философии и свидетельствуют о том, что философский опыт мысли был и остается силой разрыва с традицией или даже с реальностью. Начальное «удивление» нарушает унаследованные психические паттерны.

В то же время здесь необходимо подчеркнуть различие, позволяющее понять ряд явлений. Целесообразно разделить «философию» и «философствования». Первое питает второе, потому что философствование обновляет знания и методы. Именно в философствовании гораздо больше, чем в философии, раскрывается та сила обновления, которая свойственна этой интеллектуальной деятельности. Однако такая деятельность оказывается трудно характеризуемой, поэтому совершенно рискованно предлагать определение «этой» философии – она сама вполне множественна.

Фактом остается то, что применительно к философствованию фигура «инога» философа, тема «отличия философа» проистекает из такого способа отношения к реальности или традиции, возражая им, что они более не актуальны. «Великий» философ – индивидуум, которому приходит в голову действительно оригинальная мысль, которой он посвящает свое существование. Как правило, философ редко бывает понят в свое время (по крайней мере, на начальном этапе своего опыта), и эта оригинальность оплачивается известной замкнутостью (Декарт), либо репутацией оригинального или даже сумасшедшего (Демокрит), либо репутацией опасного индивида (Б. Спиноза). Например, Платон, говоря о Сократе, неоднократно упоминает атопию своего учителя [Платон, 2017]. Именно Сократ закладывает собой классический для философии образ «того» философа; не поддающегося классификации и сбивающего с толку, эксцентричного до такой степени, что кажется абсурдным.

С другой стороны, отсюда проистекает присущая философии живая интенсивность умственной деятельности. Факт обладания идеей или понятием о чем-либо не означает, говоря по-декартовски, что человек обладает этим знанием, если не ясным (а это значит, что его видят таким, как оно есть в себе), то по крайней мере отчетливым (можно не спутать эту идею с другой). Б. Спиноза утверждал, что адекватное представление о вещи увеличивает нашу способность действовать [Спиноза, 2022]. Таким образом, философский опыт исходит из сильного впечатления открытия нового отношения к истине, отношения, которое обновляет способ понимания функционирования духа, бытия первичных элементов реальности, смысла человеческого существования или даже смысла истории. Строго говоря, можно было бы утверждать, что без этого «жесткого ядра» обновленного отношения к истине не может быть философского опыта; даже если философ не «производит», если его опыт не заканчивается производением, и даже если об этом, вероятно, безапелляционно заявлять, философская деятельность состоит в том, чтобы использовать свою жизнь в истине (согласно девизу Ж.-Ж. Руссо: *Vitam impendere vero*) [Руссо, 2018, с. 573].

Философы редко были революционерами в политическом смысле этого слова; однако в отношении философа к твердому ядру его теоретической интуиции есть что-то революционное или подобное для ума тому, что происходит в случае политических революций: в процессе «удивления» ощущается растущая неустойчивость свидетельства, это мобилизует энергию, которую человек не знал сам и которая ведет к этим радикально новым основам, которые провоцируют различие, способное привести индивидов, затронутых новизной, к конфликту со своими современниками. Правда, последние уже не совсем свои «современники»: революционное отличие новой мысли заставило их впасть в иное отношение к действительности.

Однако является ли то, что порождает философский опыт, т. е. идеи или понятия, творениями или инновациями? Этот вопрос кажется более сложным, потому что он включает в себя не только опыт философов, мнение, которое они всегда имели о практике новаторской деятельности (мнение, чаще всего разделяемое средой, в которой они развивались). Речь идет о квалификации продукта философского опыта по отношению к другим фундаментальным видам человеческой деятельности, таким как искусство или технология.

Термины «творчество» и «инновация» действительно предполагают такое сближение между философией, искусством и техникой.

Акт «творения» относится к особому и в основе своей таинственному акту – акту исследования, к этой работе – чувственной и интеллектуальной, осуществляемой одновременно над материей, формой и смыслом. Таким образом, под «творением» мы понимаем выражение воли к стилизации реальности, которая выражается в намерении создавать артефакты, способные придать ей смысл, несмотря на очевидные контрпримеры в истории искусства.

«Инновация» – термин, характеризующий появление нового в технической и социальной сферах, отвечающее заданной потребности и исторически сложившееся. Инновация обычно относится к появлению новшеств в области технологий и относится к парадигматической ситуации, когда техническое изобретение значительно изменяет способы ведения дел производителями и/или пользователями. Так, например, паровая машина, затем двигатель внутреннего сгорания или даже домашний компьютер (ПК), затем сеть Интернет представляли собой новаторские технические изобретения, поскольку они не только в той или иной степени привнесли что-то на чисто технический уровень, но и реорганизовали промышленность и все общество своего времени. Поэтому часто говорят, что инновация касается изобретения с приложениями, которые могут удовлетворить потребности. Более того, инновация отличается от изобретения тем фактом, что изобретение часто возникает неожиданно, а инновация обусловлена тем, что воспринимается как недостаток или трудность, поэтому технология (и, в более общем смысле, человеческая изобретательность) запрашивается всегда достаточно сознательным образом. Однако это классическое положение страдает некоторым недостатком, связанным с неопределенностью понятия «потребности». Правда, в случае так называемой радикальной инновации изобретение действительно отвечает еще даже не осознанной в обществе потребности; можно сказать, что оно реорганизует общество в соответствии с виртуальной потребностью последнего. Таким образом, в хрестоматийном случае паровой двигатель оправдал ожидания, существовавшие в Европе на заре индустриального общества, намного превосходящие то, что могли предвидеть самые изобретательные из промышленников и/или самые радикальные из современных социальных мыслителей.

Но мы также можем утверждать, и это весьма тревожно, что сущность настоящей инновации состоит в том, чтобы реорганизовать реальные потребности людей, открыв их для возможного, по определению не полностью предсказуемого. В этом отношении технологическая инновация способна производить тот же эффект, что и эстетическое творчество, или, во всяком случае, очень похожий эффект – грубое изменение способов действия и видения эпохи. Соответственно, у нас есть в известном смысле понятие инновации, идея, способная заранее выдвинуть гипотезу по отношению к реальности. Таким образом, в настоящих инновациях есть элемент созидания, поскольку это оригинальное, уникальное изобретение и вектор смысла для людей.

Эстетическое творчество можно сравнить с технологическими и социальными инновациями в соответствии с признанием потребности в смысле. Данная потребность не похожа на другие материальные потребности, однако, она во-много обуславливает развитие материального мира. Творчество, как правило, мыслится более «свободным» актом, чем инновации. Творчество не обязательно не мотивировано, но также коренится в чувстве (по крайней мере, рассеянном и испытываемом некоторыми) недостатка.

Охарактеризовав понятия «творчество» и «инновация», мы можем рассмотреть вопрос: подпадает ли философский опыт и появление новых понятий, организованных в доктрины, под творение или нововведение? На этот вопрос кажется трудно ответить по крайней мере по двум причинам: (1) очень трудно предложить ответ, принимая во внимание очень большое разнообразие как философов, так и ситуаций, в которых они задумывали свои работы и свои философские концепции; (2) вопрос сложен, потому что ответ требует уточнения у чего-то, что остается спорным: генезис философского мировоззрения.

Вполне можно утверждать, что философия сродни новшеству; несколько элементов могут быть засвидетельствованы в пользу такого тезиса. Выдвигая такой тезис, мы ориентируемся на определение философии как человеческого знания, которое в значительной степени определяется его социальными условиями. И действительно, деятельность философа мыслится по отношению к миру, в котором он развивается. Учение философа поддерживает связь с «ситуационной» реальностью и проблемами, с которыми сталкивается последняя. Несколько примеров можно найти в политической философии, одном из регистров философской мысли, который наиболее явно связан с этим типом проблемы. Идеи таких авторов, как Т. Гоббс, Б. Спиноза, Ж. Локк и Ш.Л. Монтескье, бесспорно связаны с социальным, экономическим и моральным контекстами своего времени. С этой точки зрения кажется, что мы можем рассматривать философские понятия как интеллектуальные инструменты, они связаны с «технологическим» интересом, человека, пытающегося вооружиться полезными представлениями, чтобы думать и действовать. Это, возможно, менее ясно для других разделов философии, но такая интерпретация, по закону, всегда возможна в отношении любого концептуального нововведения.

Такой способ рассмотрения появления понятий спорен по нескольким причинам. С одной стороны, нет уверенности в том, что все области философии (например, метафизика, эстетика, теория познания, этика) могут быть поняты в связи с проблемами, остро возникающими на политическом уровне; политическая философия, быть может, является исключением, и мы должны остерегаться делать правилом философскую деятельность в целом. С другой стороны, эта интерпретация отсылает нас к редукционизму.

Чтобы лучше понять, можно обратиться к замечанию, сделанному Ханной Арендт в своем труде «*Vita Activa*, или О деятельной жизни» [Арендт, 2017, с. 203], в отрывке, где автор радикально критикует концепцию функционалистских произведений искусства. Произведения, порожденные эпохой, нельзя понимать в связи с потребностями, испытываемыми людьми в данный момент. Это равносильно пониманию культуры («феномен мира») в терминах досуга («феномен жизни»). Функциональность должна пониматься в отношении потребления, акта поедания эфемерных объектов; культура – в отношении длительности, которая связывает прошлое и настоящее в осмысленной непрерывности. О новых понятиях, порожденных обществом, можно сказать то же, что Арендт утверждает о картинах или соборах: они зависят и не зависят от «потребностей» и «желаний» современников. Поскольку красота произведения «выходит за пределы потребностей и функций», то же самое относится и к релевантности понятий: они тоже «последние», до такой степени, что можно было бы утверждать о них также, что они «единственные» вещи, не имеющие никакой функции «в жизненном процессе общества». Сами они словно созданы «для мира, которому суждено пережить ограниченную жизнь смертных, приход и уход поколений».

Другими словами, инновационная концептуальная деятельность вызывает созидание. Полностью оригинальный характер основной интуиции философа; в связи с этим есть рецепция новых тезисов, что часто вызывает значительное непонимание со стороны современников. Если музыкант, визуальный художник, драматург иногда терпят беспрецедентное насилие со стороны академической критики, то это потому, что они предают их. На самом деле эстетическое предложение, охарактеризованное таким образом, выдает устойчивые привычки, на которых зиждется все отношение к реальности их современников. С этой точки зрения философия сама есть творение, оригинальное изобретение стиля отношения к себе, мышления и взгляда на действительность.

Операция философского творчества, вероятно, не есть чисто логический опыт, хотя она никогда не отрывается от определенной логики. Следует подчеркнуть, что размывает хорошо проведенные демаркационные линии тот факт, что философская деятельность, даже самая оригинальная по своей интуиции и по своим понятиям, находится на стыке нескольких других устоявшихся практик и дискурсов, независимых от философии, среди которых наука о природе (Аристотель, Эпикур, Р. Декарт, Т. Гоббс, Г.В.Ф. Гегель непо-

няты без этого сравнения), теология и религиозный опыт (Платон, Плотин, Августин, Фома Аквинский), знание языка и изучение познавательных процессов (вся так называемая аналитическая традиция после Л. Витгенштейна), политики (Н. Макиавелли, Б. Спиноза, И. Фихте), искусства (Ф. Ницше, М. Хайдеггер). Другими словами, даже когда философия имеет отношение к творчеству или инновациям, то, что она заставляет казаться новым, проистекает, что весьма парадоксально, из того факта, что философия сопровождает знания или практики и обновляет их, подвергая их сомнению.

Таким образом, мы могли бы утверждать, что философия связана с постоянно обновляемой задачей мысли, которая принимает традицию истории философии как необязательный ментальный ресурс. Принятие мыслить философски означает попытку найти проблему, лежащую в том или ином человеческом, социальном, моральном, эстетическом, политическом, техническом, культурном, религиозном контекстах, а иногда и во всем этом одновременно, в соответствии с продолжительностью, которая превышает строгий уровень социальных «потребностей» и индивидуальных «желаний». В этой задаче пример философов прошлого представляет собой почти невероятное богатство.

Список литературы

- Адо П. 1999. Что такое античная философия? Москва, Изд-во гуманитарной литературы, 345 с.
Арендт Х. 2017. *Vita Activa*, или О деятельной жизни. Москва, Ад Маргинем Пресс, 416 с.
Гоббс Т. 2022. *Левиафан*. Москва, АСТ, 352 с.
Декарт Р. 2021. *Рассуждение о методе и другие сочинения*. Москва, АСТ, 368 с.
Руссо Ж.-Ж. 2018. *Эмил, или О воспитании*. Избранное. В 3 т. Т.2. Москва, Книжный клуб «Книгоvek», 733 с.
Кант И. 2022. *Критика чистого разума*. Москва, АСТ, 784 с.
Локк Д. 2022. *Два трактата о правлении*. Москва, Социум, 494 с.
Макиавелли Н. 2022. *Государь*. Москва, РИПОЛ классик, 464 с.
Ницше Ф. 2018. *Сумерки идолов, или Как философствуют молотом*. Москва, Издательство Э, 160 с.
Платон 2011. *Теэтет*. Москва, Нобель Пресс, 56 с.
Платон 2017. *Федр*. Москва, Издательство РХГА, 232 с.
Спиноза Б. 2022. *Этика* Москва, РИПОЛ классик, 328 с.
Фуко М. 2018. *Археология знания*. Москва, Гуманитарная Академия, 416 с.
Юм Д. 2022. *Трактат о человеческой природе*. Москва, АСТ, 800 с.

References

- Ado P. 1999. *Chto takoe antichnaya filosofiya?* [What is Ancient Philosophy?]. Moscow, Izd-vo Humanitarian Literature, 345 p. (in Russian)
Arendt H. 2017. *Vita Activa, ili O deyatel'noj zhizni* [The Human Condition]. Moscow, Ad Marginem Press, 416 p.
Hobbes T. 2022. *Leviafan* [Leviathan]. Moscow, AST, 352 p. (in Russian)
Descartes R. 2021. *Rassuzhdenie o metode i drugie sochineniya* [Discourse on Method and Related Writings]. Moscow, AST, 368 p.
Rousseau J.-J. 2018. *Emil', ili O vospitanii*. *Izbrannoe* [Emile, or On Education]. Selected Works. In 3 vol. Vol. 2. Moscow, Knigovec Book Club, 733p.
Kant I. 2022. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, AST, 784 p. (in Russian)
Locke D. 2022. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises on Government]. Moscow, Sotsium, 494 p.
Machiavelli N. 2022. *Gosudar*. [The Prince] Moscow, RIPOL Classics, - 464 p. (in Russian)
Nietzsche F. 2018. *Sumerki idolov, ili Kak filosofstvuyut molotom* [Twilight of the Idols. Or: How the Hammer Philosophized]. Moscow, Izdatel'stvo E, 160 p.
Plato 2011. *Teetet* [Theaetetus]. Moscow, Nobel Press, 56 p.
Plato 2017. *Fedr* [Phaedrus]. Moscow, RCHA Publishing House, 232 p.
Spinoza B. 2022. *Etika* [Ethics]. Moscow, RIPOL Classics, 328 p.
Foucault M. 2018. *Arheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Moscow, Humanitarian Academy, 416 p.
Um D. 2022. *Traktat o chelovecheskoj prirode* [Treatise on Human Nature]. Moscow, AST, 800 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2023
Поступила после рецензирования 03.12.2023
Принята к публикации 30.01.2024

Received September 03, 2023
Revised December 03, 2023
Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Никита Олегович, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita O. Anisimov, postgraduate student of the Department of Philosophy, Culturology, Science of Science, Belgorod Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 130.2; 808.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-159-164

Бюрократия: к истории философского концепта

Волкова В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85,
nika.vera@inbox.ru

Аннотация. Бюрократия – одно из ключевых понятий в исследовании устройства современного общества, общества «модерна». Это понятие, которое в настоящее время имеет негативный имидж, часто содержит в себе действительно деструктивные смыслы. Однако, изначально осмысление понятия и восприятие самого феномена бюрократии носило гораздо более положительный характер. Так, Ф. Гегель и М. Вебер подчеркивали рационализм и эффективность бюрократии, что было критически переосмыслено философами-неомарксистами в XX веке. Поэтому бюрократия как философский концепт необходимо рассмотреть с разных точек зрения, вырабатывая синтетическое понимание этого феномена. С одной стороны, бюрократия олицетворяет принципы организации и управления, которые могут обеспечивать эффективное функционирование общества. Она предполагает четкую иерархию, строгие правила и процедуры, объективные критерии принятия решений. Однако, с другой стороны, бюрократия может привести к ряду проблем и противоречий: к замедлению социальных процессов, утрате инноваций, недостаточной гибкости и адаптивности. Именно неоднозначность в важности данного понятия являются причинами ценности истории его осмысления философами.

Ключевые слова: философия, бюрократия, концепт, понятие, элементы бюрократии

Для цитирования: Волкова В.А. 2024. Бюрократия: к истории философского концепта. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 159–164. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-159-164

Bureaucracy: Towards the History of the Philosophical Concept

Veronika A. Volkova

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
nika.vera@inbox.ru

Abstract. Bureaucracy is one of the key concepts in the study of the structure of modern society, the society of "modernity". This concept, which currently has a negative image, often contains truly destructive meanings. However, initially, the understanding of the concept and perception of the phenomenon of bureaucracy itself was much more positive. Thus, F. Hegel and M. Weber emphasized rationalism and the effectiveness of bureaucracy, which was critically rethought by neo-Marxist philosophers in the twentieth century. Therefore, bureaucracy as a philosophical concept must be considered from different points of view, developing a synthetic understanding of this phenomenon. On the one hand, bureaucracy embodies the principles of organization and management that can ensure the effective functioning of society. It presupposes a clear hierarchy, strict rules and procedures, and objective criteria for decision-making. However, on the other hand, bureaucracy can lead to a number of problems and contradictions: slowing down social processes, loss of innovation, lack of flexibility and adaptability. It is the ambiguity in the importance of this concept that causes the value of the history of its understanding by philosophers.

Keywords: philosophy, bureaucracy, concept, conception, elements of bureaucracy

For citation: Volkova V.A. 2024. Bureaucracy: Towards the History of the Philosophical Concept. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 159–164 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-159-164

Феномен и понятие «бюрократия» имеют корни как на Западе, так и на Востоке. В контексте европейской культуры понятие «бюрократия» восходит к политической системе Древней Греции. Особую актуальность концепция бюрократии получила с появлением современного государства в эпоху Нового времени, в XVI и XVII веках. Если в Средние века существовала всеобъемлющая вера в божественную природу церковной и королевской власти, а раз так, то такая власть априори является эффективной. С приходом Нового времени качественно изменяется не только представление о власти, но и сама эффективная реальность начинает диктовать необходимость бюрократии, поскольку растущим, колониальным государствам, расположенным на нескольких континентах, требовался профессиональный орган не просто для управления и регулирования государственных дел, без бюрократии представляется невозможным само существование таких государств. В этот период произошла консолидация централизованных и абсолютистских государств в Европе, таких как Испания, Англия и Франция. Так, например, ярким сторонником бюрократии как формального организационного метода был французский государственный деятель Жан-Батист Кольбер. Формальные элементы бюрократии, которые Ж.-Б. Кольбер привнес во французское государственное управление в XVII веке, во многом сохранились до XX века [Малов, 1991].

Начало же философского осмысления понятия «бюрократия» было положено Г. Гегелем. Он рассматривал этот вопрос в своем труде «Философия права» [Гегель, 2023]. Согласно Гегелю, бюрократию можно определить как «государствостроительство» гражданского общества. Гегель использовал и другие термины для обозначения бюрократии, такие как государственное сознание, воля государства, государственная власть.

По Гегелю, государство есть последняя ступень эволюции, и эта эволюция идет через диалектику, а гражданское общество является очень важным этапом в этом процессе развития. Государство есть воплощение разумной воли общества, и потому Гегель считал бюрократию важным инструментом управления и реализации государственных решений. Бюрократия, по Гегелю, необходима для обеспечения эффективности и стабильности государства. Он видел в этом форму разума и рациональности, которая помогает упорядочивать и структурировать управление. Однако Гегель также осознавал риски, связанные с бюрократией. Он предупредил, что бюрократия может стать самоцелью и задушить свободу и творчество граждан. Он подчеркнул важность сбалансированных отношений между бюрократией и гражданским обществом, чтобы бюрократия служила общему благу, а не преследовала свои собственные интересы.

Понятие бюрократии было осмыслено итальянским социологом Гаэтано Моска. В своей работе «Начала политической науки» Г. Моска [2023] сделал следующие: прямо указал на существование определенного класса, который правит «во всех человеческих обществах, достигших определенного уровня развития и культуры, политическое управление в самом широком смысле этого слова, включая административное, военное, религиозное, экономическое и моральное руководство, непрерывно осуществляется особым, то есть организованным, меньшинством». Г. Моска пришел к выводу, что политический класс избирается по-разному, но всегда исходит из определенных качеств и способностей индивида. Состав правящего меньшинства обычно таков, что индивиды, из которых оно состоит, отличаются от массы управляемых определенным качеством. Другими словами, у них есть какие-то необходимые достоинства, которые высоко ценятся.

Суть взгляда Г. Моска заключается в том, что в любом развитом обществе в основном существует два класса – один управляемый, а другой – правитель. Последний класс обладает определенными особыми характеристиками, которые позволяют ему быть лучше подготовленным и доминировать в обществе. Далее он утверждает, что эти качества доступны не всем людям в обществе. Кроме того, Г. Моска утверждает, что способность управлять является неперенным критерием для формирования политических классов. Правящий класс обладает некоторыми высшими качествами, но искусство или качество, которое должно быть применено, должно быть приобретено путем специальной подготовки.

Г. Моска описывает четыре различных типа политической организации. Это город, государство, феодальное государство, бюрократическое государство и современное представительное государство. Но из его анализа следует, что его главным интересом было бюрократическое государство. В таком государстве функции правительства распределяются не географически, а по своему характеру. Определенный атрибут суверенной власти возлагается на отдельные иерархии чиновников, каждая из которых получает свой импульс от центральной государственной власти. Функции государства распределены между государственными служащими. Есть одни чиновники, которые выполняют более важные функции, есть те, кто выполняет менее важные задачи. Таким образом, на символическом и физическом уровне в бюрократическом государстве строго соблюдается иерархическая система.

Вильфредо Парето был итальянским экономистом и социологом, известным своими работами по теории элит и концентрации богатства. В своей работе «Социалистические системы» В. Парето [Парето, 2024] обращался к проблеме бюрократии и критиковал ее неэффективность и отсутствие адаптивности. Согласно В. Парето, бюрократия – это иерархическая система, которая способствует застою и инерции внутри организаций. Он утверждал, что в бюрократии часто доминируют люди, стремящиеся максимизировать свою власть и статус в ущерб эффективности и общественным интересам. Парето считал, что бюрократия несет ответственность за растрату ресурсов и неэффективность процессов принятия решений. Он выступал за большую гибкость и большее чувство индивидуальной ответственности внутри организаций для содействия инновациям и эффективности. Коротко говоря, В. Парето критиковал бюрократию как жесткую и склеротическую систему, которая препятствует прогрессу и эффективности организаций.

Вклад в осмысление бюрократии Г. Моска и В. Парето часто преуменьшается. Однако именно они во многом заложили те смысловые рамки, внутри которых мы понимаем бюрократию. Следующей важной вехой в осмыслении бюрократии стали труды Макса Вебера.

М. Вебер в целом более позитивно относится к бюрократии, чем его предшественники. По мнению В. Вебера, бюрократия является воплощением рациональной и эффективной системы. В своей работе «Хозяйство и общество» [Вебер, 2019] он рассматривает бюрократизацию административной организации как следствие прогресса рациональности, характерного для современных обществ. Законно-рациональное господство имеет приоритет над традиционным доминированием, тем самым порождая более эффективные и справедливые иерархические отношения, поскольку они, по сути, основаны на правовой базе, а не на доброй воле лидера.

Для М. Вебера бюрократия является даже самой приоритетной формой законно-рационального господства. Его способ организации, основанный на безличных, абстрактных и универсальных правилах, устраняет риски эксцессов, связанных с личной властью. Ригоризм этой модели управления, по его мнению, является верным способом убедить граждан в силе администрации. М. Вебер, однако, придерживается неоднозначного взгляда на развитие бюрократии. Его концепция пессимистического рационализма подчеркивает, что бюрократическое господство может иметь репрессивное измерение. Общество, как и природа, теряет для человека свое загадочное и таинственное измерение, тем самым

сталкивая индивида с потерей смысла. Бюрократия с ее обезличенным и автоматическим измерением, безусловно, ведет к повышению эффективности, но также и к потере индивидуальной свободы, запирая индивидов в «стальной клетке». Эти опасения можно найти в литературе времен М. Вебера. Например, в своем романе «Процесс» Ф. Кафка критикует крайности иерархического и жесткого распределения власти, когда решения принимаются на нескольких административных уровнях, управляемых абстрактными нормами, лишенными человечности [Кафка, 2022].

Эти проблемы получили свое воплощение, а позже были осмыслены философами XX века. Так, Ханна Арендт в своей знаменитой работе «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» [Арендт, 2008] исследует, как чиновники нацистского режима могли совершать чудовищные действия рутинным и банальным образом, прикрываясь бюрократией и просто выполняя приказы. Х. Арендт подчеркивает, что бюрократия – это система доминирования, которая может привести к дегуманизации личности, заставляя ее слепо подчиняться и терять моральное чувство и индивидуальную ответственность. Она также отмечает, что бюрократия может создавать дистанцию между людьми и последствиями их действий, что снижает вероятность того, что они будут подвергать сомнению этику своих действий. Таким образом, для Х. Арендт бюрократия – это система власти и контроля, которая может создать среду, способствующую безнравственности и тривиализации зла, не позволяя людям критически и автономно мыслить о своих действиях.

Герберт Маркузе, философ и теоретик Франкфуртской школы, много размышлял над вопросом бюрократии и ее влияния на современное общество. Для Г. Маркузе бюрократия – это философская концепция, которая представляет собой систему контроля и доминирования, ограничивающую свободу личности и способствующую конформизму и отчуждению. Власть использует бюрократию для поддержания господства элит над массами посредством создания ложной рациональности, которая превращает людей в винтики системы и мешает им мыслить критически и творчески. Тоталитарный и репрессивный характер современной бюрократии имеет тенденцию подавлять все формы выражения и инакомыслия [Маркузе, 1994]. Как философская концепция, бюрократия, согласно Г. Маркузе, воплощает форму отчуждения современного человека, который оказывается раздавленным тяжестью безличных правил и процедур. Маркузе призывает к восстанию против бюрократии и поиску альтернативы, основанной на автономии и индивидуальном творчестве.

Мишель Фуко несколько раз обращался к концепции бюрократии во многих своих работах. Особенно пристально М. Фуко разбирал в своем труде «Надзирать и наказывать» [Фуко, 2022]. Для М. Фуко бюрократия – это система власти и контроля, осуществляемая посредством институциональных механизмов и административных процедур. Он считает, что бюрократия – это не только средство рациональной и эффективной организации, но и механизм доминирования и надзора, который заключает людей в рамки норм и правил.

М. Фуко критикует, в частности, бюрократизацию знаний и практик, которая имеет тенденцию стандартизировать и нормализовать поведение и мысли. Он показывает, как бюрократия, навязывая классификации и иерархии, способствует укреплению механизмов власти и социального контроля. Бюрократия – это инструмент государственного управления, целью которого является регулирование населения и подчинение его заранее установленным нормам и правилам. В нем подчеркивается дисциплинарное воздействие бюрократии, целью которого является нормализация поведения и поддержание социального порядка [Фуко, 2022, с. 179]. В конечном счете для М. Фуко бюрократия – это сложная система доминирования и контроля, которая осуществляет свою власть через сдержанные и коварные формы, тем самым помогая укреплять властные отношения и поддерживать структуры доминирования [Фуко, 2022, с. 207].

Жак Деррида, известный французский философ, так же критически подошел к понятию бюрократии. Философия Ж. Деррида связана с тем, как язык и смысл конструируются и деконструируются, в этом контексте он рассматривал бюрократию как форму дискурса,

которая стремится контролировать и регулировать человеческое поведение посредством навязывания правил и положений.

Для Ж. Деррида бюрократия – это система контроля и доминирования, способствующая репрессиям. Он рассматривает бюрократию как средство поддержания социального порядка и ограничения свободы личности. Ж. Деррида ставит под сомнение легитимность бюрократии как структуры власти, подчеркивая, что она лишает людей способности критически мыслить и действовать автономно. Он также критикует безличный и бесчеловечный характер бюрократии, подчеркивая, что она способствует иерархии и отчуждению людей [Деррида, 2006, с. 153]. В своих работах Ж. Деррида подчеркивает пагубное воздействие бюрократии на общество, подчеркивая, что она порождает социальную несправедливость и ограничивает творчество и инновации. Он призывает бросить вызов бюрократии как репрессивной системе власти и призывает людей противостоять ее влиянию и искать более демократические и эгалитарные формы управления.

Таким образом, мы можем утверждать, что бюрократия как философский концепт имеет под собой серьезное и продолжительное осмысление, которые было положено Г. Гегелем и изначально носило преобладающе положительный окрас. Так, по мнению некоторых философов, таких как М. Вебер, бюрократия является неизбежной формой организации в современном обществе из-за ее рациональности и эффективности.

Однако события XX века привели к переоценке роли и ценности бюрократии как феномена, что неизбежно перевело к переосмыслению данного понятия. Поэтому многие философы, например, Х. Арендт и М. Фуко критикуют бюрократию, указывая на ее безличный характер, на ее тенденцию отдавать предпочтение конформизму над творчеством, а также на ее потенциал создавать несправедливость и препятствия на пути инноваций. А Ж. Деррида предостерегает от рисков чрезмерной бюрократизации, которая может привести к потере смысла труда, дегуманизации социальных отношений и обострению неравенства.

Список литературы

- Арендт Х. 2008. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., Европа, 424 с.
Вебер М. 2019. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Господство. М., Издательский Дом ВШЭ, 544 с.
Гегель Г.В.Ф. 2023. Философия права. М., Азбука, 480 с.
Деррида Ж. 2006. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. Москва, Logos-altera; Ecce homo, 254 с.
Кafka Ф. 2022. Процесс. Москва, Neoclassic, 288 с.
Малов В.Н. 1991. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., Наука, 406 с.
Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. М., Рефл-бук, 340 с.
Моска Г. 2023. Начала политической науки. М., КноРус, 1280 с.
Парето В. 2024. Социалистические системы. М., РИОР, 716 с.
Фуко М. 2022. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., Ад Маргинем, 384 с.

References

- Arendt H. 2008. Banal'nost' zla. Ejhman v Ierusalime [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil]. Moscow, Publ. Evropa, 424 p.
Veber M. 2019. Hozyajstvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchej sociologii. Gospodstvo [Economics and Society: Essays in Understanding Sociology. Sociology.]. Moscow, Publ. VSHE, 544 p.
Gegel' G.V.F. 2023. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Moscow, Publ. Azbuka, 480 p.
Derrida ZH. 2006. Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyj internacional [Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning, and the New International]. Moscow, Publ. Logos-altera; Ecce homo, 254 p.
Kafka F. 2022. Process [Process]. Moscow, Publ. Neoclassic, 288 p.

- Malov V.N. 1991. Zh.-B. Kol'ber. Absolyutistskaya byurokratiya i francuzskoe obshchestvo [J.-B. Colbert. Absolutist Bureaucracy and French society]. M., Publ. Nauka, 406 p.
- Markuze G. 1994. Odnomernyj chelovek [One-Dimensional Man]. Moscow, Publ. Refl-book, 340 p.
- Moska G. 2023. Nachala politicheskoy nauki [Beginnings of Political science]. Moscow, Publ. KnoRus, 1280 p.
- Pareto V. 2024 Socialisticheskie sistemy [Socialist Systems]. Moscow, Publ. RIOR, 716 p.
- Fuko M. 2022. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline & Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Publ. Ad Marginem, 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.09.2023

Поступила после рецензирования 20.12.2023

Принята к публикации 30.01.2024

Received September 22, 2023

Revised December 20, 2023

Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волкова Вероника Анатольевна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Veronika A. Volkova, postgraduate student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-165-172

Мифологический хронотоп и архетипы повседневности

Селюков С.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

SelyukovSA@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – представить философско-культурологический анализ понятия «мифологический хронотоп», рассматриваемого в классических трудах М. Элиаде, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, прояснить его связь с теорией архетипов К.-Г. Юнга а также развить некоторые их положения применительно к современным условиям. Ориентация на использование сравнительной, сравнительно-исторической, системной и герменевтической научной методологии позволяет проследить значимые элементы сходства и различия в интерпретации понятия «архетип» в теоретических построениях М. Элиаде и К.-Г. Юнга. Обоснована необходимость выделения в современных условиях такой категории архетипических образов, как «архетипы повседневности», и конкретных их кластеров (дом, семья, работа, отношения, здоровье, досуг, быт и др.).

Ключевые слова: мифологический хронотоп, Tempus, Templum, теория архетипов, «архетипы повседневности», М. Элиаде, К.-Г. Юнг

Для цитирования: Селюков С.А. 2024. Мифологический хронотоп и архетипы повседневности. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(1): 165–172. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-165-172

Mythological Chronotope and Archetypes of Everyday Life

Sergey A. Selyukov

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia

SelyukovSA@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of the concept of the mythological chronotope, represented by two basic components: Tempus (Sacred Time) and Templum ("Temple"). The concept was developed in the works of the classics of cultural studies, philosophy, and comparative religious studies – M. Eliade, E.M. Meletinsky, V.N. Toporov. M. Eliade often uses the concept of "archetype" in his works on the mythological chronotope – however, not in the sense in which this term is used by K.G. Jung. The work is based on the use of comparative, comparative-historical, systemic and hermeneutical scientific methodology. The analysis reveals significant similarities and differences between Eliade and Jung's approaches to the term "archetype": the first scientist examines its content in a cultural and historical context, the second – in a psychological one. The main difference between these approaches is: Eliade saw the contradiction between the sacred and the everyday world as insurmountable one, Jung proceeded from their essential unity. It seems appropriate in today's conditions to develop the category of "archetypes of everyday life" with the allocation of such their clusters as Home, Family, Work, Relationships, Health, Leisure, Everyday life, etc.

Keywords: mythological chronotope, Tempus, Templum, theory of archetypes, "archetypes of everyday life", M. Eliade, K.-G. Jung

For citation: Selyukov S.A. 2024. Mythological Chronotope and Archetypes of Everyday Life. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 165–172 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-165-172

Введение

Актуальность рассматриваемой темы определяется современным состоянием мира, человека и человеческой психики – состоянием предкризисным, а в некоторых отношениях даже критическим. Сохранение и восстановление духовного потенциала как индивида, так и социума невозможно без пристального внимания к фундаментальным процессам и закономерностям их исторического и современного развития, в том числе берущим свое начало в духовных (религиозных, мифологических и др.) традициях архаических обществ. Ведь, как указывал знаменитый религиовед Мирча Элиаде, который в своих работах представил глубокий и детальный анализ мифологического хронотопа, адекватно осмыслить его означает «лучше понять одну из важнейших категорий современной жизни» [Элиаде, 1996, с. 11].

Время как *Tempus*

Мифологический хронотоп» представлен двумя базовыми составляющими: *Tempus* («хроно», Сакральное Время) и *Templum* (архетипический «храм» в качестве пространственного топоса). Мифологический хронотоп и хронотоп повседневной жизни, согласно М. Элиаде, представляют два радикально различных человеческих *modus vivendi* (образ жизни, лат.). От «профанного», «мирского», обыденного мифологический хронотоп кардинально отличается прежде всего восприятием времени. Это особая и фундаментальная категория темпоральности, обозначаемая М. Элиаде как время «сакральное» или «иерофаническое», а Е.М. Мелетинским – как «трансцендентное».

Реальность, отличная от сакральной, в понимании человека архаичных культур не может нести с собой ощущения блаженства и силы; их он может почерпнуть только в представлении о присутствии в его собственной жизни высшего, трансцендентного плана бытия [Mirdamadi, 2015, p. 398] «Элиаде диагностирует два способа взаимодействия человека со временем и пространством: архаичный и современный» [Barth, 2013, p. 59].

Обыденное время линейно и подчиняется линейным законам. Сакральное время циклично, и главным его законом признаются «вечные возвращения». Религиозное не воспринимает время как однородный континуум. События, происходящие в рамках обычного времени, принадлежат эмпирической повседневности. Однако с той или иной периодичностью оно прерывается периодами сакрального времени. Как правило, эти периоды связаны с религиозными празднествами и ритуалами: «...с помощью ритуалов религиозный человек может без всякой опасности "переходить" от обычного течения времени к Времени Священному» [Элиаде, 1994, с. 49].

Трансцендентность мифологического времени, присущая ему иерофанация (т. е. связь с «божественными» аспектами бытия) обусловлена способностью к обратимости. Обычное время эмпирично, сакральное – умопостигаемо. Лишь человеческий ум, мышление, фантазия способны воспроизводить давнопрошедшие события. Сакральное время отражает эту способность ума, и на способности к обратимости базируется главная его характеристика – циклический характер. «Эту концепцию лучше всего можно изобразить в виде круга с горизонтальной линией, проходящей через середину <...> – линейное движение человека во времени смертных... Однако до рождения и после смерти человек существует в космологическом вечном времени, представленном кругом» [Hauglid, 1994, p. 637].

В мифологическом сознании события, произошедшие в незапамятные времена, раз за разом повторяются, фиксируя тем самым незыблемость существующего на Земле порядка. Образцом для подражания выступает «первичное мифическое время» или «пра-время», оно не может быть привязано к конкретным историческим периодам. Посредством ритуалов вечность предстает в форме актуального настоящего: «чисто мифические прасобытия затем многократно воспроизводятся в обрядах» [Мелетинский, 1995, с. 37]. В этом смысле сакральное время «всегда равно самому себе, не изменяется и не утекает» [Элиаде, 1994, с. 49].

В начальных своих формах цикличность мифологического времени восходит к рефлексии естественных природных (сезонных) циклов и их «возвращениям». Но мифологические циклы все-таки имеют фиксируемое начало, в роли которого выступает то самое событие, воспроизводимое в ритуалах. Если речь о событиях фундаментального характера, отражаемых в так называемых мифах творения, то следуя «вглубь времени», за ними мы уже как будто не обнаруживаем вообще никакого времени как такового: сами эти события и «открывают», «инициируют» историю и ее разворачивание во времени.

Элиаде приводит в пример вавилонские новогодние ритуалы. «Убивая» в очередной раз символизирующее хаос чудовище Тиамат, бог Мардук «подтверждал» переход от профанного времени к сакральному и восстановление в мире статуса изначального божественного порядка. «Сотворение мира, таким образом, воспроизводится каждый год» [Элиаде, 1987, с. 74]. Отсюда и само «сакральное» применительно к человеческой деятельности понимается М. Элиаде как действие «божественное», парадигматическое и повторяющееся [Meagher, 1980, p. 7].

Пространство как *Templum*

Вторая составляющая мифологического хронотопа – пространственная локализация. «Хронос» и «топос» здесь неразрывно связаны. Для архаического *homo religiosus*, точно так же как и время, «пространство не является однородным; некоторые части пространства качественно отличаются от остальных. Есть сакральное и тем самым важное и значительное пространство; и есть другие пространства» [Элиаде, 2002, с. 42].

Сакральное пространство может иметь две важнейшие конфигурации – вертикальную и горизонтальную. В первом случае пространство предстает как центрированное вокруг оси, которая «держит» мир. «...Одного этого измерения достаточно, чтобы вызвать трансцендентность» [Элиаде, 1994, с. 129]. Особенно популярна была модель «мирового древа». В.Н. Топоров, сравнивая его образы в скандинавской и иранской «версиях», писал о появлении этого образа в индоевропейской традиции [Топоров, 2010, с. 108]. Той же позиции придерживается и шведский исследователь А. Хултгард [Hultgard, 2022, p. 394], и многие другие ученые.

Также очень популярной была такая пространственная организация мифологического хронотопа, как горизонтальная. Она особенно часто встречается в конструкции храмовых сооружений. Сам процесс проектирования и строительства храмов в древности во многом сопоставлялся с процессами создания мира. Идея храма как «центра мира» воплощается в ориентации храмовых зданий по четырем сторонам света, что символизировало не только пространственную «полноту» представляемой реальности, но также и ее «полноту» темпоральную. Ведь «четырёхсторонняя» ориентация могла символизировать и четыре сезона, и четыре времени суток. Такая организация храмового пространства характерна для множества древних культур по всему миру. Фиксируемое же ею единство «хроноса» и «топоса» отразилось даже в обнаруженном лингвистическом родстве индоевропейских корней слов *tempus* («время») и *templum* («храм»).

Архетипы и повседневность

Элиаде неоднократно использует термин «архетипы» (от греческого *archetipos* – «образ»). В широкий научный оборот термин «архетип» ввел К.-Г. Юнг. М. Элиаде, однако, специально оговаривает, что его собственное толкование данного термина отличается от юнговского. «Для Юнга, как известно, архетипы – это структуры коллективного бессознательного. Но я в своей книге совсем не касаюсь проблем глубинной психологии и не работаю с представлениями коллективного бессознательного. Я употребляю понятие "архетип" <...> как синоним к "образцам для подражания" и "парадигмам" ...» [Элиаде, 1987, с. 30].

Действительно, в системе аналитической психологии Юнга архетипы трактуются как образования коллективного бессознательного, хранящего «частично ожившие коллективные содержания» [Юнг, 2009, с. 23], – как правило, не осознаваемые индивидами. «Архетипы, – писал сам Юнг, – это, так сказать, органы человеческой души, извечно наследуемые формы и идеи, которые сами по себе лишены определенного содержания, но обретают его в течение жизни человека...» [Юнг, 1992, с. 18]

Все же «архетипы» Элиаде и Юнга во многом демонстрируют сходство. Серьезные разногласия возникают по поводу механизмов трансляции архетипов из поколения в поколение: по мнению Элиаде, здесь действуют механизмы культуры, Юнг полагает архетипы врожденными психическими структурами. В тех же Мировом Дереве, Лестнице, Золотой нити, в *Tempus* и *Templum* и т. п. достаточно легко разглядеть классические «архетипы» не только в понимании Элиаде, но и в интерпретации Юнга. Есть и конкретные архетипы, рассматриваемые обоими примерно в одном ракурсе; например, символ *мандалы*. Элиаде видит в мандале «одновременно и образ Вселенной, и теофанию [«богоявление»]: весь космос является, конечно, еще и манифестацией божественного начала» [Элиаде, 1999а, с. 224]. Юнг тоже рассматривает этот архетип в «Психологии и алхимии» [Юнг, 2003], а позднее даже посвящает его разбору специальную статью [Jung, 1969].

Еще один штрих, на наш взгляд немаловажный. Отвергая параллелизм обеих трактовок – своей и Юнга – в силу своей отстраненности от «проблем глубинной психологии», Элиаде тем не менее в «Аспектах мифа» отводит целую главку возможным параллелям между собственным подходом и подходом Фрейда. Две фрейдовские концепции привлекают особое его внимание: «Первая – "истоки" и "начала", связанные с "раем" и "блаженством"; вторая – мысль о том, что с помощью воспоминания и "возврата назад" можно вновь пережить некоторые травмирующие события раннего детства» [Элиаде, с. 240]. Обе идеи – особенно первая, в которой отчетливо проявился знаменитый фрейдовский «психоисторизм», стремление обнаружить аналогии в развитии индивида и социума, – в какой-то мере и впрямь созвучны некоторым культурологическим идеям самого Элиаде.

То есть Элиаде допускает возможность существования определенного изоморфизма между процессами развития индивида и общества – или, во всяком случае, позволяет себе достаточно подробно изложить эту фрейдовскую идею, что свидетельствует об искреннем интересе к аргументации Фрейда. Но ведь мысль Юнга двигалась в том же направлении: «Подобно тому, как человеческий зародыш в своем развитии проходит через стадии, повторяющие эволюционный путь от низших форм жизни к человеку, так и человеческий разум в своем становлении проживает ряд этапов, соответствующих первобытному мышлению...» [Юнг, 1997, с. 37].

Наконец, и Юнг, как Элиаде, в «Проблемах души нашего времени» разрабатывает концепцию «архаического человека» – притом практически в том же ключе. Согласно Элиаде, человек архаического общества в самой своей основе – это религиозное существо, *homo religiosus*. Ему хорошо *нуминозные* состояния – благоговение, восторг, благодарность, почтительный страх перед великим и Сакральным. Опыт современного нерелигиозного человека – начиная по крайней мере с Нового времени – не дает ему ощущения священного времени. Конечно, и у современных людей есть собственные периодические празднования – к примеру, тот же Новый год, – однако, за исключением некоторых, они имеют достаточно светский, секулярный характер, а потому и не воспринимаются как священные, связанные с отношениями между человеческим и божественным планами бытия. Так же и Юнг отмечает, что в мире современного человека, в отличие от архаического, отсутствует такой важный элемент священного, как иерофания, связь с божественным, иномирное послание («откровение», трактуемое как «прорыв» трансцендентного в наш обыденный мир). Время и пространство вне своей иерофанической атрибутики однородны и относительны, что означает для него, что за пределами этого обычного мира, доступного его непосредственному восприятию, ничего нет.

Ученые мужи, интеллектуалы атомного века – оба они сумели показать, что взрывное развитие радио, науки и техники, начавшееся в Новое время, имело для человечества, помимо очевидных преимуществ, также и серьезные негативные последствия. И среди них – утрату древней связи с иррациональным, нуминозным аспектом бытия. «В нашем мире нет законного места для невидимых, произвольных, так сказать, сверхъестественных сил ...» [Юнг, 2020, с. 317]

Сегодня, на таком пике научно-технологического развития, какой Элиаде и Юнг могли увидеть только в буйных фантазиях, эти слова могут оказаться еще более актуальными. Однако рубеж XX–XXI вв. демонстрирует также и параллельный процесс буквально взрывного интереса массовой аудитории к психологии, к глубинным психическим и психологическим процессам. Можно даже, наверное, сказать, что иррациональное и нуминозное возвращаются – но уже в новом, более современном обличье. Притом что зачастую интерес к психологии вполне откровенно сопровождается не меньшим интересом к духовным практикам – будь то, например, достаточно новые для России йогические, даосские и т. п. или более традиционные для нее православные, исламские и буддийские.

Тем не менее тренд на ментальную секуляризацию, на светское развитие остается преобладающим и в России, и в мире. И на этом фоне именно к психологическому подходу и психологическим практикам переходит доминирующая роль в процессах личностного развития, в том числе духовного. И здесь мы подходим к главному – и особо актуальному для современности – противоречию между концепциями «архетипов» Элиаде и Юнга. Первый последовательно и неуклонно противопоставляет сакральное (время, пространство, бытие) профанному, эмпирическому, обыденному. Второй же исходил из их внутреннего единства, неразделимости и взаимной обусловленности. «Что наверху, то и внизу» – этот великий принцип из «Измрудных скрижалей», приписываемых Гермесу Трисмегисту, Юнг постоянно проводит в своих работах, посвященных «духовной алхимии» – психологической трансформации личности.

Впрочем, и у Элиаде можно найти признание проявленности «архетипов» как «идеальных образцов» в обычной активности людей: «Совершением любого ритуала и, следовательно, выполнением любого значимого действия (к ним относятся, например, охота, рыбная ловля) первобытный человек помещает себя в мифическое время» [Элиаде, 1999b, с. 76]; но здесь опять-таки акцентируется именно противопоставленность особых значимых действий, вовлекающих человека в «мифическое время», обыденной активности. Юнг же и вся юнговская традиция ориентированы на признание мира повседневности равнозначным миру сакрального, имеющим не меньшее значение – да, по сути, и не особенно отличимым от него. В этом смысле архетип «каждодневно являет себя в повседневности» [Пятков, 2011, с. 16], поскольку исторически он и формировался в условиях конкретной повседневной человеческой деятельности, упорядочивая ее; в дальнейшем же продолжает проявляться «по мере своего объективного становления в процессах повседневности» [Там же, с. 19].

Сегодня юнговская концепция архетипов используется в исследовании самых разных сфер человеческой деятельности; говорят уже и о «социальных архетипах», «социологических архетипах», «политических архетипах» и даже «экономических архетипах». Все же особую значимость данная концепция сохраняет, безусловно, в сфере личностного развития – и здесь все больше акцентируется именно аспект повседневного бытия личности, экзистенциальный уровень повседневной жизни и репрезентация архетипов на этом уровне. Юнгианка Кларисса Эстес в 1990-х гг. привлекла внимание к этой теме своей книгой-бестселлером «Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях», в которой призывала женщин осознавать и развивать проявление изначальных «естественных» архетипов женственности в своей обычной жизни [Эстес, 2001]. На сегодняшний день тема «архетипы повседневности» привлекает все большее внимание как зарубежных, так и российских исследователей. Речь, как и в работе К. Эстес, идет об определенной степени «са-

крализации повседневности», «парадигматизации обыденной жизни», придания ей экзистенциального статуса – или, говоря точнее, признание за ней этого статуса; по сути – о реализации все того же великого герметического принципа «Что наверху, то и внизу».

Так, Й. Мирдамади, отмечая, что «“личные мифологии” современного человека — его сны, грезы, фантазии и так далее — никогда не поднимаются до онтологического статуса мифов именно потому, что они не переживаются человеком в целом и, следовательно, не превращают конкретную ситуацию в ситуацию парадигматическую», – предлагает в качестве инструмента преодоления такого положения концепцию «множественности священного», в рамках которой предлагается пересмотреть и расширить характеристику священного таким образом, чтобы оно могла включать в себя не только «религиозное священное», но и «светское священное». Добро, Любовь, Добрые дела и другие подобные понятия должны стать фундаментальными архетипами не только религиозной, но и повседневной жизни [Mirdamadi, 2015, p. 398].

Различные авторы посвящают работы функционированию и рецепции архетипов в «обыденном сознании» [Зарубко, 2010] и в «житейской повседневности» [Спирова, 2009]; все же речь здесь идет либо о классических юнговских архетипах, либо о постюнговских, но также уже ставших классическими для юнгианской традиции (Персона, Тень и т. п. у Э.М. Спировой, Жертва, Агрессор и т.п. у Е.Ю. Зарубко). Мы же полагаем, что движение в данном направлении должно привести к выделению особой категории «*архетипы повседневности*» – т. е. такие, которые действительно непосредственно связаны с ситуациями обыденного, повседневного человеческого опыта. В рамках этого подхода мы видим возможность выделять специфические кластеры «архетипов повседневности» – такие, например, как дом, семья, работа, отношения, здоровье, досуг, быт и др. Каждый из них может, в свою очередь, вмещать в себя большее или меньшее количество подпунктов. Например, для кластера «быт» такими подпунктами могут выступать кухня, гигиена, одежда, мода и др. (К слову, именно в сфере моды и модного брендинга использование понятия «архетипы» сегодня очень популярно, само по себе образуя некий модный тренд.)

Архетипы повседневности, как и классические архетипы, взаимодействуют друг с другом, создают сложные взаимные связи, группируются и перегруппируются. В контексте одних аспектов повседневной жизни мы можем объединять в единую систему такие, например, кластеры, как дом, семья, отношения, быт, в контексте других – такие, как работа и отношения, и т.д.

Кстати говоря, многочисленные примеры подобного подхода мы можем найти даже в древних религиозных, философских и мантических (гадательных) памятниках и системах. Вспомним опять, что всем известные сегодня принципы древнекитайского «фэншуй» позволяли (и позволяют нашим современникам – как минимум, в теории) представить любое человеческое жилище как непосредственно связанное с Сакральным. Также, например, тексты древних гадательных книг – древнекитайской «И Цзин» и древнетюркской «Бірк Битиг», – наряду с привычными «возвышенными» символами (император, престол, герой, храм, гора и др.) широко используют архетипические образы, которые согласно предложенной нами типологии могут быть отнесены к кластерам семья (муж, жена, невеста, старший сын / младший сын, старшая дочь / младшая дочь и др.), дом и быт (большой дом, шатер, светильник, колодец, посуда, еда и ее разновидности), а также архетипические образы животных и растений, хорошо знакомых составителям и первым «читателям» именно по их повседневной жизни: конь, кобылица, корова, верблюд, птица, тростник, бамбук, шелковица и др. Безусловно, трактовка подобных образов предполагалась в том же традиционном «возвышенном» регистре. Тем не менее само их использование создавало своего рода переходник, медиатор между сакральным и повседневным.

Заклучение

Таким образом, мы можем заключить, что понимание термина «архетип» в концепциях М. Элиаде и К.-Г. Юнга, основанные на различных подходах (культурно-историческом и психологическом), имеют также и некоторые существенные черты сходства. В первую очередь оно заключается в признании дефицита архетипического, парадигматического содержания в повседневной жизни современного человека в сравнении с человеком архаическим. Резюмируя, можно сказать, что рассмотренная нами концепция мифологического хронотопа в сегодняшних условиях демонстрирует высокий потенциал в качестве концептуальной основы нового углубленного подхода к пониманию человеческой повседневности, обыденного мира современного человека.

Список литературы

- Мелетинский Е.М. 1995. Поэтика мифа. М., Наука, 408 с.
- Пятков Н.А. 2011. Архетип в его отношении к архаическому мировосприятию и мифомышлению, как онтологическая проблема: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 39 с.
- Топоров В.Н. 2010. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М., Рукописные памятники Древней Руси, 448 с.
- Элиаде М. 1996. Аспекты мифа. М., ИНВЕСТ-ППП, 240 с.
- Элиаде М. 1999а. Йога: бессмертие и свобода. СПб, Лань, 448 с.
- Элиаде М. 1987. Космос и история. М., Прогресс, 312 с.
- Элиаде М. 2002. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М., ИД «Гелиос», 224 с.
- Элиаде М. 1999б. Очерки сравнительного религиоведения. М., Ладомир, 488 с.
- Элиаде М. 1994. Священное и мирское. М., Изд-во МГУ, 144 с.
- Эстес К. 2001. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. М., София, 448 с.
- Юнг К. 2020. Проблемы души нашего времени. СПб, Питер, 336 с.
- Юнг К.-Г. 2003. Психология и алхимия. М., Рефл-бук, 591 с.
- Юнг К.-Г. 2009. Сознание и бессознательное. М., Академический проект, 188 с.
- Юнг К.-Г. 1997. Человек и его символы. М., Серебряные нити, 368 с.
- Barth C. 2013. In illo tempore, at the center of the world: Mircea Eliade and religious studies' concepts of sacred time and space. *Historical Social Research*, 38(3): 59–75. DOI <https://doi.org/10.12759/hsr.38.2013.3.59-75>.
- Hauglid B.M. 1994. Sacred Time and the Temple. In: *Temples of the Ancient World: Ritual and Symbolism*, ed. Donald W. Parry. Salt Lake City: Deseret Book: 636–645.
- Hultgard A. 2022. *The End of the World in Scandinavian Mythology*. Oxford, Oxford University Press, 494 p.
- Meagher R.E. 1980. Mircea Eliade: methodology and the meaning of the sacred. *Hermathena*, 128: 7–19.
- Mirdamadi Y. 2015. The Plurality of the Sacred. *Open Journal of Philosophy*, 5: 397–402. DOI: 10.4236/ojpp.2015.57048.
- Jung C.G. 1969. Concerning Mandala Symbolism In: Jung C.G. *Collected Works*. Vol. 9 (Part 1). Princeton, Princeton University Press: 355–384.

References

- Meletinskiy E.M. 1995. Poetika mifa [The Poetics of Myth]. Moscow, Publ. Nauka, 408 p.
- Pyatkov N.A. 2011. Arkhetip v ego otnoshenii k arkhaischeskomu mirovospriyatiju i mifomyshleniyu, kak ontologicheskaya problema [Archetype in its relation to archaic worldview and mythological thinking as an ontological problem]: Abstract. dis. ...cand. phylos. sciences. Ekaterinburg, 39 p.
- Toporov V.N. 2010. Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы [World tree. Universal sign complexes]. Т. 1. Moscow, Publ. Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 448 p.
- Eliade M. 1996. Aspekty mifa [Aspects of Myth]. М., INVEST-PPP, 240 p.
- Eliade M. 1999a. Yoga: bessmertie i svoboda [oga: immortality and freedom]. St. Petersburg, Publ. Lan', 448 p.
- Eliade M. 1987. Kosmos i istoriya [Space and history]. Moscow, Publ. Progress, 312 p.

- Eliade M. 2002. Okkul'tizm, koldovstvo i mody v kul'ture [Occultism, witchcraft and cultural fashions]. Moscow, Publ. ID «Gelios», 224 p.
- Eliade M. 1999b. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya [Essays on comparative religion]. Moscow, Publ. Ladomir, 488 p.
- Eliade M. 1994. Svyashchennoe i mirskoe [he Sacred and the Profane]. Moscow, Publ. MGU, 144 p.
- Estes K. 2001. Begushchaya s volkami. Zhenskiy arkhetyv v mifakh i skazaniyakh [Running with the Wolves. Female archetype in myths and tales]. Moscow, Publ. Sofiya, 448 p.
- Yung K. 2020. Problemy dushi nashego vremeni [Problems of the soul of our time]. St. Petersburg, Publ. Piter, 336 p.
- Yung K.-G. 2003. Psikhologiya i alkhimiya [Psychology and alchemy]. Moscow, Publ. Refl-buk, 591 p.
- Yung K.-G. 2009. Soznanie i bessoznatel'noe [Consciousness and the unconscious]. Moscow, Publ. Akademicheskii proekt, 188 p.
- Yung K.-G. 1997. Chelovek i ego simvoly [Man and his symbols]. Moscow, Publ. Serebryanye niti, 368 p.
- Barth C. 2013. In illo tempore, at the center of the world: Mircea Eliade and religious studies' concepts of sacred time and space. *Historical Social Research*, 38(3): 59–75. DOI <https://doi.org/10.12759/hsr.38.2013.3.59-75>.
- Hauglid B.M. 1994. Sacred Time and the Temple. In: *Temples of the Ancient World: Ritual and Symbolism*, ed. Donald W. Parry. Salt Lake City: Deseret Book: 636–645.
- Hultgard A. 2022. The End of the World in Scandinavian Mythology. Oxford, Oxford University Press, 494 p.
- Meagher R.E. 1980. Mircea Eliade: methodology and the meaning of the sacred. *Hermathena*, 128: 7–19.
- Mirdamadi Y. 2015. The Plurality of the Sacred. *Open Journal of Philosophy*, 5: 397–402. DOI: 10.4236/ojpp.2015.57048.
- Jung C.G. 1969. Concerning Mandala Symbolism In: Jung C.G. *Collected Works*. Vol. 9 (Part 1). Princeton, Princeton University Press: 355–384.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.09.2023
Поступила после рецензирования 14.12.2023
Принята к публикации 30.01.2024

Received September 14, 2023
Revised December 14, 2023
Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Селюков Сергей Александрович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Selyukov, postgraduate student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 17.025

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-173-180

Н.Ф. Федоров и традиция отечественной нравственной философии

Чернышова Е.В.

Московский государственный институт культуры,
Россия, 141406, г. Химки, Московская обл., ул. Библиотечная д.7
7828706@mail.ru

Аннотация. Обращение к фигуре Н.Ф. Федорова обусловлено, с одной стороны, возросшим в последнее время интересом к философии русского космизма, а с другой, – непрекращающейся полемикой по поводу своеобразия русской философии. В работе проводится компаративный анализ различных философских традиций (античной и западноевропейской), в результате чего русская традиция философии предстает преимущественно как нравственная философия. Обосновывается идея, что фигура Н.Ф. Федорова является одной из наиболее показательных в плане выражения духа русской нравственной философии. Как критик спекулятивной философии, «пассивного» христианства и «бессовестной» науки мыслитель является творцом оригинального нравственного проекта («супраморализма»), в котором долг выступает не только как этическая категория, но как синтез этики, онтологии, религии, искусства и социальной практики.

Ключевые слова: язык философии, русская философия, Н.Ф. Федоров, аксиология, соборность, смерть, этика, русская культура

Для цитирования: Чернышова Е.В. 2024. Н.Ф. Федоров и традиция отечественной нравственной философии. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 173–180. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-173-180

N.F. Fedorov and the Tradition of Russian Moral Philosophy

Evgenia V. Chernyshova

Moscow State Institute of Culture,
7 Bibliotechnaya St, Khimki, Moscow region 141406, Russia
7828706@mail.ru

Abstract. The article is devoted to some important issues of Russian philosophy. The appeal to the figure of N. F. Fedorov is due, on the one hand, to the recent increased interest in the philosophy of Russian cosmism, and on the other, to the ongoing controversy about the originality of Russian philosophy. This controversy has been going on for almost two centuries since the time of P. Ya. Chaadaev. The article provides a comparative analysis of various philosophical traditions (antique, Western European and Russian). The idea is substantiated that the languages of philosophy are a reflection of national axiology, as a result of which the Russian tradition of philosophy appears mainly as a moral philosophy. The idea is substantiated that the figure of N. F. Fedorov is one of the most significant in terms of expressing the spirit of Russian moral philosophy. As a critic of speculative philosophy, "passive" Christianity and "unscrupulous" science, the thinker is the creator of an original moral project ("supramoralism"), in which

duty is not only an ethical category, but also a synthesis of ethics, ontology, religion, art and social practice.

Keywords: language of philosophy, Russian philosophy, N.F. Fedorov, axiology, catholicity, death, ethics, Russian culture

For citation: Chernyshova E.V. 2024. N.F. Fedorov and the Tradition of Russian Moral Philosophy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 173–180 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-173-180

Введение

Вопрос о самобытности русской философии не исчезает с горизонта отечественной полемической мысли, постоянно возникая в самых острых и радикальных вариантах. Этот вопрос вписан в топику национальной духовной культуры и представляет собой инвариант отечественной интеллектуальной традиции. П.Я. Чаадаев первый задал интонацию скепсиса по поводу наших умственных способностей в своих «Философических письмах», в которых не без пафоса восклицал: «Все нам недостает известной уверенности, умственной методичности, логики. Западный силлогизм нам незнаком. Наши лучшие умы страдают чем-то большим, нежели простая неосновательность. Лучшие идеи, за отсутствием связи или последовательности, замирают в нашем мозгу и превращаются в бесплодные призраки» [Чаадаев, 1998, с. 45].

С тех пор сформировалась традиция не только подвергать сомнению самобытность русской философии, но и вообще ее бытие, которое часто подлежит отрицанию. Даже такой блестящий знаток русской философии, как Г.Г. Шпет, применял к ней достаточно уничижительный термин «невегласие». В «Очерках развития русской философии» он писал: «*Невегласие* та почва, на которой произрастала русская философия. <...> История русской философии как мысли, проникнутой духом утилитаризма, есть история донаучной философской мысли – история философии, которая не познала себя как философию свободную, не подчиненную, философию *чистую*, философию-знание, философию как искусство» [Шпет, 1991, с. 255, 258].

Позицию таких русских мыслителей, как П.Я. Чаадаев и Г.Г. Шпет, без которых немислима история отечественной философии, можно рассматривать как провокационно-стимулирующую, способствующую поиску самобытности русской философии. Среди существующих подходов выделяется линия, идущая от В. В. Зеньковского, полагать нравственную проблематику основополагающей для русской философии. Из современных авторов, разделяющих эту точку зрения, следует назвать М.Н. Громова [1990], А.Ф. Замалева [1995], В.Н. Назарова [2006].

В этом контексте представляет интерес фигура Н.Ф. Федорова не только как основоположника русского космизма, к которому возрастает значительный интерес в последнее время, но и как одного из наиболее ярких выразителей нравственного духа русской философии. Здесь можно отметить и классических, и современных авторов, среди которых Н.А. Бердяев [2004], В.А. Кожевников [2004], М.А. Абрамов [2007], В. Меденица [2022]. Однако глубина и оригинальность нравственного учения Н.Ф. Федорова требуют дальнейшего изучения. Это и определило наше обращение к заявленной тематике.

Языки философии как отражение национальной аксиологии

Достаточно распространенный в историографии подход Г.Г. Шпета предполагает прежде всего ориентацию за *западный канон философии*, согласно которому философия есть рациональная форма знания и в этом смысле является наукой. Возможно, и высшей

наукой, и даже «царицей наук», но все же наукой. Этот подход идет от Аристотеля, от его понимания философии в общей системе знаний. Он полагал, что удивление побуждает людей философствовать, но удивляющийся считает себя незнающим, поэтому и «начали философствовать, чтобы избавиться от незнания» [Аристотель, 1975, с. 69]. И философия поэтому есть наука о причинах и началах, которые нужно познать: «А наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено» [Аристотель, 1975, с. 69]. Метафизика удивления трансформируется в теорию познания, давая начала уже различным эмпирическим наукам осуществлять свои эпистемологические задачи. Такова очевидная *гносеологическая основа аристотелевской философии*, преимущественно развившаяся в западной рационалистической традиции.

Собственно говоря, и в древнегреческой философии аристотелевский дискурс философии не является единственным. Как пишет известный историк древнерусской философии М.Н. Громов, «уже в античной философии мы видим различные школы и типы философствования. Великий Сократ, ставший на века «олицетворением философии», не писал никаких сочинений и проявил себя в остроумных диалогах и в том, что можно назвать практической моралью. Платон выражал свои мысли в творениях, равно принадлежащих античной литературе и философии. Аристотель же тяготел к энциклопедизму и формально-логическому изложению своих идей» [Громов, 1990, с. 27].

Таким образом, в контексте древнегреческой философии были сформированы три дискурса (языка) философии, которые затем нашли свое воплощение и в европейской, и в русской философии. В этом смысле западная рационалистическая философия как наследница аристотелевской философии при всех ее приоритетных позициях в плане организации философии как социального феномена является лишь одной традицией в контексте *мировой философии*. Последняя есть совокупность различных национальных философских традиций, в которой каждая имеет свой полноправный и полноценный голос. Единство мировой философии, конечно, абстракция, поскольку единство главных тем не предполагает единства воплощения. А при своем конкретном воплощении каждая национальная философия сталкивается с народной, *национальной аксиологией*. Универсальная философия всегда существует в преломленном виде через национальные ценности и приоритеты. Нельзя игнорировать ни то, ни другое, ни универсальное, ни локальное. В этом смысле можно говорить о *различных языках философии*, проявленных конкретно в той или иной национальной культуре.

С нашей точки зрения, философия как таковая – это не столько ее школьная трактовка как любовь к мудрости, хотя именно такой ее образ получил наиболее широкое распространение; также философия не столько поиск истины (смысла), не теоретическое искание Бога, не «критический догматизм», а *захваченность Бытием*. В этом плане философское удивление отлично от научного познания и религиозной веры. И всегда важно соблюдать эти границы, чтобы философия не становилась то «служанкой теологии», то «служанкой естествознания», то «служанкой идеологии», то «служанкой технологий» и т. д.

Важность национальной аксиологии является определяющей при формировании духа той или иной национальной философии. Так, *греческая философия* приобретает преимущественно эстетические тона; *западноевропейская* – гносеологические; *русская*, соответственно, нравственные. При этом сама философия онтологична, ее метафизическая основа – это Бытие. Но отношение к Бытию различно: в Греции – красота Бытия, на Западе – познание Бытия, в России – переживание «больного Бытия». Такова национальная аксиология в России, для этого более всего подходит понятие *нравственная философия*, не *теоретическая этика*, а именно нравственная философия с ее нетрактатностью, недогматичностью, литературоцентричностью.

Н.Ф. Федоров и нравственный дух русской философии

Обращение к «философии общего дела» Н.Ф. Федорова позволяет охарактеризовать ее именно в терминах нравственной философии, что соответствует глубинной этикоцентричности отечественной философии и культуры в целом. Здесь необходимо привести программный тезис В.В. Зеньковского, который в своей фундаментальной «Истории русской философии» на основании изучения огромного материала пришел к такому заключению: «Если уж нужно давать какие-либо общие характеристики русской философии, – что само по себе никогда не может претендовать на точность и полноту, – то я бы на первый план выдвинул *антропоцентризм* русских философских исканий. Русская философия *не теоцентрична* (хотя в значительной части своих представителей глубоко и существенно религиозна), *не космоцентрична* (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекали к себе внимание русских философов), – она больше всего занята *темой о человеке*, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории. Прежде всего это сказывается в том, насколько всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) *моральная установка*: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования. Тот «панморализм», который в своих философских сочинениях выразил с исключительной силой Лев Толстой, – с известным правом, с известными ограничениями может быть найден почти у всех русских мыслителей, – даже у тех, у которых нет произведений, прямым образом посвященных вопросам морали (например, у Киреевского)» [Зеньковский, 1991, с. 16].

А вот точка зрения современного известного исследователя русской философии А.Ф. Замалева, который в статье «Фазисы русской нравственности» пишет: «Преобладание этического момента всегда составляло характерную черту русской философии. Этот «панморализм», сложившийся преимущественно на почве православия, окрашивает мировоззрение почти всех отечественных мыслителей, даже тех, которые не занимались непосредственно вопросами морали» [Замалева, 1995, с. 5]. И еще одно мнение современного исследователя для полноты картины. Т.В. Артемьева пишет: «Моральная аргументация, моральное обоснование теоретической концепции, достижение нравственного идеала как цель философствования – вот характерные черты метафизики в России» [Артемьева, 1996, с. 68]. Классик и современники сходятся в своих оценках русской мысли, и это не случайно. Этикоцентризм или панморализм действительно есть та духовная почва русской культуры, из которой вырастает русская философия.

Именно в этом контексте и следует рассматривать и личность Н.Ф. Федорова и его учение как исключительно русские, в которых проявился *нравственный дух русской философии и культуры*. Художник Л.О. Пастернак сказал про Н.Ф. Федорова: «этот великий русский человек и философ» [Пастернак, 2008, с. 226], дав очень точную и глубокую характеристику мыслителю. Н.А. Бердяев, очень хорошо знавший Федорова и ценивший его именно за его глубинную русскость, в своем главном труде «Русская идея» говорил, что он «русский из русских» [Бердяев, 1990, с. 180], а в одной из статей писал: «Федоров – мыслитель характерно русский, и все его идеи и мечты глубоко русские» [Бердяев, 2004, с. 70]. Эти наблюдения Бердяева точны и вскрывают самый корень федоровского мировоззрения как мировоззрения истинно русского.

Главная «мечта» Н.Ф. Федорова, в более верной терминологии «проект», – это всеобщее воскрешение всех умерших предков, что является нравственным долгом живущих сынов перед умершими отцами. Эта мысль на разные лады у Федорова проходит рефреном через все его тексты. Достаточно емко она выражена так: «Воскрешение есть самая высшая и безусловно всеобщая нравственность» [Федоров, 1995, с. 388]. Воскрешение для него абсолютно и безусловно, оно не требует никаких оговорок, никаких компромиссов. И в этом проявляется известный максимализм и абсолютизм русского характера, не тер-

пящего полутоннов, полумер, каких-то политкорректных решений. Такой «деятельный максимализм», свойственный учению Н.Ф. Федорова, по мнению исследователя М.А. Абрамова, присущ и русскому космизму в целом, о котором он говорит, что «это идейное течение призывает к *максимальному* дерзанию во благе и ни в коем случае не обожествляет обусловленность вместе с ее дурными сторонами» [Абрамов, 2007, с. 9]. Такой максимализм стремления вернуть жизнь всем умершим можно расценивать как *абсолютную нравственность*, или, как это называет Н.О. Лосский, «искание абсолютного добра»: «К числу первичных, основных свойств русского народа принадлежит выдающаяся доброта его. Она поддерживается и углубляется исканием абсолютного добра и связанной с нею религиозностью народа» [Лосский, 1991, с. 289]. Федоровское воскрешение в этом контексте является безусловно *абсолютно добром*, что является определяющей характеристикой нравственного характера русского народа.

Нравственность как всеобщее спасение

Эта глубинная нравственная черта русского народа является, безусловно, христианской, православной. И учение Н.Ф. Федорова как бы стяжает в один духовный узел и положительные черты русского народа, и православное учение о спасении, которые совпадают в высшей точке своего бытия, образуя подлинное своеобразие русской философии. Это *соборная идея всеобщего спасения*. Выдающийся русский философ, глава московской школы философии права П.И. Новгородцев, характеризуя существо русского православного сознания, отмечает: «Православное сознание основано на убеждении в общей нравственной и религиозной ответственности каждого за всех и всех за каждого: тут в основе лежит идея спасения людей не индивидуального и обособленного, а совместного и соборного, совершаемого действием и силой общего подвига веры, молитвы и любви» [Новгородцев, 1995, с. 411].

Нравственная ответственность каждого за всех и всех за каждого в равной мере присуща и Ф.М. Достоевскому и Н.Ф. Федорову. В этом заключается существенное отличие от западного понимания ответственности, в основании которого космологическое и юридическое понимание вины человека, который исключительно в индивидуальном плане должен понести за нее ответственность. У истоков подобного мышления известно высказывание Анаксимандра, которое часто вообще воспринимается как исток западного мышления. Напомним его: «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время» [Гусейнов, Иррилиц, 1987, с. 29].

В истории философии было много различных версий по поводу того, что же это за «нечестивость», за которую они претерпевают «наказание». Но бесспорным является то, что за *неизвестную вину* отдельные вещи несут *индивидуальное* наказание. Здесь исток западного индивидуализма и эгоизма, которые стали доминирующими чертами социальной и духовной традиции этой культуры, что находило особо острое неприятие со стороны Н.Ф. Федорова, который выработал такую *соборную формулу нравственности*: «Нравственность, этика объединения живущих, или сынов умерших отцов, требует от каждого: Жить не для себя, но и не для других, а *со всеми живущими для оживления всех умерших*, т. е. требует ни эгоизма, ни альтруизма, при которых страдание, а стало быть и смерть (зло) неизбежны для всех, а *мнимое* кратковременное благосостояние лишь для немногих – такова нынешняя жалкая нравственность» [Федоров, 1997, с. 310]. Это, можно сказать, *золотое правило русской нравственности*, в котором всегда делается акцент на всеобщих, а не частных аспектах морального поступка.

У Ф.М. Достоевского с особой силой звучит *идея всеобщей нравственной ответственности*, в контексте которой *вина становится бедой*: «...не только о личной вине преступника, но и о его беде, то есть о том, что ему не подвластно, пребывает вне его и

вместе с тем неумолимо подталкивает к пропасти» [Бачинин, 2001, с. 265]. Это понимание писатель вынес из каторги, в которой понял, что преступление – это в большей степени несчастье, нежели вина, а преступник – несчастный, попавший в беду. Мысль Достоевского, что все за всех виноваты, не снимает, конечно, личной ответственности с преступника, но указывает на более высокий план, в котором царит всеобщая нравственная ответственность. Вот почему даже самый падший человек достоин милосердия и сострадания, достоин прощения.

У Н.Ф. Федорова эта идея выглядит как необходимость воскрешения всех и каждого, когда бы либо живших на земле людей: «Нравственное противоречие *«живущих сынов»* и *«отцов умерших»* может разрешиться только долгом всеобщего воскрешения» [Федоров, 1995, 258]. Сербский философ Владимир Меденица связывает идеи Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Федорова через мысль о *всеобщей ответственности*: «Своей идеей ответственности всех за всех, идеей, что все виноваты за все, что в "мертвом доме" гибнут лучшие русские силы, Достоевский, так сказать, *via negative* подошел к общему делу преодоления греха, преобразования и всеобщего спасения. Нельзя спастись одному, можно спастись только вместе с другими, через общее дело "со всеми и для всех"» [Меденица, 2022, с. 198].

Вот этот акцент на всеобщем у Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Федорова есть *исконное соборное свойство* и православия, и русской души, в равной мере не терпящей никакого индивидуализма ни в наказании, ни в спасении. Это действительное, реальное отличие русской философии прежде всего от западноевропейской, где всегда индивидуальность, одинокая, отчужденная, несчастная в своем одиночестве, но свято хранимая индивидуальность, становится в частном быту уже священной приватностью.

Помимо теоретических аспектов философского учения Н.Ф. Федорова, явно вписывающих его в контекст русской философии и культуры, так же важны и его личные человеческие черты, которые являются чертами истинного русского человека. Вот, например, как характеризует мыслителя его ближайший ученик В.А. Кожевников: «Как обидно за человечество, что жизнь и деятельность этого подвижника долга и величавого борца за истину и правду, этого человеколюбца, единственной целью которого было всеобщее благо и всеобщее спасение, оставались недостаточно оцененными, а широкому кругу даже совсем неизвестными! Причиной тому была отчасти удивительная скромность покойного, не только полное отсутствие в нем тщеславия, но даже боязнь известности и похвалы. Не было человека, который охотнее его со всеми делился бы неисчерпаемыми сокровищами своих знаний и своего глубокого, вдумчивого, оригинального ума, но в этих проявлениях своего духовного богатства он совершенно забывал о себе, забывал настолько, что из общения своими мыслями с кем-либо и в какой бы то ни было форме он исключал все личное, авторское. Как в материальном отношении этот бедняк отрешился от всякой собственности и, при самых скудных средствах, отдавал все, что имел, первому нуждающемуся или первому просившему, так же точно относился он и к своему духовному богатству» [Кожевников, 2004, с. 231].

В этих словах дана исчерпывающая характеристика нравственного облика Н.Ф. Федорова как русского человека. Это, конечно, важно, поскольку личные черты характера автора всегда отражаются на его теоретических построениях.

Сам проект Н.Ф. Федорова (при всей кажущейся его синтетичности – научности и религиозности) – это ответ нравственной философии на *вызов смерти*, с которым не смогли в полной мере справиться ни науки, ни религия. Он так же критикует спекулятивную философию, как и пассивную религию, и бесплодную науку. Именно потому, что ни наука, ни религия не одолели смерть и возникает его проект. Мысль Н.Ф. Федорова о воскрешении всех умерших предков связана поэтому с напряженнейшими размышлениями о смерти. И хотя *memento mori* представляет собой центр рефлексии одновременно и для

философии, и для религии, именно в России она достигает невероятных пределов. Знаток и ценитель Н.Ф. Федорова русский философ В.Н. Ильин очень точно выразился по этому поводу в статье с говорящим названием «Иночество – основа русской культуры и русской поэзии»: «Россия не есть страна дешевого оптимизма, тяготение к скорбным глубинам присуще ей по природе» [Ильин, 1960, с. 5]. И в этом смысле учение Н.Ф. Федорова также вписывается в глубоко аскетичную суть русской жизни и культуры, из глубин которой только и могла возникнуть идея о всеобщем воскрешении.

Таким образом, необходимо понять, что учение Н.Ф. Федорова – альтернатива существующей науке, безучастной к смертной судьбе человека, и существующей религии пассивного христианства, и в этом его глубина именно как *нравственного мыслителя*. Именно в этом перспектива нравственной философии Н.Ф. Федорова, которая выражает специфику отечественной философской ментальности, делая самого мыслителя одним из главных выразителей нравственного духа русской философии.

Список источников

- Аристотель. 1975. Метафизика. Т.1. М., Мысль, 551 с.
Бердяев Н.А. 1990. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. О России и русской философской культуре. М., Наука: 43–272.
Бердяев Н.А. 2004. Пророчества Н.Ф. Федорова о войне. Бердяев Н.А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М., Канон+: 64-71.
Зеньковский В.В. 1991. История русской философии. Том I. Часть1. Ленинград, ЭГО, 222 с.
Ильин В.Н. 1960. Арфа Царя Давида в русской поэзии. Брюссель, Изд-во «Жизнь с Богом», 75 с.
Новгородцев П.И. 1995. Существо русского православного сознания. Сочинения. М., Раритет, 448 с.
Кожевников В.А. 2004. Николай Федорович Федоров. Н.Ф. Федоров: pro et contra. СПб., РХГА, Кн. 1: 231-352.
Лосский Н.О. 1991. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М., Политиздат, 368 с.
Чаадаев П.Я. 1898. Статьи и письма. М.: Современник, 623 с.
Шпет Г.Г. 1991. Очерк развития русской философии. Свердловск, Изд-во Урал. Ун-та, 592 с.
Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1995–1999.

Список литературы

- Абрамов М.А. 2007. Русский космизм: идея единства культуры и многоплановая реальность. Автореферат дисс...ии на соискание уч. ст. доктора культурологии. Саранск. 47 с.
Артемьева Т.В. 1996. История метафизики в России XVIII века. СПб., Алетейя, 320 с.
Бачинин В.А. 2001. Достоевский: метафизика преступления: Худож. феноменология русского протомодерна. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 407 с.
Громов М.Н., Козлов Н.С. 1990. Русская философская мысль X–XVII веков. М., Изд-во МГУ, 288 с.
Гусейнов А.А., Иррилиц Г. 1987. Краткая история этики. М., Мысль, 589 с.
Замалеев А.Ф. 1995. Фазисы русской нравственности. Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века. СПб., Наука: 15–17.
Меденица В. 2022. Всеобщее спасение. Три лика одной идеи: Федоров, Достоевский, Соловьев. Философ общего дела: Материалы международных науч. чт. памяти Н. Ф. Федорова. М., ГБУК г. Москвы: 186–201.
Назаров В.Н. 2006. История русской этики. М., Гардарики, 319 с.
Пастернак Л.О. 2008. Н.Ф. Федоров. Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Книга первая. СПб., РХГА: 225–227.

References

- Abramov M.A. 2007. Russian cosmism: the idea of the unity of culture and multifaceted reality [Russian cosmism: the idea of the unity of culture and multifaceted reality]. Abstract of diss ... ii for the competition for an accountant. Art. Doctor of Cultural Studies. Saransk. 47 p.

- Artem'eva T.V. 1996. Istorija metafiziki v Rossii XVIII veka [History of metaphysics in Russia of the 18th century]. St. Petersburg, Aleteyya, 320 p.
- Bachinin V.A. 2001. Dostoevskij: metafizika prestuplenija: Hudozh. fenomenologija russkogo protomoderna [Dostoevsky: the metaphysics of crime: Khudozh. phenomenology of Russian protomodern]. SPb., Publishing House of St. Petersburg. un-ta, 407 p.
- Gromov M.N., Kozlov N.S. 1990. Russkaja filosofskaja mysl' X–XVII vekov [Gromov M.N., Kozlov N.S. 1990. Russian Philosophical Thought of the X–XVII centuries]. Moscow, Moscow State University, 288 p.
- Gusejnov A.A., Irrlitc G. 1987. Kratkaja istorija jetiki [A Brief History of Ethics]. Moscow, Thought, 589 p.
- Zamaleyev A.F. 1995. Fazisy russkoy npravstvennosti [Phases of Russian morality]. Smysl zhizni v russkoj filosofii. Konec XIX – nachalo XX veka. St. Petersburg, Nauka: 15–17.
- Medenica V. 2022. Vseobshhee spasenie. Tri lika odnoj idei: Fedorov, Dostoevskij, Solov'ev [Universal Salvation. Three faces of one idea: Fedorov, Dostoevsky, Solovyov]. Filosof obshhego dela: Materialy mezhdunarodnyh nauch. cht. pamjati N. F. Fedorova. Moscow, GBUK of Moscow: 186–201.
- Nazarov V.N. 2006. Istorija russkoj jetiki [History of Russian ethics]. Moscow, Gardariki, 319 p.
- Pasternak L.O. 2008. N.F. Fedorov [N.F. Fedorov]. N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn. Kniga pervaja. St. Petersburg, RKhGA: 225–227.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2023

Поступила после рецензирования 03.12.2023

Принята к публикации 30.01.2024

Received September 03, 2023

Revised December 03, 2023

Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышова Евгения Владимировна, соискатель кафедры философии, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia V. Chernyshova, PhD student, Department of Philosophy, Moscow State Institute of Cul-ture, Khimki, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 130.2; 808.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-181-186

Античное авторство в лабиринтах культурного самосознания: заметки на полях книги Г.В. Драча «История античной философии и культуры»

Егоров Н.С.

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, д. 7

jivaturik@yandex.ru

Аннотация. Древняя Греция стала местом рождения первых классических авторов, явивших европейской цивилизации образец осознанной творческой деятельности. Несмотря на то, что творческая и творческо-ремесленная деятельность древних греков осмыслялась в работах крупнейших отечественных антиковедов тема авторства звучала редко. На материале книги Г.В. Драча «История античной философии и культуры» было предпринято новое исследование ранней авторской деятельности, имеющее целью уточнение авторской фигуры в контексте культурно-цивилизационной инфраструктуры античного мира. В результате исследования сформулированы выводы, подкрепленные положениями из книги Г.В. Драча. Гомер – осознанный автор. Ключевым критерием осознанного авторства в отношении Гомера может считаться способность к художественному вымыслу, находящему внутрихудожественную параллель в хитроумии Одиссея. По отношению к Гесиоду были даны иные маркеры осознанного авторства (единство замысла, тенденциозность, биографическая конкретика). Были исследованы общие культурно-исторические основания авторской деятельности. Сделан вывод о том, что грамотность, впервые в истории ставшая личным, а не профессиональным навыком, позволила устанавливать личную связь с текстом; агональность и стремление к славе составили единый социокультурный механизм, конвертирующий борьбу и победу в факт общественного признания индивидуального творческого достижения.

Ключевые слова: Г.В. Драч, автор, античный автор, Гомер, Гесиод, античная литература, агонистика

Для цитирования: Егоров Н.С. 2024. Античное авторство в лабиринтах культурного самосознания: заметки на полях книги Г.В. Драча «История античной философии и культуры». *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(1): 181–186. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-181-186

Ancient Authorship in the Labyrinths of Cultural Identity: Notes in the Margins of the Book by G.V. Drach "History of Ancient Philosophy and Culture"

Nikita S. Egorov

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russia

jivaturik@yandex.ru

Abstract. Antiquity is a key stage in the history of authorship development. Ancient Greece became the birthplace of the first classical authors, who showed the European civilization a model of conscious creative activity. Despite the fact that the creative and artisanal activities of the ancient Greeks were

conceptualized in the works of the largest Russian antiquarians (M.L. Gasparov, A.I. Zaitsev, F.H. Cassidy, A.F. Losev, M.K. Petrov, etc.), the topic of authorship was rarely heard. S.S. Averintsev wrote in detail about the ancient author, but his theory has a number of controversial theses and is not considered conventional. Based on the material of G.V. Drach's book "The History of Ancient Philosophy and Culture", a new study of early author's activity was undertaken, with the aim of clarifying the author's figure in the context of the cultural and civilizational infrastructure of the ancient world. In particular, one of S.S. Averintsev's controversial theses about the "first author" was considered. As a result of the research, conclusions were formulated, supported by the provisions from the book by G.V. Drach. Homer is a conscious author. The key criterion of conscious authorship in relation to Homer can be considered the ability to conscious fiction, which finds an intra-artistic parallel in the cunning of Odysseus. In relation to Hesiod, other markers of conscious authorship were given (unity of intent, tendentiousness, biographical specificity). The general cultural and historical foundations of the author's activity were investigated. Literacy, which became a personal rather than a professional skill for the first time in history, made it possible to establish a personal connection with the text. Agonality and the pursuit of fame formed a single socio-cultural mechanism that converts struggle and victory into the fact of public recognition of individual creative achievement.

Key words: G.V. Drach, author, ancient author, Homer, Hesiod, ancient literature, agonistics

For citation: Egorov N.S. 2024. Ancient Authorship in the Labyrinths of Cultural Identity: Notes in the Margins of the Book by G.V. Drach "History of Ancient Philosophy and Culture". *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 181–186 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-181-186

Введение

В нашей прошлой статье мы рассмотрели проблему рождения автора [Егоров, 2023], подробно останавливаясь на античной генеалогии этой социокультурной фигуры. Вновь отметим, что именно в Древней Греции нашел первых авторов крупнейший отечественный историк авторства С.С. Аверинцев. Эта позиция также прослеживается в работах его последователей. Имея в виду наличие иных авторитетных подходов, мы не можем не согласиться с тем, что Древняя Греция и Древний Рим сыграли ключевую роль в установлении авторства как глобального социокультурного института.

Цель текущей работы: продолжение исследования ранней авторской деятельности в контексте культурно-цивилизационной инфраструктуры античного мира. Как соотносится с этой целью книга Г.В. Драча? Уже в ее предисловии обозначается приоритет историко-антропологического образа античности. Именно в этом исследовательском фокусе фигура древнего автора предстает перед нами в смысловой полноте. Сравнивая идеал осознанного автора с антропологическим идеалом античности, мы можем найти в их пересечении основные точки опоры античного авторства.

Актуален ли изложенный выше подход? Мы исходим из того, что современное академическое знание пресыщено мыслью об авторе (скрипторе) как текстологической или дискурсивной функции (Р. Барт, М. Фуко, У. Бут, А. Нехамас, Ж. Деррида, С.Н. Бройтман и др.) Представление об авторе-функции давно стало тривиальностью. Косвенным доказательством исчерпанности некогда модной темы может служить небольшое количество публикаций о «мертвом» или «полумертвом» авторе в сравнении со множеством статей об авторе-правовой единице. Востребованность исторических рефлексий о «живых» авторах можно доказать популярностью биографического жанра, книг серии «ЖЗЛ» о писателях и мыслителях прошлого.

Уходя в исторические глубины авторства мы, разумеется, далеко отходим от постструктуралистского подхода, обращая внимание на автора-человека и его интеллектуальную среду. Автор интересен нам как субъект культурно-исторической эпохи, вписанный в ее интеллектуальный контекст. Иногда авторская фигура столь масштабна, что она перекрывает стоящей за ней фон. Мы имеем в виду т.н. «гомеровский период» древнегреческой истории. С Гомера мы и начнем анализ становления античного авторства.

Гомер и Гесиод

В главе «Предфилософия Гомера» мы находим исследование гомеровского взгляда на богов и людей. Г.В. Драч пишет: «Проведенная Гомером секуляризация древней хтонической религиозности в полной мере показывает изменение отношений между людьми и богами» [Драч, 2023, с. 62]. В истории развития авторства эта «секуляризация» имела ключевое значение. Боги становятся предметом, подвластным инструментам художественной изобразительности, что создает возможность перехода от культового поклонения к поэтическому осмыслению олимпийских фигур. В связи с этим сфера коллективного мифотворчества уступает место индивидуальному художественному творчеству на мифологические темы. Первым примером сложившейся творческой индивидуальности и стал Гомер. В.П. Римский пишет: «уже в творчестве Гомера миф существует в качестве словесного ряда, продукта индивидуального, искусственного творчества» [Римский, 2017, с. 110]. Так авторское начало впервые навязало соперничество безличному и безыменному производству мифа.

Здесь же заметим, что вышеизложенные утверждения могут быть оспорены. Некоторые аргументы «за» и «против» приводит Г.В. Драч, отвечая на вопрос: «Был ли гомеровский человек личностью?» В первую очередь эта дилемма касается гомеровских героев, но она также соотносима с самим Гомером. Был ли Гомер личностью способной изобразить иных личностей, действующих самостоятельно на основе индивидуального целеполагания? Г.В. Драч пишет следующее: «Рациональная ориентация гомеровского человека проявляется в соотношении замысла и действий, разрыв между поведением человека с его действительными мотивами проявляется в скрытности, хитрости» [Драч, 2023, с. 71]. Подобное усложнение, раздвоенность проявляется и в авторской деятельности. Только разрыв между поведением и действительным мотивом реализуется в разрыве между «хитростью» художественного вымысла и правдой в собственном смысле слова. Здесь мы могли бы уйти в общую проблематику автономии слова от дела, которую применительно к античности разрабатывал М.К. Петров. О ней же пишет Г.В. Драч, отмечая соединение «слова» и «дела» в философии Гераклита и разделение в формулировках Солона [Драч, 2023, с. 273].

Но вернемся к более узкой проблеме вымысла как конститутивного признака литературного авторства. Был ли Гомер также хитроумен и субъектен, как изображенный им Одиссей? Сознал ли он художественный вымысел в качестве такового или его произведения были редчайшими примерами индивидуальных достижений в рамках старой мифотворческой парадигмы? Не претендуя на окончательное разрешение этого вопроса, мы все-таки склонны считать Гомера творческим субъектом новой авторской эпохи, сознающим переход в область вымысла. Можно полагать, так думали о Гомере сами древние греки. «Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду» [Гесиод, 1999, с. 29], – так пишет Гесиод от лица муз, намекая на искусную вымышленность гомеровского эпоса.

Гесиод, как и Гомер, стоит у истоков греческой литературного авторства. С.С. Аверинцев, считая Гомера надличным символом и сближая его с библейскими авторитетными именами, утверждал, что история античного авторства началась с Гесиода, первого вполне «земного» и биографически данного актора античной словесности [Аверинцев, 1996]. Именно Гесиоду посвящает вторую главу своей книги Г.В. Драч. Рассматривая «Теогонию» он пишет, что это «произведение, пронизанное единством замысла и авторской позиции» [Драч, 2023, с. 83]. Эти атрибуты осознанного авторства вкупе с мотивом творческой самостоятельности (противопоставление тому же Гомеру) безоговорочно утверждают авторский статус Гесиода. В отличие от авторства Гомера, чья творческая автономия может быть доказана осознанной недостоверностью его повествования, авторство Гесиода едва ли вери-

фицируется таким способом. Если в Гомере мы видим автора-художника, то Гесиода мы знаем как дидактического автора, автора-мыслителя, говорящего от собственного имени. Г.В. Драч упоминает также тенденцию к отнесению Гесиода к числу философов. Так или иначе, существенное отличие авторской деятельности Гомера и Гесиода не вызывает сомнений. Это отличие объясняет поиски разных маркеров осознанного авторства.

Институт авторства в культурно-историческом ландшафте классической Греции

Рассмотрев две ключевые фигуры раннего античного авторства перейдем к общему плану эллинской интеллектуальной жизни, в котором тема авторства занимает видное место. Нас интересует фрагмент из третьей главы книги Г.В. Драча: «каковы бы ни были судьбы античного политического идеала, его реализация всегда зависела от развития ораторского искусства, грамотности (на основе алфавитной письменности, пришедшей на смену письму крито-микенского типа, доступного лишь писцам-профессионалам), того, что характеризовало авторство на продукт мысли и запрет на плагиат» [Драч, 2023, с. 121]. Здесь мы находим показательное соседство грамотности и института авторства. Первое можно рассматривать как предпосылку второго. Повсеместная грамотность граждан обеспечивала не только переход количества в качество (кристаллизацию авторства в лучших умах эпохи), но и давала возможность пишущему реализовывать свой навык вне структур и корпораций. В корпорации были сгруппированы обладатели навыка письма в иных древних культурах. К примеру, в Древнем Египте пишущий принадлежал или к административному аппарату, сообществу писцов Дома жизни, или сам был жрецом. Таким образом, индивидуальное авторское начало, реализовавшееся в письме, должно было преодолевать условные рамки общей корпоративной деятельности, корпоративной собственности на тексты. Иное мы находим в античном мире, где человек владеет письмом как личным навыком. Соответственно результаты письма также соотносимы с личностью, а не с надличными институциями.

Рассмотрим еще один фрагмент из книги Г.В. Драча, имеющий отношение к развитию авторского начала: «стремление к славе и верховенству, общественному признанию способствовали рационализации массового и индивидуального сознания» [Драч, 2023, с. 292]. Слава в сфере словесного творчества может рассматриваться и как мотив свершений, и как инструмент социокультурной мобильности, позволяющий составить развитую иерархию авторов, отличную от иных иерархий (нищий Гиппонакта стоит здесь вровень с аристократом Феогнидом). Индивидуализация выступает плодом деятельного соперничества за славу – венки любимца Аполлона или «ушатый треножник» (материальное выражение поэтической победы).

Теперь мы можем сказать не только о славе, но и об агональном духе древнегреческой культуры. Агон и стяжание славы – части единого социокультурного механизма (хотя, безусловно, не всякое противостояние оканчивается славой). Агон – универсальное понятие. Его упоминают применительно к суду, политике, спорту, войне, любому социальному взаимодействию. Г.В. Драч многократно обращается к агонистике, рассматривая ее в антропологическом ключе. Но как мы можем раскрыть сущность агона, говоря о творческой сфере? Творческий агон – это принципиальное противопоставление себя другим. Соревнуясь в поэтическом, драматическом состязании или заочном споре, проходящем сквозь века, автор декларирует неповторимость своего дарования. В философии, лирике и драме мы находим агональный пафос – упоминание имен антагонистов, предшественников и современников. Поэтическая формула «я не Байрон, я другой...» применима ко всем известным эллинским авторам, артикулирующим свою творческую самостоятельность в активном противопоставлении: Гесиод – не Гомер, Аристофан – не Еврепид и т.д. Такое уточнение, индивидуализирующее авторское сознание – характерная черта древнегреческой словесности. Уникально и общее творческое противопоставление себя другим.

Комплекс «гения среди толпы» был встроен в греческую этнопсихологическую реальность и не существовал в других древних культурно-цивилизационных регионах [Аверинцев, 1996].

Из вышесказанного можно заключить, что в творческой сфере доминирует созидательная сторона агонального духа. Личные состязания и внутривидовые агоны предложили автору необходимые инструменты для утверждения его творческой индивидуальности.

Заключение

Лейтмотив книги «История античной философии и культуры» – верховенство разума; эллинского логоса, победившего миф. Исследуя гомеровский и полисный рационализм, Г.В. Драч в первую очередь обращает внимание на поступательное развитие личностного сознания, закончившееся в эллинистический период вместе с разрушением системы знаний и гражданских идеалов. В архаической и классической Греции Г.В. Драч находит в «рациональный тип личности с ее устремленностью к поиску неординарного решения» [Драч, 2023, с. 361]. Такой тип способен не только на осознанную авторскую деятельность, но и на ее теоретизацию.

Особую исследовательскую сложность для нашей темы представляет переходное время, слом мифотворческой парадигмы, когда о рациональном творце приходится говорить с большой осторожностью. «Был ли гомеровский человек личностью?» – спрашивает Г.В. Драч. «Был ли Гомер осознанным автором?» – добавляем мы. На эти два органически связанных вопроса были получены положительные ответы. Г.В. Драч солидарен с Ф.Х. Кессиди, который также считал гомеровского человека актором свободного художественного творчества [Кессиди, 2003, с. 99]. Для нас же ключевым критерием осознанного авторства была способность к художественному вымыслу (авторская субъектность находит здесь параллель в хитроумии Одиссея).

Мы также отметили, что крупнейших отечественный исследователь авторства, С.С. Аверинцев, считал первым античным автором не Гомера, а Гесиода. По отношению к Гесиоду мы, ссылаясь на Г.В. Драча обозначили новые маркеры осознанного авторства – авторская позиция, биографическая определенность фигуры автора. Различие путей выявления авторского начала объясняется разностью типов. Если в Гомере мы видим автора-художника, то Гесиода мы знаем как дидактического автора, автора-мыслителя, говорящего от собственного имени.

Затем мы обратились к общим культурным основаниям. Институт авторства, включающей право на признание индивидуального творческого вклада, сам по себе есть достижение эллинской культуры. Он возник благодаря ряду культурно-исторических факторов, из которых мы выделили те, на которые обращает особое внимание Г.В. Драч: повсеместная грамотность свободных граждан, стремление к славе и общественному признанию, агональный пафос.

Грамотность, впервые в истории ставшая личным, а не профессиональным навыком, позволила устанавливать личную связь с текстом. А масштабы ее распространения обеспечили устранение авторитетной дистанции между человеком и письменным словом.

Агональность и стремление к славе составили единый социокультурный механизм, конвертирующий творческую борьбу и победу в факт общественного признания. Кроме того, вступая во внутривидовое противостояние, автор уточнял свою творческую индивидуальность и манифестировал неповторимость собственного дарования.

Таким образом, античный «эмансипированный разум» (термин Г.В. Драча) вывел на историческую сцену плеяду осознанных авторов – рефлексизирующих творческих субъектов, стремящихся к признанию индивидуальных художественных достижений и отстаивающих свое право на вечную славу.

Список литературы

- Аверинцев С.С. 1996. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., Школа «Языки русской культуры», 448 с.
- Гесиод 1999. Теогония. В кн.: Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М., Ладомир: 29–50.
- Драч Г.В. 2023. История античной философии и культуры: избранные труды. Т. 1. Ростов н/Д; Таганрог, Издательство Южного федерального университета, 512 с.
- Егоров Н.С. 2023. Рождение автора как междисциплинарная проблема. *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 4: 209–217.
- Кессиди Ф.Х. 2003. От мифа к логосу. Становление греческой философии. СПб., Алетейя, 360 с.
- Римский В.П. 2017. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллигент в интерьере культурного капитала. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.

References

- Averintsev S.S. 1996. Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii [Rhetoric and the origins of the European literary tradition]. Moscow, Publ. School "Languages of Russian culture", 448 p.
- Drach G.V. 2023. History of ancient philosophy and culture. Selected works V. 1. Rostov-on-Don; Taganrog, Publ. YFU, 512 p. (in Russian)
- Egorov N.S. 2023. The birth of the Author as an interdisciplinary problem. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*, 4: 209–217. (in Russian).
- Gesiod 1999. Teogoniya [Theogony]. Chapter in an edited book: Ellinskie poety VII–III vv. do n. e. Epos. Elegiya. Yamby. Melika. Moscow, Publ. Lodomir: 29–50. (in Russian).
- Kessidi F.Kh. 2003. Ot mifa k logosu. Stanovlenie grecheskoy filosofii [From myth to logos. The formation of Greek philosophy]. Saint Petersburg, Publ. Aleteyya, 360 p.
- Rimskiy V.P. 2017. Uchrezhdayushchaya diskursivnost' Mikhaila Petrova: intellektual v inter'ere kul'turnogo kapitala [The constitutive discursivity of Mikhail Petrov: an intellectual in the interior of cultural capital]. Moscow, Publ. Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 456 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2023

Поступила после рецензирования 03.12.2023

Принята к публикации 30.01.2024

Received September 03, 2023

Revised December 03, 2023

Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Никита Сергеевич, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita S. Egorov, postgraduate student of the Department of Philosophy, Culturology, Science of Science, Belgorod Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-187-193

**Религиозная традиция в дискурсе модерна и постмодерна
(рецензия на книгу: Традиции и новации в религии и религиозной культуре :
монография /А.М. Прилуцкий, Д.А. Головушкин, В.Ю. Лебедев [и др.] ;
ред. А.М. Прилуцкий. СПб. : Медиакросс, 2023. 264 с.)**

Липич Т.И., Липич В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85,
lipich@bsu.edu.ru

Аннотация. В представленной к рецензии коллективной монографии анализируются современные подходы к пониманию роли традиции и соотношения с ней новации в религии и религиозной культуре. Авторы с философской, исторической, психологической и семиотико-герменевтической позиций предлагают интересный, по мнению рецензентов, подход к исследованию религиозного традиционализма и модернизма с учетом различных мировоззренческих парадигм и точек зрения. Это дает возможность рассматривать религиозную динамику сквозь призму современного дискурса, который в силу определенных причин оперирует идеологемами противопоставления фундаментализма, традиционализма модернизму, что не способствует научному осмыслению религиозных процессов. В рецензии отмечено, что вопросы, анализируемые в данной монографии, объединены главной идеей рассмотрения религиозной традиции с учетом особенностей различных религий и конфессий, функционирующих в общественном пространстве. Сделан вывод о том, что монография представляет собой актуальный анализ современного состояния религиозной культуры, форм, в которых воспроизводится религиозная традиция с учетом особенностей различных религий и конфессий, функционирующих в общественном пространстве и представляет интерес для религиоведов, культурологов, студентов-теологов, учителей ОРКСЭ и ОДНРК.

Ключевые слова: культура, религия, традиция, новация, герменевтика, эстетика, религиозная культура, идентичность, новые религиозные движения

Для цитирования: Липич Т.И., Липич В.В. 2024. Религиозная традиция в дискурсе модерна и постмодерна (рецензия на книгу: Традиции и новации в религии и религиозной культуре : монография / А.М. Прилуцкий, Д.А. Головушкин, В.Ю. Лебедев [и др.] ; ред. А.М. Прилуцкий. СПб. : Медиакросс, 2023. 264 с.). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 187–193. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-187-193

**Religious Tradition in the Discourse of Modernity and Postmodernity
(Book review: Traditions and innovations in religion and religious culture :
monograph /A.M. Prilutsky, D.A. Golovushkin, V.Y. Lebedev [et al.];
ed. by A.M. Prilutsky. St. Petersburg, Mediacross, 2023. 264 p.)**

Tamara I. Lipich, Vasiliy V. Lipich
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia,
lipich@bsu.edu.ru

Abstract. The collective monograph presented for review analyzes modern approaches to understanding the role of tradition and the correlation of innovations in religion and religious culture with it. The authors from philosophical, historical, psychological and semiotic-hermeneutical positions offer an interesting,

according to the reviewers, approach to the study of religious traditionalism and modernism, taking into account various worldview paradigms and points of view. This makes it possible to consider religious dynamics through the prism of modern discourse, which for certain reasons operates with ideologies of opposition to fundamentalism, traditionalism and modernism, which does not contribute to the scientific understanding of religious processes. The review notes that the issues analyzed in this monograph are united by the main idea of considering religious tradition, taking into account the peculiarities of various religions and confessions functioning in public space. It is concluded that the monograph is an up-to-date analysis of the current state of religious culture and the forms in which religious tradition is reproduced, taking into account the characteristics of various religions and confessions functioning in public space. The monograph is of interest to religious scholars, cultural scientists, students of theology, teachers of such disciplines as Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics and Fundamentals of Spiritual and Moral Culture of Peoples of Russia.

Keywords: culture, religion, tradition, innovation, hermeneutics, aesthetics, religious culture, identity, new religious movements

For citation: Lipich T.I., Lipich V.V. 2024. Religious Tradition in the Discourse of Modernity and Postmodernity (Book review: Traditions and innovations in religion and religious culture : monograph / A.M. Prilutsky, D.A. Golovushkin, V.Y. Lebedev [et al.]; ed. by A.M. Prilutsky. St. Petersburg, Mediacross, 2023. 264 p.). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 187–193 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-187-193

Введение

Важность темы рассматриваемой монографии трудно переоценить, так как современное общество, раздираемое противоречиями, предлагает нам в качестве одной из стратегических задач анализ соотношения традиции и новации в современном религиозном дискурсе. Уважаемый авторский коллектив посвятил исследование внимательному и вдумчивому рассмотрению религиозной динамики, религиозной ситуации, а также религиозно-ведческих процессов, происходящих в культурном пространстве современного общества. Вместе с тем авторы справедливо отмечают, что научному анализу исследований религий во многом мешает тот факт, что в современном религиозноведении по большей части ученые идут по «экстенсивному сценарию» (с. 4), что не способствует выработке общей методологии, единого исследовательского подхода. В связи с этим авторы с философской, исторической, психологической и семиотико-герменевтической позиций предлагают интересный подход к исследованию религиозного традиционализма и модернизма с учетом различных мировоззренческих парадигм и точек зрения. Это дает возможность авторам рассматривать религиозную динамику сквозь призму современного дискурса, который в силу определенных причин оперирует идеологемами противопоставления фундаментализма, традиционализма модернизму, что явно не способствует научному осмыслению религиозных процессов.

Соотношение традиции и новации в современном религиозном дискурсе

Первая глава «Религиозная традиция: между традиционализмом и модернизмом», написана двумя авторами: один из них является известным философом-религиоведом, специалистом в области современной западной теологии, современных западных моделей теологического образования, семиотики религии, герменевтики А.М. Прилуцкий, второй – доктор философских наук, профессор института педагогического образования и социальных технологий Тверского государственного университета В.Ю. Лебедев. Глава посвящена анализу «традиции» в символическом дискурсе в самом широком смысле, в том числе и «вербальном, невербальном, смешанном и гипердискурсе» (с. 8). Об этом также подробно пишет один из авторов представленной монографии в своей статье «Семиотика религиозной традиции» [Прилуцкий, 2019, с. 66].

Традиция, рассматриваемая сквозь призму единства дискурса и иной реальности, связана с явлениями, в связи с которыми она существует, при этом она влияет определенным образом на мир, преобразовывая, постигая, изменяя его. Авторы отмечают, что такой подход, в свое время предложенный Гадамером, способствует возможности его применения для анализа традиции, ее ценностного наполнения и связанных с ней ритуалов.

Авторы выделяют вербально-фиксированные и устные традиции. Но в сегодняшнем мире многие традиции претерпевают изменения и получают новое наполнение. Особенно это касается устно регламентируемых традиций, которые более вариабельны, хотя и письменно передаваемые традиции тоже весьма уязвимы. В связи с этим авторы выделяют несколько типов традиций – это вербальные, акустические, визуальные, виртуальные, вербально-визуальные, вещественные. Любое наполнение содержанием этих традиций предполагает наличие контекста, что может существенно реконструировать семиотику. Но в то же время изменение отношения к традиции, наполнение ее некими иными смыслами способствуют появлению экстремистского поведения, который основан на том, что появляется псевдотрадиция.

Традиция перестает выполнять функцию инструмента передачи информации, появляется мифологизация, подмена, сознательное сокрытие происхождения традиции, ее внеисторическое восприятие. Эти процессы способствуют формированию деструктивного и экстремистского поведения. Авторы обращают наше внимание на содержание современных дискуссий по поводу правомочности такого понятия, как «традиционная религия», они отмечают, что «не может быть никакой религиозной общности, полностью лишенной традиции» (с. 18), так как она связана с ценностями традиционной культуры. В отличие от этого «фундаменталистские религиозные сообщества не способны к усвоению ценностей традиционной культуры» (с. 19).

Авторы выделяют ряд особенностей теологического дискурса на примере теологического текста, теологических постулатов, нарушения канонического построения теологического текста, формирования стилевой идентичности в рамках теологической культуры, которая авторами определяется как «совокупность вербальных и невербальных текстов, существующих в обществе способов их построения и интерпретации, характерной для определенной конфессиональной традиции» (с. 21). Человек формирует собственные смыслы в пространстве теологической культуры, которую, Ю.М. Лотман, характеризовал как пространство религиозной семиосферы [Лотман, 2000].

Формирующийся теологический дискурс, являясь продуктом теологической культуры, представляет не только теологические тексты, но и эстетические характеристики текста. Другими словами, эстетические элементы теологического дискурса дают возможность оценивать теологическую культуру. Авторы проводят некоторый сопоставительный анализ отечественного и европейского теологического дискурса. Они пишут: «Если в современной Европе теологический дискурс стратифицирован школами и направлениями, то в отечественной традиции преподавания и изучения теологии школы и направления отсутствуют» (с. 24). Авторы углубляют анализ отношения религиозного дискурса и эстетического восприятия сквозь призму базовых эстетических категорий прекрасного и возвышенного. Творческое вдохновение и религиозное откровение характеризуют религиозный акт. Теологическая стилистика позволяет определенным образом маркировать пространство сакрального, которое включает в себя эстетический, религиозный, идеологический смыслы. Интересны рассуждения авторов о стилистике храма, которая включает в себя целый набор семиотически и теологически значимых элементов, например, древний храм, православный ампир, храм шаговой доступности и т.д.

Дальнейший анализ религиозной традиции продолжил во второй главе «Религиозная традиция, ее паттерны и конкурирующие дискурсы в контексте бинарного и тринарного подходов» Д.А. Головушкин, доктор философских наук, профессор кафедры истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета

им. А.И. Герцена. Он отмечает, что в эпоху Модерна без исследования сущности, структуры и особенностей функционирования религиозной традиции «невозможно понять механизм формообразования современного религиозного реформаторства и его парадигму» (с. 103). Но на пути научного осмысления религиозной традиции существуют детерминированные ранней модерностью концепты и дискурсы, затрудняющие ее изучение. Автор рассматривает научные, идеологические, религиозные причины, формирующие различные «барьеры» и «фильтры», которые мешают осмыслению религиозной традиции. При этом автор, ссылаясь на Р.Г. Баранцева, выделяет бинаризм как столкновение двух противоположностей и тринитаризм как подход, который «сопоставляет, соединяет, сращивает». Бинарный подход рассматривался на разных этапах; как оппозиция или «традиция-модернизация» (М. Вебер), или противопоставление свободы и авторитарности (Ш. Эйзенштадт), или как противопоставление «обычая» и «архаики» (К.Н. Костюк), или религиозная традиция, как особая форма регресса – «архаизация» (А.С. Ахиезер; с. 111). В свою очередь тринитарный подход основан на принципе динамического становления некоего «третьего состояния», которое можно охарактеризовать как «срединная культура» (Н. Бердяев) или как «медиация» (А. Ахиезер). Это состояние, по мнению автора, является центральной динамической зоной, «в которой происходят процессы, способствующие достижению единства и стабильности духовной жизни общества» (с. 114)

Автор главы справедливо отмечает, что американский социолог Э. Шилз продолжил исследование традиции в этом направлении, представив ее как гетерогенную и динамичную. Д.А. Головушкин соглашается с мнением Э. Шилза, что в традиции в снятом виде существуют следы исторических эпох, межвременных представлений. Традиция не только предполагает передачу «прошлого», но и активное восприятие ее современным человеком (с. 115).

Д.А. Головушкин приводит мнение Ш. Айзенштадта, что современность может выступать «частным случаем традиции», в которой все более отчетливо слышен голос «значимого другого». Анализируя различные точки зрения по этому вопросу, автор приходит к выводу, что тринитарный подход раскрывает конститутивную природу традиции и ее основные характеристики: историчность, динамичность, субъективность, а «основы» и «новации» являются структурными элементами религиозной традиции. Поэтому, делает вывод автор главы, в изучении традиции необходимо исходить из интегрального подхода, где амбивалентность и динамика могут выступать своеобразным ядром религиозной традиции. Он отмечает, что «дискурс религиозной традиции всегда будет коррелироваться религиозным сознанием, политическим и социокультурным контекстом. В этом смысле мы действительно имеем дело с метадискурсом» (с. 130).

Не менее интересна, на наш взгляд, и глава «Новые религиозные движения: между традициями и «новизной», написанная М.Ю. Смирновым, доктором социологических наук, заведующим кафедрой философии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. В этой главе автор продолжает рассмотрение традиции, ее движение в обществе, когда появляются элементы новизны, которые могут быть оценены с мировоззренческих позиций. Он пишет о том, что общественное устройство, изменяющееся под воздействием интересов, умонастроений нуждается в неких рамочных параметрах, некоей стабильности. Таким стабилизирующим и консолидирующим элементом выступает этническая, национально-государственная, гражданская, патриотическая идентичности. При этом автор особо выделяет «религиозную идентичность как средоточие общеразделяемых мировоззренческих и нравственных смыслов» (с. 132). С развитием общества актуальным становится пересмотр традиционных религиозных установлений, появляются разнообразные формы удовлетворения религиозных потребностей. Автор выделяет одной из таких форм «новые религиозные движения (НРД)» (с. 133), характеризующиеся тем, что они действуют вне исторически сложившихся традиционных религий мира и обладают многообразием и динамичностью.

Автор выделяет три разновидности новых религиозных движений: во-первых, это обращение к некоторым своеобразно трактуемым образам и идеям христианства; во-вторых, движения, которые используют и по-своему интерпретируют восточные религии; в-третьих, это синкретические образования, соединяющие в себе как восточные, так и христианские духовные традиции. Особо автор останавливается на характеристике социокультурных оснований возникновения новых религиозных движений. Здесь акцентируется внимание на процессах обмирщения в современном обществе, повлекших за собой конфликт новаций и традиций.

Далее показано, что определенную роль в этих процессах играет секуляризация как «освобождение личности и общества от контроля и вмешательства со стороны религиозных институтов» (с. 147). Секуляризация способствует тому, что религиозные потребности переходят на иные пути воспроизводства, что человек оказывается перед выбором для себя определенной духовной традиции. Автор предлагает целый спектр исследований, как в России, так и на Западе, новых религиозных движений, что очень может заинтересовать читателя.

Еще одним интересным аспектом представленного исследования является рассмотрение вопроса о соотношении «традиционности» и «нетрадиционности» религий и религиозного сектантства. «В чем же «новизна» новых религиозных движений?» – задается вопросом автор и отвечает, что их новизна – условна. «О ней можно говорить только соотнося НРД с недифференцированным монументальным образом традиционных религий» (с. 193). Они существуют и развиваются только в определённых исторических условиях, когда идет процесс модернизации механизма воспроизводства традиции, то есть когда в обществе наблюдается очередное кризисное состояние и тем самым проявляется тенденция к обновлению.

Следующая глава также рассматривает традиции и новации с эстетической точки зрения. Эта глава «Религиозная эстетика как социальный инстинкт» написана психологом, научным сотрудником Центра профилактики экстремизма в сфере образования и молодежной среде Всероссийского педагогического университета им. А.И. Герцена С.М. Шурухт. В ней автор стремится донести до читателя несколько важных мыслей, связанных с анализом связи эстетики и религии, с формированием религиозной эстетики: человек воспринимает мир с помощью своих перцептивных способностей. В процессе коммуникации человека и мира возникает масса ассоциаций, которые формируют и наполняют некие образы. Создается законченная эстетическая картина, которая может вызывать у человека положительное эмоциональное восприятие образов религии. Например, автор говорит о том, что колокольный перезвон может вызывать удовольствие, а может и раздражать, гуляющие по улице кришнаиты тоже могут вызывать неоднозначное к себе отношение, в том числе и эстетическое. Автор опирается на теорию установки Д.Н. Узнадзе. Установка как «некое приобретение человека» (с.199) представляет собой состояние, возникающее между человеком и объектом его познающего интереса. Установка может формироваться на основе трех уровней: во-первых, базового, формирующегося в социуме (в том числе и предрассудки, предубеждения и т.д.), во-вторых, когнитивного, где происходит коррекция базовых установок на основе коллективного или индивидуального опыта; и, в-третьих, индивидуальный уровень, как отражение личного опыта восприятия. Так формируются установки в виде обычая, привычки, а также в виде согласия вследствие конформизма с мнением других людей. Автор считает, что в результате формирования установок могут возникать различные когнитивные диссонансы на базовом и индивидуальном уровне установки. К примеру, те же кришнаиты могут вызывать эстетическое умиление своими костюмами до тех пор, пока их бубны не начнут бить над вашей головой. Или архитектурное сооружение, например, такое как мечеть, тоже может вызывать эстетическое удовольствие, но если вы не живете рядом с ней и не слышите по несколько раз в день крик муэдзина. Поэтому автор, опираясь на теорию установки, делает справедли-

вый, на наш взгляд, вывод о том, что установки на когнитивном и индивидуальном уровне сильно влияют на эстетическое восприятие.

Вместе с тем автор считает более предпочтительным иной подход – на основе социальной логики. По мнению автора главы, в этом весьма преуспел французский социолог Г. Тард, который рассматривал искусство и религию как отдельные логические процессы. Все верования могут быть рассмотрены в форме как психофизиологической, так и в статистической. Автор отмечает, что есть такие объекты, которые могут выступать и как предмет искусства, и как предмет религиозного культа. Например, «Троица» Рублева. На основании этого можно предположить, считает автор, что логические процессы религии и процессы искусства пересекаются. Появляются социальные предпосылки на психофизиологической основе для эстетического восприятия: нравится – не нравится, приятно – неприятно и т.д. Автор главы отмечает, что Г. Тард при рассмотрении вопроса о том, что же такое искусство, весьма расширительно делит искусства на изящные и не изящные. При этом с позиции социальной логики искусством становятся и догматы, и обряды (с. 204). Кроме этого, эстетическими объектами становятся не только материальные объекты (рисунки, статуи, архитектурные сооружения), но и формирующиеся и порой застывающие в каноне ритуалы, песни. Отсюда автор вслед за Г. Тардом делает вывод, что ритуалы постепенно становятся частью различных верований, и приобретают религиозный смысл. С этим можно согласиться, так как, создавая произведение искусства, например, икону, человек самовыражается, сам себя познает.

Еще одну важную тему поднимает автор вслед за Г. Тардом – это соотношение искусства и морали, которые неотделимы друг от друга. Он пишет: «Все религии в той или иной степени озабочены вопросами морали. И тут задачи искусства и религии совпадают, суждение об эстетической целесообразности предмета искусства тесно связано с суждениями о его практическом применении» (с. 205). Были времена, когда храм ли, статуя ли, музыкальное произведение в виде хора имели значение, если они несли в себе религиозный смысл. Но постепенно усложнялось общество, усложнялись и эстетические и религиозные практики, многие из которых, считал Г. Тард, и с ним соглашается С.М. Шурухт, основывались на человеческих страхах и их преодолении в процессе жизни, что способствовало созданию удивительных памятников архитектуры, скульптуры. Другими словами, борьба со страхами породила эстетическую практику (с. 226). При этом религии становятся акторами эстетического пространства, постепенно формируя у человека эстетическое восприятие мира, которое в свою очередь создает особый эстетический язык и с его помощью человек начинает особым образом воспринимать религию (одежда, особые знаки религиозной иерархии). Автор делает интересный вывод о том, что как эстетическое пространство наполняется религиозным содержанием, смыслом, так и религиозное пространство наполняется эстетическим содержанием. Происходит некий симбиоз религий и инструментов эстетики.

Особо хотелось бы отметить обращение автора к формированию и существованию в разных религиях народной религиозности и создаваемой ею особым эстетическим пространством: борьба светлых и темных сил, подробный анализ темных сил религиозности, описанный в разных произведениях, например, у Анри Рене Лесаржа в романе «Хромой бес», у Данте Алигьери в «Божественной комедии», у Н.В. Гоголя в повести «Ночь перед Рождеством», М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и т. д.

Заключение

Завершая анализ монографии, можно отметить, что вопросы, затрагиваемые в ней, объединены одной главной идеей рассмотрения религиозной традиции с учетом особенностей различных религий и конфессий, функционирующих в общественном пространстве. Такой подход в современных реалиях особенно актуален, так как наша страна многоконфессиональна и не учитывать особенности функционирования различных религий в

общественном пространстве нельзя. Авторы, на наш взгляд, очень внимательно и скрупулезно подошли к решению этой задачи в данном исследовании. Импонирует, что книга изобилует интересными фактами, сведениями из религиозной жизни, теологической стилистики. Рецензируемая монография располагает к осмыслению многих дискуссионных и сложных тем. Выводы, сделанные в ней, дают почву для дальнейшего исследования этих проблем религиоведами, философами, культурологами

Завершает книгу список используемой литературы, где указаны все основные исследования по данной проблематике, что делает работу еще более информативной.

Список литературы References

- Лотман Ю.М. 2000. Семиосфера. С.-Петербург, Искусство – СПб, 704 с.
Lotman YU.M. 2000. Semiosfera [Semiosphere]. S.-Peterburg, Publ. Iskusstvo – SPB, 704 p.
Прилуцкий А.М. 2019. Семиотика религиозной традиции. *Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология*, 61: 66–71.
Prilutskiy A.M. 2019. Semiotika religioznoy traditsii [Semiotics of Religious Tradition]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya*, 61: 66–71.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.09.2023
Принята к публикации 31.01.2024

Received September 11, 2023
Accepted January 31, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Липич Василий Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Vasiliy V. Lipich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 130.2; 141

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-194-198

Вечная греческая античность

(рецензия на книгу: Г.В. Драч. История античной философии и культуры:
избранные труды в 2 т.

Ростов-на-Дону, Издательство Южного федерального университета. 2023)

^{1,2} Римский В.П., ¹ Римская О.Н.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгород, 308007, ул. Королева, д. 7.

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, 308015, ул. Победы, 85
rimskiy@bsu.edu.ru, olgarimskaja@rambler.ru

Аннотация. Представлена рецензия на двухтомник избранных работ Г.В. Драча, который подводит итоги почти 55-летней творческой работы выдающегося советского и российского учёного и философа, историка философии и культуролога, основателя и двигателя Ростовской философско-культурологической школы. В рецензии раскрыта идея о том, что история отечественной философии продолжается нашими современниками, она всегда персонифицирована и требует объективной оценки проделанной работы «здесь и сейчас», не дожидаясь оседания архивной пыли на опубликованных трудах. Это требует использования не только критико-аналитического метода, но и биографического, позволяющего выявлять контексты и смыслы концепций живых, реальных участников историко-философского и историко-научного процесса.

Ключевые слова: Г.В. Драч, Ф.Х. Кессиди, древнегреческая философия, отечественная философия, философское творчество

Для цитирования: Римский В.П., Римская О.Н. 2024. Вечная греческая античность (рецензия на книгу: Г.В. Драч. История античной философии и культуры : избранные труды в 2 т. Ростов-на-Дону, Издательство Южного федерального университета. 2023). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 194–198. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-194-198

Eternal Greek Antiquity

(Book review: G.V. Drach. History of Ancient Philosophy and Culture :
Selected works in 2 vols. Rostov-on-Don, Southern Federal University Press. 2023)

^{1,2} Victor P. Rimsky, ¹ Olga N. Rimskaya

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308007, Russian Federation

² Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
rimskiy@bsu.edu.ru, olgarimskaja@rambler.ru

Abstract. The review of the two-volume collection of selected works by G.V. Drach is presented, which summarizes the results of almost 55 years of creative work of an outstanding Soviet and Russian scientist and philosopher, historian of philosophy and cultural critic, founder and engine of the Rostov Philosophical and Cultural School. The purpose of this text is to implement the idea that the history of Russian philosophy is created by our contemporaries, it is always personalized and requires an objective assessment of the work done "here and now", without waiting for the published works to settle in archival dust. This requires the use of not only a critical and analytical method, but also a biographical one, which

allows us to identify the contexts and meanings of the concepts of living, real participants in the historical-philosophical and historical-scientific process.

Keywords: G.V. Drach, F.H. Cassidy, ancient Greek philosophy, Russian philosophy, philosophical creativity

For citation: Rimsky V.P., Rimskaya O.N. 2024. Eternal Greek Antiquity (Book review: G.V. Drach. History of Ancient Philosophy and Culture : Selected works in 2 vols. Rostov-on-Don, Southern Federal University Press. 2023). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 194–198 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-194-198

Настоящий творческий человек – художник, писатель, учёный, философ – может многократно подводить итоги своей созидательной работы, но они всегда будут предварительными, а творчество – открытым. Предварительные «итоги» творческой философской работы Геннадия Владимировича Драча, сооснователя Ростовской философско-культурологической школы, были однажды – несколько лет назад – подведены и включали его ранние и поздние статьи, посвящённые исследованию древнегреческой философии и актуальным культурологическим проблемам, а также содержали отклики учеников и друзей [Драч, 2017]. Но первое «избранное» символически так и осталось «открытым». Поэтому мы с радостью восприняли выход в свет нового двухтомника Г.В. Драча, нашего учителя и друга, который создан как обобщение концептуальных работ автора, посвящённых истории философии и культуры античности, но и в этом ракурсе «итоги» также остались открытыми в прямом и переносном смысле: дискуссионная статья «Об античном полисе и проблемах происхождения науки и философии: перечитывая Петрова» начинает данный выпуск нашего журнала (название новой статьи напрямую связано с древнегреческой философией, античным законотворчеством и социальным проектированием, то есть с «номотетикой»).

Открывает первый том избранного переработанная и отредактированная монография Г.В. Драча «Рождение античной философии и начало антропологической проблематики» [Драч, 2003], которая была в своё время итогом долгой работы историка философии над вечной проблемой происхождения древнегреческой (и любой другой!) философии. Автор посвятил тематике ранней античной философии не один десяток лет, в том числе и свою докторскую диссертацию [Драч, 1987]. Почему публикационный ремейк не потерял свою актуальность?

Во-первых, проблема истоков философии – вечная историко-философская и философско-рефлексивная, метафизическая задача, которая никем и никогда до конца и не будет решена. Поэтому автор даёт нам поистине фундаментальный, энциклопедический обзор осмысления тематики в западной и отечественной философии: от самих античных авторов (особенно Аристотеля, который стал «вечным спутником» Г.В. Драча) до Ф. Ницше и М. Хайдеггера. Хайдеггер справедливо поставил метафизическую задачу аутентичного прочтения раннегреческой философии, которую он заканчивает Парменидом, считая софистов, Платона и Аристотеля философами, сбившими философию с истинной онтологической дороги, что и породило все изъязны не только всей западноевропейской философии, но и всей этой цивилизации.

По Хайдеггеру именно в онтологии досократиков якобы появляется человек, говорящий с природой: «Начинаемая античностью история западной метафизики есть, по Хайдеггеру, история великой трагедии бытия. Истина бытия принадлежала досократикам, в то время как вся история западной метафизики, начиная с Платона, есть «забвение бытия». Именно досократики говорили на языке бытия, им была доступна безрефлексивная истина бытия в их «прислушивании» к голосу природы (*physis*). Именно *physis*-концепции досократиков дают возможность «помнить» о бытии, обеспечивают присутствие бытия во взаимодействии с вещами. Логика, познание — начало забвения бытия, поскольку они

разрывают с этим первоначальным исконно антропологическим содержанием *physis*» [Драч, 2023, с. 20]. И в этом главная заслуга Хайдеггера как последнего классического философа (в прямом и переносном смысле) в осмыслении античной философии.

Однако Хайдеггер со своим мифологизированным взглядом на античность остаётся в пределах того же школьного, диатрибического подхода к истории греческой философии, который делит её на «досократический», «сократический» и «поздний» периоды. Ну, или близкие классификационные ряды... При этом «досократики» будто бы занимались натурфилософией (у Хайдеггера онтологией), «сократики» – этической и социальной проблематикой, а поздние неоплатоники и перипатетики вообще впадали в религиозную, анти-философскую ересь. В своей монографии и Г.В. Драч отходит от такого школьного подхода к периодизации и пониманию античности и к античной философии.

Во-вторых, преодолевая школьные схемы, Г.В. Драч исходит из конкретно-исторического подхода к ранней, древнегреческой философии, используя метод социогенеза [Драч, 2017], связанный с трактовкой специфики античного полиса, а также собственную герменевтическую текстологию общеизвестных текстов – от Гомера и Гесиода и до Гераклита и Парменида, – заявленную им ещё в ранних работах [Драч, 1973], что и позволяет автору реализовать аутентичную историко-философскую реконструкцию идей ранней античности. Сочетание этих методов становится гарантией как от архаизации и мифологизации древней философии (Хайдеггер), так и от её модернизации (позитивисты любых версий). Авторская герменевтическая текстология строится на новаторской идее: «досократики» также не были чужды ни антропологической, ни этической, ни социальной созерцательной, философской рефлексии.

Г.В. Драч пишет в самом начале монографии, включённой в избранное, что многие западные авторы в таком ракурсе уже рассматривали античность, но это были в основном историки культуры, религиоведы, исторические психологи или культурологи (от Я. Буркхардта до Э. Доддса), а не профессиональные историки философии, работающие с древнегреческими до-философскими и философскими текстами. Автор подверг обоснованной критике как зарубежную, так и отечественную историко-философскую литературу по интерпретации ранних античных текстов (его критические обзоры энциклопедичны), обосновав новаторскую идею *глубинного залегания антропологической парадигмы* в философии уже до Сократа.

Чтобы осилить такой историко-философский и историко-культурный пласт в горизонте новых открытий там, где работали философские гиганты и научные корифеи, Г.В. Драч переработал громадное количество классической философской и научной литературы. Мы всегда – ещё с аспирантских времён – с удивлением осматривали его библиотеку, которая включила за многие десятилетия работы не только опубликованные монографии, первоисточники, журналы, но и внушительный архив с десятками папок, где собраны ксерокопии греческих текстов, иноязычные историко-философские исследования и переписка с зарубежными и отечественными коллегами. Г.В. Драч всегда с уважением и благодарностью отзывался о своих учителях-антиковедах, среди которых такие имена, как Ф.Х. Кессиди, М.К. Петров, А.Ф. Лосев, А.В. Потёмкин, В.В. Соколов и другие знаменитые персоналии. Учителям Г.В. Драч посвятил статьи во втором томе рецензируемого издания, отдав дань их идеям в трактовке и понимании античной философии.

Научные достижения даются авторам огромными трудами, но не меньшей работы требует трансляция полученных знаний новым, молодым поколениям исследователей, то есть формирование школьного, диатрибического тезауруса (М.К. Петров, А.В. Потёмкин). Вся Россия знает десятки учебников по культурологическим дисциплинам с участием и под редакцией Г.В. Драча. Но во втором томе нового избранного мы встречаем уникальное учебное пособие «Зарубежное философское антиковедение», в котором работы зарубежных авторов классического антиковедения в переводах учеников и слушателей Ф.Х. Кессиди, отредактированных им и представленных в Ростовский государственный

университет, были структурированы, прокомментированы и дополнены его последователем Г.В. Драчом. После доработки учебное пособие получило уникальную модульную структуру, публикуется впервые и несомненно будет полезным молодым поколениям, изучающим «вечную античность».

«Идея античности», которой Г.В. Драч посвятил всё своё философское творчество и научную судьбу, нашла обоснование и получила развитие в статьях автора, предшествующих и сопутствующих монографии и учебному пособию в двухтомнике. Итогом проблематики можно считать две статьи автора: в первом томе избранного «Рождение древнегреческой философии и начало европейской цивилизации (аспекты проблемы)», опубликованную совсем недавно, в 2022 году [Драч, 2023], а во втором – «Агональность – определяющий фактор цивилизационного развития Запада» [Драч, 2023]. Эти небольшие, но содержательно ёмкие статьи написаны стилистически виртуозно и действительно подводят итоги авторской «идеи и формулы античности», открывая её в современность «европейской цивилизации».

Но вот здесь и возникает вопрос к нашему учителю: что понимать под «европейской цивилизацией»? *Цивилизацию модерна* с капитализмом и индивидуализмом, заложенными в её экономические, политические, культурные и антропологические основания? Или специфическую *традиционалистскую, христианскую цивилизацию* европейского Средневековья, которая существовала в двух ипостасях (восточно-православной и западно-католической) и была отлична от *языческого традиционализма античности*, греческой и римской? Мы поставили те глубинные проблемы, которые и определили нашу дискуссию с Г.В. Драчом (и с М.К. Петровым), представленную в отклике на нашу статью [Римский, Римская, 2023], открывающую этот выпуск журнала. И мы оставляем за собой право продолжить наш дружеский спор немного позже.

Список литературы

- Драч Г.В. 1973. Идея Логоса в натурфилософии Гераклита и её социальный фон. В кн.: *Наукovedение и история культуры*. Отв. ред. проф. Е. Я. Режабек. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовского университета: 98–110.
- Драч Г.В. 1987. Проблема человека в раннегреческой философии. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовского университета, 174 с.
- Драч Г.В. 2003. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. Москва, Гардарики, 318 с.
- Драч Г.В. 2017. Социогенез идеи логоса в философии Гераклита: философско-культурологическая экспликация. *Научные ведомости БелГУ: Философия. Социология. Право*, 3(39): 5–15.
- Драч Г.В. 2017. История философии и теория культуры : избранные труды. Отв. ред. и авт. предисл. Е.В. Сердюкова, В.Д. Бакулов. Ростов-на-Дону, Издательство ЮФУ, 346 с.
- Драч Г.В. 2023. История античной философии и культуры: избранные труды. В 2 т. Отв. ред. Е.В. Сердюкова, В.Д. Бакулов. Ростов-на-Дону; Таганрог, Изд-во ЮФУ.
- Римский В.П., Римская О.Н. 2023. Тайна античного полиса в скрытой полемике: М.К. Петров vs А.В. Потёмкин. *Наука. Искусство. Культура*, 3(39): 92–104.

References

- Drach G.V. 1973. The idea of Logos in Heraclitus' naturphilosophy and its social background. In: *Naukovedenie i istorii kultura*. Rostov-on-Don, Publ. Rostov University: 98–110 (in Russian).
- Drach G.V. 1987. The problem of man in early Greek philosophy. Rostov-on-Don, Publ. Rostov University, 174 p. (in Russian).
- Drach G.V. 2003. The Birth of Antique Philosophy and the Beginning of Anthropological Problems. M., Publ. Gardariki, 318 p. (in Russian).
- Drach G.V. 2017. Sociogenesis of the idea of logos in the philosophy of Heraclitus: philosophical and cultural explication. *Nauchnye vedomosti BelGU: Philosophy. Sociology. Law*, 3(39): 5–15 (in Russian).

- Drach G.V. 2017. History of philosophy and theory of culture: selected works; ed. by E.V. Serdyukova, V.D. Bakulov. Rostov-on-Don: YFU Publishing House, 346 p. (in Russian).
- Drach G.V. 2023. History of ancient philosophy and culture: selected works. In 2 vols.; ed. by E.V. Serdyukova, V.D. Bakulov. Rostov-on-Don; Taganrog: Publ. SFU (in Russian).
- Rimsky V.P., Rimskaya O.N. 2023. The mystery of the ancient polis in a hidden polemic: M.K. Petrov vs A.V. Potemkin. *Science. Art. Culture*, 3(39): 92–104 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.09.2023

Принята к публикации 31.01.2024

Received September 11, 2023

Accepted January 31, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Римская Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor P. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science of Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor of the Department of Philosophy and Theology at the Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Olga N. Rimskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.